

**ВВЕДЕНИЕ
В НАУКУ**

история

выпуск XVI

Н. И. Кареев

РЕВОЛЮЦИЯ И НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА

„НАУКА и ШКОЛА“

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ

ИСТОРИЯ

под редакцией

С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, М. Д. Приселкова

Выпуск 16

Н. И. КАРЕЕВ

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ

(Революция и Наполеоновская Эпоха)

„НАУКА И ШКОЛА“

ПЕТЕРБУРГ • 1922

ПОНЯТИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ДЕЛЕНИЕ ЕЕ НА ПЕРИОДЫ.

Из новой истории европейского Запада принято выделять ближайшее к нам время, начиная с Великой Французской Революции, в особый отдел так называемой «новейшей истории», которому дается даже, особенно для самого близкого к нам времени, название современной истории (*neuere Geschichte*, *histoire contemporaine*, *zeitgenössische Geschichte* и т. п.). В хронологический состав этого отдела входят, таким образом, конец XVIII столетия, точнее говоря, последнее его десятилетие с двумя годами предыдущего, весь XIX век и первые два десятилетия XX до наших, значит, дней, в общей сложности около 130 лет. Основания для этого выделения следующие.

В 1789 году во Франции началась великая революция, оказавшая громадное влияние и на всю Европу. В XVIII столетии почти повсеместно на материке Европы царили приблизительно одинаковые политические учреждения и социальные отношения с соответственными им общественными понятиями, которым присвоено название «старого порядка» (*ancien régime*), как принято было, прежде всего в самой Франции, обозначать прежнее в отличие от нового, созданного революцией. Сущность старого порядка заключалась в тесном соединении абсолютной монархии с сословными привилегиями феодального происхождения. Это было полное отрицание на практике принципов свободы, как политической, так и индивидуальной, а с нею и гражданского равноправия, которые играли такую важную роль в «философии XVIII века». Французская революция была началом перестройки государства и общества на началах свободы и равноправия и в других европейских странах, началом конституционных движений, постепенно приводивших отдельные страны к тому же, что произошло во Франции в конце XVIII века. Революцией 1789 года открывается целая эпоха политических переворотов, лозунгами которых были свобода и равноправие, свобода личности, свобода в смысле участия народа в государственных делах, свобода национального самоопределения, равноправие, как уничтожение сословных привилегий. Принципы эти были сформулированы в знаменитой «Декларации прав человека и гражданина» 1789 —

1791 годов. Со стороны государств старого порядка сделан был против революции отпор, но революция стала одерживать победы; и тогда же, во второй половине девятидесятих годов XVIII века, Франция, превратившаяся к тому времени в республику и успевшая раздвинуть свои пределы до Рейна и Альп, основала по образу и подобию своему целый ряд демократических республик в Голландии, в Швейцарии, в Италии (Батавская, Гельветическая, Лигурийская, Цизальпинская, Римская, Партенопейская).

Правда, в самой Франции республика не удержалась, как не удержались и «республики-дочери», но многие приобретения революции сохранились во Франции и распространились в других странах и в эпоху империи Наполеона I. После падения последней начался период введения конституционного режима в ряде европейских государств, происходившее то мирным путем, то путем восстаний. В начале двадцатых годов произошли революции в Испании, в Португалии, в некоторых частях Италии, вскоре, впрочем, подавленные. Через десять лет новые революции в защиту свободы произошли во Франции, в Бельгии, в Польше, в некоторых государствах Германии и Италии, частью тоже бывшие неуспешными. В 1848 году почти весь континент Западной Европы был охвачен революционным пожаром, распространившимся из Франции на итальянские и германские государства, не исключая ни Пруссию, ни Австрию, а в последней не только на все немецкие области, но и на владения в Италии, на славянские страны, на Венгрию. Хотя за этим неступил десятилетний период новой реакции, однако, в конце-концов, к началу последней трети прошлого столетия во всей Западной Европе господствующею формою правления была конституционная монархия. Конечно, принципы «Декларации прав» осуществлялись в отдельных странах, однако, даже очень далеко не в полной мере, но именно то, что все это было постепенным разрушением старого порядка ради достижения свободы и равноправия, дает нам право выделить европейское прошлое за последние сто тридцать лет в особый отдел новой истории. Революционное движение захватило и Россию, сначала в двадцатых годах XIX в. (заговор декабристов), потом с шестидесятих годов до двух революций начала XX столетия.

В этом процессе исторического переустройства европейских государств абсолютная (неограниченная) монархия уступила место монархии конституционной (ограниченной), но уже во время французской революции сделана была первая попытка превращения большой страны в республику, более, нежели монархия, соответствовавшую «Декларации прав», и эта попытка сопровождалась другою — основанием республик и вне Франции. Дело кончилось неудачею обеих попыток, как то случилось и с республиканизмом 1848 года во Франции, в Италии, в Германии

и в Венгрии. Третьим республиканским периодом является новейший — с 1917 года. — Смена абсолютной монархии свободным государственным строем относится к политической истории эпохи, как замена сословного строя старого порядка бессословным гражданством — к истории социальной. Средневековые представительные учреждения, игравшие политическую роль до полной победы абсолютизма в XVII веке, имели характер сословных сеймов, и лишь французская революция положила начало национальному представительству на континенте Европы, придав ему демократический характер, но в первой половине XIX века возобладал принцип представительства цензового (классового), стоявшего в противоречии с принципом политического равноправия, требующего полной демократии. Во второй половине прошлого столетия и в этом отношении дело пошло в сторону демократизации политической жизни. Между прочим, и аристократический строй английской конституции постепенно демократизировался.

В истории народных масс с 1789 года начинается новая эпоха. Революция положила во Франции конец социальному феодализму с его разделением населения на сословия, с его привилегированностью духовенства и дворянства, с его остатками крепостничества в сельском быту. Она уничтожила привилегии дворянского землевладения, несвободу крестьянской собственности, ограниченность личных прав крестьянского населения и т. п. В XIX веке постепенно падает крепостное состояние крестьянства в разных странах (напр., в 1807 году в Пруссии и в Польше, в 1848 году в Австрии, в 1861 году в России). В XIX же веке возникает и развивается рабочий вопрос, сделавшийся главным социальным вопросом эпохи.

Одновременно с политическим движением новейшего времени, имеющим свой исходный пункт во французской революции, на Западе совершалась и своего рода революция экономическая, индустриальная. В ней обнаруживаются явления трех категорий: замена мелкой промышленности, имевшей средневековую цеховую организацию, крупною, заводско-фабричною, быстрый рост пролетариата и введение в обрабатывающую промышленность машинного производства. Ранее всего, еще в конце XVIII века, эта перемена произошла в Англии, сделавшейся для первой половины XIX века классическою страной капитализма, который в XIX веке и в других странах сделал большие успехи (особенно в Германии после ее объединения в 1867 — 1871 годах). Старая противоположность привилегированных сословий и «третьего сословия» сменилась к тридцатым годам XIX века противоположностью буржуазии и пролетариата.

Замена сословного строя общества бессословным гражданством везде приносило наибольшую выгоду буржуазии, которая с падением прежних привилегированных сословий, с введением

цензового, основанного на обладании значительной собственностью представительства и заняла господствующее положение в государственной жизни. Противоречия интересов буржуазии и рабочего класса с большою силою проявились еще в первой французской революции, в которой наблюдаются и чисто социальные стремления, столь характерные для новейшего времени. В годы наиболее резкого проявления классовых интересов французской революции, движения, в которых рабочий класс принимал наибольшее участие, уже формулировалась та общая мысль, что дело должно заключаться не в одном переустройстве государства, но и в коренном изменении общественных отношений экономического характера.

Хотя термин «социализм» возник только в середине тридцатых годов XIX века, но социалистические стремления в рабочей среде и социалистические идеи в демократической интеллигенции существовали во Франции и в конце предыдущего столетия.

Новейшему времени развитие, с одной стороны, капитализма, с другой — социализма придает особенный характер, так что и в этом отношении французская революция положила начало одному из крупнейших исторических движений. Появлению, в первой трети XIX века, социальных утопий много способствовало разочарование в политических результатах революции, но с тридцатых годов началось сближение между политическим радикализмом и планами социального переустройства, и в революции 1848 года рабочее движение уже имело большею частью социалистический характер. После непродолжительной реакции пятидесятих годов социализм в следующем десятилетии возродился и стал играть все большую и большую роль в политической жизни отдельных стран, причем уже к середине шестидесятых годов относится приращение рабочему движению международного характера.

Возводя начало новейших политических и социальных движений к французской революции, мы должны сделать то же самое и по отношению к движениям национальным. Старый режим отрицал какую бы то ни было национальную свободу, тогда как французская революция провозгласила право каждой нации на самоопределение, вытекавшее из идеи народного верховенства. Права единичного человека не должны были зависеть от его происхождения, от его вероисповедания, от его национальности, и отдельная нация в целом должна была пользоваться тою же свободой и тем же равноправием, как и составляющие каждый народ единицы. Само французское владычество над другими нациями в эпоху империи вызывало в них чувство независимости и протест против угнетения. В политически раздробленных Италии и Германии впервые в эту эпоху возник идеал национального объединения, игравший потом такую роль

в истории обеих стран, пока уже в середине XIX столетия не произошло фактическое объединение обеих наций в Итальянском королевстве (1861) и в Германской империи (1871). Италии при этом еще пришлось стремиться к устранению зависимости части ее территории от чужеземного, австрийского владычества, но под чужеземною властью и даже разделенными иногда между разными государствами находились и другие нации, тоже стремившиеся к независимости. Известно, напр., что на французскую революцию большие надежды возлагали ирландцы и поляки, что не без влияния французской революции обошлось дело национальных восстаний сербов и греков против Турции и т. п. Национальные стремления сыграли очень крупную роль, наряду с политическими и социальными, и в европейской революции 1848 года. Они же привели к расчленению Оттоманской империи на национальные государства сербов, греков, румын и болгар. Равным образом, национальные стремления выступили наружу и в ближайшее к нам время, после того, как во время войны 1914 года был провозглашен лозунг национального самоопределения, бывший, как уже было указано, провозглашенным еще французской революцией.

Национальные движения новейшего времени, кроме политической стороны, заключающейся в стремлении к государственной независимости и к государственному единству, имеют еще и культурную сторону. Неблагоприятные исторические условия поставили мелкие народности Европы в такое положение, которое лишило их возможности культурного развития. Таково было, напр., положение славян, подвластных Турции и Австрии и стоявших в начале XIX века на очень низкой ступени развития, почти без собственной интеллигенции, без своей литературы, без научного образования и т. п. С французской революции ведет свое начало и забота образованных классов о просвещении народных масс, которое не может иначе происходить, как на родном языке. Общее возбуждение, произведенное революцией и последовавшими за нею войнами, немало содействовало пробуждению отсталых народностей от вековой спячки. Результатом был целый ряд культурно-национальных «возрождений» среди «инородцев» Турции, Австрии и России, среди греков и румын, сербов и чехов, болгар и украинцев, латышей и финнов, грузин и армян и пр.

Если в данном случае отвлечься от национального характера этих возрождений, а иметь в виду лишь культурный подъем косневших в невежестве масс, то и здесь мы видим, — нельзя этого не повторить, — продолжение того, что впервые было провозглашено французской революцией, т. е. первого приступа к тому, чтобы высшие ценности духовной культуры сделать доступными широким массам народа. В указанных национальных «возрождениях» был, таким образом, также тот демократизм

который выразился в провозглашении французской революцией права граждан свободного государства и духовно развиваться.

Еще в одном отношении можно поставить новейшую историю Европы в ближайшую связь с французской революцией, как ее исходным пунктом. Такие политические и социальные, как она, движения происходили и раньше, но под знаменем религиозных идей реформации, тогда как революция происходила под знаменем принципов так называемой «просветительной философии» XVIII века. В немецкой реформации XVI столетия, в английской революции XVII столетия права на свободу и на гражданское равенство обосновывались на теологических идеях, в последнем счете на воле Божией, возведенной в откровении, тогда как в эпоху революции эти свобода и равенство выводились из естественного права, открываемого деятельностью разума. На этом сказалась та секуляризация духовной культуры, которая началась на Западе в гуманизме XIV—XVI веков. Эта секуляризация продолжалась и в XIX столетии с тем только различием, что метафизическое умонастроение, свойственное рационализму XVIII века, сменилось в XIX столетии, хотя и далеко не сразу, более положительным направлением в сторону большего уважения к правам опыта и наблюдения.

Начиная новейшую историю с французской революции, мы придаем большое значение в установлении этой хронологической грани и той индустриальной революции, о которой было сказано выше. В этой последней важным фактором было введение в обрабатывающую промышленность паровой (двигательной) и разных прядильных, ткацких и т. п. (рабочих) машин. Первый опыт применения паровой машины к бумагопрядильному делу относится к 1785 году, когда была пущена в ход и первая ткацкая машина. Перед этим и после этого изобретены были и многие еще другие машины, с чего начался небывалый технический прогресс, отразившийся на всей жизни и также дающий право выделить новейшее время, как особый отдел даже всемирной истории. Дело в том, что за последние лет полтораста и особенно в XIX веке сделано было технических изобретений гораздо больше, чем за все время существования человеческой культуры. Когда-то принято было называть конец XV и начало XVI века эпохой изобретений и открытий; с большим основанием это название имели бы право носить более близкие к нам времена.

Для выделения новейшего времени из новой истории вообще — есть еще и иное основание, заключающееся в характере источников, в которых заключается весь исторический материал, относящийся к прошлому Европы с конца XVIII века.

При старом порядке решались судьбы народов и вершились государственные дела при дворах, в кабинетах государей и ми-

нистров и других тому подобных местах, так сказать, келейно со всякого рода предосторожностями для охраны государственных секретов и канцелярских тайн, погребавшихся потом в архивах, которые оставались затем недоступными для глаз посторонних людей. Правительственные действия не подлежали критике «ограниченного ума подданных», за чем следила также строгая цензура. С французской революции начинается эпоха, так сказать, публичного и гласного делания истории, эпоха, когда с кабинетами и канцеляриями стали конкурировать и даже отодвигать их на задний план представительные палаты и другие общественные собрания (органов местного самоуправления, политических обществ, народных митингов, партийных съездов и пр. и пр.). Бюрократические порядки времен абсолютизма исключали участие в государственных делах каких бы то ни было общественных сил, но с падением абсолютизма то, что названо было выше деланием истории, приняло более публичный характер и стало предметом гласности, не стесняемой более прежними цензурными препонами. Развитие периодической прессы, постоянно регистрирующей события текущей жизни и обсуждающей злобы сегодняшнего дня, ведет свое начало с первых же дней французской революции, когда сразу появилось великое множество газет, начавших тем самым накапливать громадный исторический материал. Чем больше общество могло принимать участие в политической жизни и чем с большею свободой периодическая пресса могла следовать за нею, чем более распространялись простая грамотность и некоторая степень образования в более широких кругах населения, а техника газетного дела чем более делала успехов, тем все более и более разрослась количественно и совершенствовался качественно исторический материал, создававшийся публицистикой.

Поскольку сама история стала совершаться всякого рода представительными учреждениями и в публичных собраниях, поскольку стали вестись и обнародываться протоколы разных собраний, печататься всевозможные резолюции, прокламации, манифесты и пр. тех или других учреждений, групп, партий, поскольку газеты начали информировать публику о том, что делается на белом свете ¹⁾, разоблачая нередко то, что раньше осталось бы скрытым, и служить отголоском общественного мнения или разных партий, поскольку параллельно с периоди-

¹⁾ Примером может служить парижская газета «Le Moniteur Universel», начавшая издаваться осенью 1789 года и составившая за десять лет 24 тома. Это — столь богатое по массе фактических сведений собрание материала, что в шестидесятих годах прошлого столетия оно было перепечатано в 32 томах (Réimpression de l' Ancien Moniteur) с примечаниями и двумя алфавитными указателями. Важен также по подробностям, которых нет в других изданиях, из той же эпохи «Journal des débats et des décrets», к сожалению, не перепечатанный.

ческой прессой большое развитие получила и брошюрная публицистика и т. д., и поскольку всем этим стал создаваться нового рода исторический материал,—все это было результатом того, что прежняя связанность общественных сил и вынужденное молчание общества прекращались с падением абсолютизма: свобода вызвала к жизни и появление нового отражения ее в письменности.

Содержание общественной жизни сделалось богаче, и сама она стала более доступною для наблюдения со стороны, да и самое течение ее стало более быстрым — при более свободной деятельности общественных сил. В то самое время, как история, в смысле самого процесса общественной жизни, делалась, та же история, но уже в смысле повествования об этом процессе, и записывалась современниками событий, бросавшими в печати, в газетных ли статьях, в брошюрах ли, или даже в целых книгах ретроспективные взгляды на ход событий за те или другие периоды времени с целью ли проведения в общественное сознание каких-либо политических взглядов, дабы оказать влияние на общественное мнение в интересах какой-либо политической партии, публицистической идеи и т. п., или же с простою целью информации читателей, ищущих уже более обобщенного и концентрированного знания о недавнем прошлом или о переживаемом моменте. Нет, в передовых странах Европы, недостатка в разных еженедельных, ежемесячных, ежегодных «обзорах» текущей жизни или недавнего прошлого. Конечно, это—прежние летописи и хроники, но уже едва поспевающие за событиями и тотчас же публикуемые для всеобщего сведения. Дальнейшим шагом в этой погоне за течением общественной жизни являются попытки тотчас же, не откладывая в долгий ящик, составления историй только что пережитых событий, как это имело место уже в эпоху французской революции. Историческая литература спешит идти следом за историческою жизнью, по возможности от нее не отставая.

Набрасывая эти замечания об общем характере создаваемого новейшим временем исторического материала, я отнюдь не имею в виду дать здесь ни исчерпывающий обзор главных категорий источников для новейшей истории, ни их характеристику, а хочу только показать, как на этом материале отразились участие, в делании истории, общественных сил, большая его публичность, т. е. большее знакомство с ним самого общества, большая свобода в деле обсуждения общественных вопросов.

Дополню, однако, сказанное еще кое-какими общими соображениями.

С тех пор, как в публичной жизни стали принимать участие большее количество людей, большему их количеству оказалось возможным записывать в свои дневники события текущей жизни

или сообщать о них в письмах к близким, а впоследствии записывать свои воспоминания о минувшем. Мемуарная литература, бывшая и раньше довольно значительной, получила особенно большое развитие с эпохи французской революции, с уклоном то в сторону автобиографии, то в сторону апологетической или полемической публицистики. Так как на политическом поприще стало появляться все большее и большее количество выдающихся личностей, то соответственно с этим выросла и богатая биографическая литература, которая с дневниками, переписками, мемуарами и т. п. тех или других из них тоже составила громадный исторический материал.

Далее, развивавшийся все в большей мере интерес к общественной жизни и большая, чем прежде, возможность его удовлетворения породили целую литературу разного рода исследований отдельных сторон текущей жизни. Я не говорю уже о тех исследованиях, напр., статистических, которые предпринимались в практических интересах государственного управления, и прибавлю только, что для одного новейшего времени имеется в распоряжении историка планомерно собранный и отличающийся большою точностью статистический материал. Делая это указание на развитие интереса к общественной жизни, я имею в виду то, что отдельные ее стороны стали все больше делаться предметами специальных исследований чисто научного характера. Успехи исторической науки, которая сама в новейшее время все больше и больше проникалась общественным интересом и, так сказать, социологизировалась, отразились на том, что мы в начале XX века лучше знаем и понимаем и недавнее прошлое и вытекшее из него настоящее, чем это можно сказать о наших дедах и прадедах, живших в начале XIX века или, еще того менее, о современниках французской революции.

Без указанного выше постоянного подведения итогов под быстро-сменяющимися событиями и совершающимися в жизни переменами историки новейшего времени были бы задавлены громадными массами имеющегося в наличности печатного исторического материала, не говоря уже о тех источниках, которые хранятся в публичных и частных архивах и только постепенно появляются в печати, очень часто проливая на прошлое совсем новый свет. Новейшее время не может пожаловаться на недостаток источников для своей истории. Наоборот, историка ближайших к нам эпох подавляет обилие материала, и спасает его только то, что по мере его накопления, раз только он делается общим достоянием, благодаря опубликованию его в печати, тотчас же он подвергается переработке в разных журнальных «хрониках», годичных «обзорах» и других суммирующих, обобщающих, подводящих итоги работах, в свою очередь делающихся материалом для дальнейших операций того же рода. К счастью и такая работа делается при дневном свете, а

не при тусклой лампаде в замкнутой келье средневекового летописца, и потому может быть постоянно проверяема, тем более, что за подведение таких исторических итогов берется одновременно несколько человек, могущих проверять, критиковать, поправлять работы одни других. И при всем этом подавляющем обилии исторического материала историкам новейшего времени приходится искать нового материала в архивах. Особенно это оказывается нужным по отношению к дипломатической истории, поскольку даже при наибольшей гласности, какая допускается правительствами, нередко публикуемыми документы по внешней политике, многое из этой области до поры, до времени держится в секрете, как во внутренней политике дела тайной полиции. То же бывает и со многим из делового материала, хранящегося в архивах (материала административного, экономического, финансового и т. п.), хотя и тут с развитием гласности и печатного дела все чаще и чаще предпринимается его опубликование.

Известно, что методы исторических исследований зависят от свойств исторических источников, над которыми приходится работать. Источники новейшей истории, самые роды и виды которых являются порождением их эпохи, отличаются своеобразным характером. Нечего говорить, что между ними и, напр., источниками средневековой истории существует целая пропасть, но даже есть большая разница между историческим материалом, создаваемым нашим временем, и тем материалом, который остался от XVIII века, — разница, находящая свое объяснение в несходстве условий и форм жизни теперь и полтора столетия тому назад. Даже в отдельных периодах новейшего времени замечается различие между источниками, относящимися к отдельным эпохам, как в смысле их количества и качества, так и в смысле их содержания и внешних особенностей. Отсюда же черты несходства некоторых приемов работы историков новейшего времени сравнительно с работой историков в других отделах нашей науки: ведь существуют же свои особенности в работе, напр., медиевистов и ориенталистов и т. п. Нужна и разная подготовка.

Каждому историку необходимо иметь некоторый основной фонд, напр., политических, юридических и экономических знаний, поскольку в каждой эпохе имеется наличность явлений государственной, правовой и хозяйственной жизни, но никогда эти явления не отличались такою сложностью и не были непосредственным предметом столь тщательного изучения, как в новейшее время. Общественные формы старого порядка были проще и в меньшей степени в свое время были объектом научного теоретизирования, нежели впоследствии. Политическая жизнь со времени французской революции породила особую научную дисциплину конституционного права, с которою историку новейшего времени при-

ходится справляться постоянно, но которая совсем ни к чему для историков более раннего времени, когда еще не было такого «права». Политическая экономия, первый классический труд которой, «Богатство народов» Адама Смита, вышел всего за несколько лет до французской революции, равным образом, отразила на себе те хозяйственные формы, каким предстояло дальнейшее развитие взамен отживавших средневековых форм, и опять-таки учение Адама Смита и его школы гораздо ближе стоит к фактам новейшей истории, не говоря уже о том, что все дальнейшее развитие политической экономии и вышедшего из ее критики социализма имеет ближайшее отношение к новой истории. То же можно сказать и о философии права новейшего времени, отразившего на себе идейные течения XVIII века, практическое осуществление которых началось с французской революции. Можно, значит, сказать, что историку новейшего времени приходится в гораздо большей мере обращаться к общественным наукам с их теориями, возникшими и развившимися, главным образом, с эпохи французской революции, чем то выпадает на долю историков более далеких эпох. Как-никак, современные общие теории государства, права и народного хозяйства отразили на себе политические, юридические и экономические отношения именно новейшего времени и знание этих теорий представляется для историка новейшего времени, гораздо более важным, чем для историков других эпох, притом не только потому, что теории эти относятся к явлениям, принадлежащим новейшему времени (как, напр., теории Платона и Аристотеля принадлежат классической древности), но и потому, что в них заключается и теоретическое объяснение, а иногда и оправдание тех или других общественных явлений (в том числе и стремлений) новейшего времени.

Таковы основания, позволяющие нам выделить из общего состава новой истории последние сто с лишком лет в качестве новейшей истории. В самой этой эпохе можно различить несколько периодов на основании некоторых общих черт, относящихся к истории всей Западной Европы в каждый из этих периодов.

Первый из этих периодов, это — целая четверть столетия (1789—1814), на которое приходятся французская революция и борьба с нею монархической Европы, переходящая в борьбу с Наполеоном I, который, сокрушив во Франции революцию, явился продолжателем ее в остальной Европе, консолидируя, впрочем, и в самой Франции социальные приобретения революции. Этот период делится 1799 годом на два подпериода: французской революции в десять лет и консульства и империи в пятнадцать лет.

Второй период начинается с падения империи Наполеона. Венский конгресс 1814—1815 года дал Европе новую организацию, почти без перемен просуществовавшую сорок четыре года (1815—1859), в течение которых Западная Европа наслаждалась международным миром, несмотря на происходившие в ней революции. Внутренняя история европейских государств характеризуется в этот период борьбой между реакцией старого периода и либерализмом, воскресившим стремление времен французской революции к политической свободе. Борьба эта велась и конституционными средствами, и путем революционным, причем с течением времени представители новых идей становились все более радикальными, все более демократичными и республикански настроенными. Революции происходили в 1820, 1830 и 1848 годах, но каждый раз вели за собою усиление реакции. В двадцатых годах неаполитанская и испанская революции были усмирены, в тридцатых подавлены революции в некоторых местах Германии и Италии и в Польше, за революцией 1848 года последовала сильная реакция, продолжавшаяся около десяти лет.

Этот период борьбы реакции с либерализмом, а за ним с радикализмом и социализмом распадается на три подпериода, гранями между которыми являются революции 1830 и 1848 годов. Это—1) времена реставрации не только Бурбонов во Франции, но и других династий, а также и многого из отмененного в эпоху французской революции и империи Наполеона; 2) времена июльской монархии во Франции, когда в этой стране, равно как в Англии и в Бельгии власти достигла буржуазия, вызвавшая против себя демократическую оппозицию, и 3) времена новой реакции после кратковременного торжества революции 1848 года, имевшей и политический, и социальный, и национальный характер.

В течение второго периода международный мир в Западной Европе не нарушался до 1859 года, когда там начался новый военный период, окончившийся только в 1871 году. Войны 1859, 1864, 1866 и 1870—1871 годов привели к объединению Италии и Германии во имя национального принципа, проявившего свое действие и в революции 1848 года. Национальные движения произошли и в других местах (между прочим, в Польше) и в то же время, в шестидесятых годах началось общее ослабление реакции, выразившееся в возобновлении конституционного и социального движения: сюда относятся такие факты, как распространение конституционных учреждений на всю Италию, начало конституционной эры в Австрии, возникновение общегерманской конституции, вторая парламентская реформа в Англии, образование первого Интернационала. Все эти явления дают право смотреть на двенадцать лет между 1859 и 1871 гг., как на начало нового, третьего периода новейшей истории, для

конца которого удобно взять датой середину восьмидесятых годов, но не потому, чтобы тогда кончалось что-либо старое, а потому, что в общеевропейской политике начиналось нечто новое.

Этим новым было устремление главных западных европейских держав к колониальным приобретениям, когда Франция восстанавливает свою некогда бывшую обширной колониальную империю, когда Германия и Италия, никогда не имевшие колоний, также приобретают заморские земли, когда произошел целый раздел Африки, в которой даже Бельгии досталась обширная область. Вот все это и дает право взять 1885 год за начало четвертого периода, к которому относится солидарное выступление европейских держав в делах Дальнего Востока, где на рубеже XIX и XX столетий произошли смуты в Китае, давшие повод даже совершить нечто в роде раздела Китая.

Хотя в эти годы (1885—1900) дело и не обходилось без некоторых конфликтов между европейскими державами, но в общем они старались действовать миролюбиво одни по отношению к другим, но в начале XX столетия антагонизмы отдельных держав (Англии и Германии, Франции и Германии) стали обостряться—до взрыва в 1914 году мировой войны. Этот, четвертый период новейшей истории, приблизительно в три десятилетия, с подразделением его на конец XIX и на начало XX века, может быть назван империалистическим по тем стремлениям, которые выразились в расширении европейской политики в мировую.

Войны начала третьего периода положили в Европе основание сильному развитию милитаризма, и хотя между государствами Западной Европы опять, после окончания франко-германской войны 1870—1871 года, наступило время продолжительного мира, тоже в течение сорока трех лет, однако это было время вооруженного мира, не нарушавшегося даже тогда, когда велось несколько войн на Балканском полуострове. Тем не менее опасения европейской войны существовали в течение всего этого продолжительного периода мира, что только способствовало росту милитаризма. Другими важными явлениями этого четвертого периода были: усиление, с одной стороны, капитализма, с другой, социализма.

В 1914 году Европа вступила в новый, пятый период своей истории после 1789 года, главными фактами которого в самом его начале являются крупные территориальные изменения и грандиозные внутренние перевороты. В трех державах, стоявших всегда во главе реакции, в России, в Германии и в Австрии произошли республиканские перевороты, и из некоторых областей бывших подвластных России и Австрии, образовались (как это произошло раньше в Турции) новые государства, среди которых, между прочим, мы видим воскресшую Польшу. Все эти и другие

перемены так значительны, что, быть может, для будущих историков 1914 год будет такою же хронологическою гранью, какою для нас является 1789 год. Для настоящего научного изучения этого периода, в который мы вступили, время еще не наступило, но то, что было до 1914 года, имеет для нас действительно значение пережитого и изжитого. Быть может, называть историю между 1789 и 1914 годами современной совсем уже не своевременно, и быть может, скоро для нее устареет название новейшей, когда это время само станет для нас столь же старым, каким представляется «старый порядок» XVIII века с его пережитками в более близкое к нам время.

В общем составе новейшей истории первый период, с его подразделением на революционную и наполеоновскую эпохи, занимает особое, даже исключительное по своему значению место. Это было время глубочайших революционных переворотов и величайших военных потрясений, в сравнении с которыми не могут идти по продолжительности и по результатам своим ни революции 1820, 1830 и даже 1848 года, ни войны 1859—1871 годов, равно как русско-турецкие войны двадцатых, пятидесятых и семидесятых годов, не нарушавшие международного мира на Западе. За двадцать пять лет между 1789 и 1814 годами Франция побывала и конституционной монархией, и республикой в трех ее видах (якобинском, директориальном и консульском), и цезаристской империей. За это же время она расширяла свои пределы сначала до естественных границ бывшей Галлии (до Рейна и Альп), потом включив в свою государственную территорию все побережье Немёцкого моря к востоку от Рейна, а за Альпами две трети Италии (одну в виде наполеоновского Итальянского королевства) и даже большую территорию к северу от Адриатического моря. В конце XVIII века, кроме того, Франция основывала ряд дочерних республик, которым в начале XIX столетия соответствовали новые королевства братьев и зятя ее императора. Политическая карта Европы, то и дело, перекраивалась за эти бурные годы. В самом начале революционных войн, в 1793 и 1795 годах произошли второй и третий разделы Польши, после чего это государство исчезло с политической карты Европы, чтобы лишь на время возродиться в виде Варшавского герцогства, созданного Наполеоном. Одним из результатов революционных и наполеоновских войн было разрушение «Священной Римской империи немецкой нации», причем число германских государств сократилось с трех с половиною сотен до каких-нибудь двух десятков, весь северо-запад Германии вошел в состав Французской империи, а из центральных ее частей образовался, под протекторатом Франции, так называемый Рейнский союз, Австрия же и Пруссия, сильно уменьшенные, были из этого нового устройства Германии исключены. В Италии основывался ряд эфемерных республик, а потом она в одной

своей части составила особое королевство самого Наполеона, в другой была непосредственно включена в его империю, а в третьей отдавалась сначала одному из братьев, потом зятю Наполеона.

После падения первой империи венский конгресс дал Европе новое устройство, которое подвергалось впоследствии только частичным изменениям, каковыми были отделение Бельгии от Голландии после 1830 года и объединение Италии и Германии в 1859—1871 годах. Революции 1820, 1830 и 1848 годов, собственно говоря, не сопровождались какими-либо территориальными изменениями и каждый раз быстро ликвидировались победоносной реакцией. За сто лет, протекших от падения Наполеона I до начала мировой войны, Западная Европа пользовалась благами мира, который нарушился лишь в период объединения Италии и Германии, да и то лишь войнами чрезвычайно короткими и не превращавшимися в войну общеевропейскую. Можно поэтому сказать, что второй, третий и четвертый периоды новейшей истории (по предложенному выше делению) представляют собою более тесно в частях своих связанное целое. 1815 год составляет некоторую грань между первым периодом и тремя остальными, имеющими некоторое единство.

Это обстоятельство сказалось и на историографии новейшего времени. Многочисленные истории XIX века в громадном большинстве случаев начинаются с ликвидации наследия империи Наполеона I, с парижских мирных договоров 1814 и 1815 годов, с венского конгресса, бывшего в тех же годах, с совершившейся тогда же реставрации Бурбонов и других династий, лишенных владений при Наполеоне, с превращения немецких государств в Германский союз. Некоторые историки даже датируют вообще новейшую историю с 1815 года. Таким образом, в позднейшей историографии утвердилась традиция выделять из исторических обзоров XIX века первые полтора десятка лет. Мы еще будем говорить об этих трудах, а здесь пока отметим, что не даром же и старик Шлоссер, написавший знаменитую в свое время «Историю XVIII столетия», заключил ее падением первой империи.

Для того, чтобы датировать 1815 годом начало новейшей истории, как истории «современной», конечно, было свое основание и довольно притом большое, но еще с большим основанием оно должно быть отодвинуто до 1789 года. Когда мы находимся перед высокой горой, заслоняющей от нас вид на еще более высокую гору, она кажется нам выше всего среди того, что перед нами, но стоит только отойти от этой горы подальше, как из-за нее покажется гора еще более высокая, перед которою первая будет казаться уже не столь большой. Существует своя историческая перспектива: чем далее уходили мы от эпохи венского конгресса, тем все яснее делалось, что не с венского конгресса, не с реставрации, не с реакции, начинается действительно

новейшая история, а с революции 1789 года, не с общего поворота к старому порядку, имевшего место в 1814—1815 годах, а с того решительного шага вперед, который был сделан в 1789 году.

Эта историческая эпоха, начало которой часто выделяется из состава истории XVIII века, а конец—из состава XIX столетия, переходная эпоха от одного века к другому, беря слово «век» не в чисто хронологическом смысле, действительно представляет собою нечто обособленное и цельное, и в дальнейшей истории нельзя указать ни одной даты, которая могла бы быть такою разделительною гранью между старым и новым, какими являются 1789 и 1814 или 1815 годы, и даже 1848 год, когда революция охватила весь континент Западной Европы, не получил такого значения, потому что реакция очень быстро справилась со всеми политическими, социальными и национальными стремлениями этого бурного года.

На основании всего сказанного в дальнейшем нашем изложении мы рассмотрим период 1789—1814 годов отдельно, а следующие три вместе, хотя бы и с некоторыми внутренними подразделениями. Прибавим только, что к числу последних относится довольно обычный счет по десятилетиям: «двадцатые годы», «тридцатые», «сороковые» и т. д. до самого конца XIX века, а для начала XX—«первое десятилетие» и «второе десятилетие», хотя и эти выражения имеют условный смысл.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИОГРАФИЮ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.

Первоисточники новейшей истории неисчислимы и столь разнообразны, что разнесение их по разным рубрикам сопряжено с величайшими затруднениями в виду того, что самые критерии для производства их классификации весьма различны. Даже обычное различие между «источниками» и «пособиями», столь резкое по отношению к более отдаленным эпохам, не всегда может быть применимо к тому, что имеется в наличности для познания этого более близкого к нам прошлого. Деля источники эпохи на документальные и нарративные, одни, как возникавшие в разнообразных практических интересах жизни, другие, как имевшие целью сообщение другим или сохранение от забвения событий настоящего или воспоминаний о пережитом прошлом,—именно среди источников этой второй категории иногда трудно провести грань, которая определила бы, что мы имеем перед собою—сырой ли материал или уже известную его обработку. Дело в том, что сырой нарративный материал, постоянно перерабатывается, и «хроника» постоянно переходит в «историю». Первоисточники, составляющие сырой материал так здесь многочисленны, что волей-неволей приходится искать уже более обработанного материала, представляющего собою скорее своего рода пособия. В этом отношении источниковедение новейшего времени куда-как более хаотично, чем источниковедение других эпох, тем более, что над его систематизацией никто так и не работал, как над источниковедением более ранних эпох.

Неизмеримо обширна и бесконечно разнообразна и литература настоящих исторических обработок («пособий») новейшей истории. Рядом с общими ее обработками в соответственных отделах всеобщей истории или в особых общих трудах по новейшей истории или по истории XIX века, существует громадная историография отдельных стран и эпох, отдельных событий и движений (войн, революций, заговоров, с одной стороны, и политических, социальных и национальных стремлений, с другой), отдельных эпизодов, а также международных отношений и дипломатии, политических партий, политического законодательства, частного права, сословий и классов, экономического быта и в

частности аграрных отношений, промышленности и торговли и т. д. до биографий правителей, министров, полководцев, парламентских деятелей, вождей политических партий, революционных деятелей, публицистов, авантюристов и т. п. В этот перечень не включены еще исторические сочинения, имеющие своим предметом духовную культуру новейшего времени, т. е. истории религии, философии, науки, литературы и искусства с биографиями богословов, мыслителей, ученых и изобретателей, поэтов, романистов, драматургов, художников, особенно таких, которые играли некоторую роль и оказывали более или менее значительное влияние на современников своими моральными и общественными взглядами или философскими и научными учениями.

Правда, изучение истории философии и наук, литературы и искусств составляет предмет особых дисциплин, имеющих свои особые задачи, как, впрочем, особые задачи имеют и специальные истории политических учреждений и учений, права и юриспруденции, хозяйственного быта и экономических теорий с соответственными биографиями государствоведов, юристов и экономистов, но многое в этих специальных изучениях не может не интересовать и не должно оставаться неизвестным и общим историкам эпохи, поскольку то или другое из всего этого имеет ближайшее отношение к истории самого общества, к событиям его жизни, к ее культурным и социальным условиям, к основным чертам его, этого общества, мирозерцания, настроения, стремлений в те или другие времена.

Даже ограничиваясь тем, что общие историки считают главной областью своего научного ведения, т. е. устраняя все имеющее более специфический и даже технический характер, могущее поэтому быть интересным и вполне доступным только специальным знатокам в той или другой сфере, мы имеем для новейшего времени необъятную литературу, количество произведений которой тем более значительно, что по общей ли истории всего этого времени, или по истории отдельных эпох, стран, событий и движений, сторон общественной жизни, равно как по истории отдельных лиц, эпизодов и пр. имеется часто, даже большую часть, по два, по три и более сочинений, написанных в разное время, с разных точек зрения, в разном духе, с неодинаковыми выводами.

С разных точек зрения, в разном духе, с неодинаковыми выводами, — это зависит не только от различия историологических взглядов, характерных для данной эпохи, для данной нации, для данной историографической школы или для данного лица, разделяющих историков, как таковых, т. е. как исследователей прошлого, но и от проявления в исторических трудах принадлежности их авторов к разным национальностям и вероисповеданиям, к разным государствам, сословиям или клас-

сам и политическим партиям. В общем, историческая литература о новейшем времени делается более научною и в смысле большего реализма в понимании сущности исторического процесса и в смысле большего объективизма, запрещающего вносить в науку национальные и конфессиональные, классовые и партийные пристрастия и предубеждения, догматы и предрассудки, но, в общем же, чем ближе к автору то время, о котором он говорит, и чем менее он профессиональный историк, а больше государственный и общественный деятель, публицист и человек определенной партии, тем меньше приходится искать в его труде настоящего исторического объективизма, считающегося только с реальными фактами и с законами логики и не дающего воли какому бы то ни было субъективизму ненаучного характера. На примере того, как раньше относились разные историки к событиям, партиям и деятелям французской революции и как относятся теперь, можно хорошо видеть, что по мере отдаления от авторов изображаемой ими эпохи, равно как по мере прогресса самой науки в смысле нахождения нового материала, более критического отношения к источникам, более внимательного отношения к сторонам жизни, раньше не бывшими предметом интереса, история французской революции делается все более научною. Само течение общественной жизни и злобы дня той или другой эпохи налагали печать на изучение той же французской революции, обращая внимание историков на те ее стороны, которые раньше от него ускользали. Так, только в эпоху возрождения во Франции тридцатых и сороковых годов демократических и социальных стремлений тогдашние историки революции (Мишле и Луи Блан) обратили особое внимание на соответственные явления изучавшейся ими эпохи, мало интересовавшие историков двадцатых годов (Минье и Тьера), а неудача революции 1848 года, не давшей Франции свободы и кончившейся только возвращением к деспотизму первой империи, поставила перед историками пятидесятых и шестидесятых годов (Токвилем и Кинэ) вопрос о причинах того, почему после трех революций во имя политической свободы французы опять были под игом одного властелина.

Развитие самой исторической науки в связи с развитием общественной жизни постоянно отражалось на постановке в историографии новейшего времени новых научных проблем, не приходивших в голову прежним историческим писателям. Исторический интерес к прошлому все более расширяется и углубляется и все в более значительной мере удовлетворяется с соблюдением требований научности. В новейшей историографии все большую роль играют профессиональные историки, квалифицированные работники научного дела, специально подготовившиеся к критическому изучению источников, к практике научной методологии и т. п., вместо прежних публицистов и

дилеттантов, ставивших своею целью доказать какой-либо предвзятый взгляд или просто что-нибудь интересно рассказать, мало заботясь об объективной истине и не особенно хлопоча о том, чтобы под поверхностью исторического драматизма обнаружить и выяснить некоторый основной общественный процесс. Новейшая историография одною из наиболее характерных своих сторон имеет постоянную тенденцию к постановке новых научных проблем, к пересмотру уже вошедших в общий обиход построений и обобщений путем привлечения нового материала, новой критики и интерпретации уже бывших известными прежде источников, историографического изучения ранее высказывавшихся взглядов, равно как путем частных исследований отдельных эпизодов, деталей, даже мелочей.

Новейшее время неоднократно и справедливо противопоставляли предшествующим векам, в частности XIX столетие XVIII-му, как век «историзма» веку рационализма. Прежде вся человеческая культура: язык и литература, религия и философия, право и народное хозяйство были предметами рационалистического теоретизирования с очень слабым пользованием данными опыта и наблюдения, т. е. фактами истории перечисленных элементов культуры, и только в XIX веке возникло настоящее историческое их изучение на основании исторического материала, с исторической точки зрения (т. е. эволюционной) и по историческому (т. е. критическо-объективному) методу. Указанный выше историзм и заключается в интересе к фактам прошлого, в понимании действительности, как развития, в стремлении узнать то, что было, каким оно в действительности было, и вот это-то историческое направление научного мышления и сказалось на том, что никогда раньше настоящее с ближайшим прошлым, его породившим, не было предметом столь пристального изучения, как в наше время, откуда и вся эта необъятность исторических книг, брошюр и статей о современных событиях, настроениях и культурно-социальных переживаниях, вся эта текущая историография, стремящаяся не отставать от самой исторической жизни, причем на изучении более далекого и даже очень и очень далекого прошлого, «не ведающем ни жалости и ни гнева», современные историки самого близкого прошлого научаются объективно относиться и к этому близкому прошлому, и к настоящему, из него вытекшему, стремясь к познанию чистой истины, соответствует ли она или не соответствует нашим затаенным мыслям, желаниям, упованиям, стремлениям. Да и в практических интересах жизни выгоднее знать доподлинную о ней правду, чем тешить себя иллюзиями и утопиями.

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Разные историки французской революции доводят свое изложение до разных дат. Некоторые из них, как увидим ниже, останавливаются на 1794 году, когда революция, так сказать, пошла на убыль, т. е. началась против нее реакция. Для других концом революции является происшедший в 1799 году государственный переворот, доставивший власть генералу Бонапарту, будущему императору Наполеону I (что нужно считать наиболее правильным). Есть и такое мнение, что годом конца революции был год превращения первого консула Французской республики в императора французов, т. е. год 1804, хотя, в сущности, это было скорее только переменою титула, а не изменением характера власти тогдашнего владыки Франции. Есть, наконец, и такие историки, которые останавливаются на 1815 году, т. е. на моменте окончательного падения Наполеона, — точка зрения, относительная правильность которой заключается в том, что наполеоновская эпоха была не разрывом с эпохой революции, а ее непосредственным продолжением. Менее всего оснований останавливаться на 1794 и 1804 годах, что подсказывается отождествлением революции или с одним ее демократическим периодом, или только с республикой. Что касается до 1799 года, то он одновременно положил во Франции конец и внутренним смутам, и какой ни на есть политической свободе.

Новейшим трудом по источниковедению французской революции является вышедшая в 1912 г. книга архивиста Карона, под заглавием «Практическое руководство для изучения французской революции»¹⁾. Это — важный, как выражаются французы, *instrument de travail*, необходимый, прежде всего, для желающих заниматься эпохой по источникам.

Названное пособие разделяется на три части. В первой идет речь об организации труда, а именно об официальных комиссиях для издания источников, о свободных ученых обществах, о периодических органах по истории революции и о

¹⁾ Caron. Manuel pratique pour l'étude de la révolution française. 1912. Книга составляет V том серии «Manuels de bibliographie historique».

коллекциях документов. Вторая глава посвящена обзору отдельных архивов с очень большими подробностями (глава занимает более ста страниц). Наконец, в главе третьей идет речь о печатных источниках со сведениями о главных библиотеках, библиографиях, законодательных и административных сборниках, исторических словарях, географических атласах. Собственно литературе по истории революции в книге Карона отведено только шесть с половиною страниц (210 — 217), где названы лишь важнейшие общие труды.

В первой главе читатель найдет ряд интересных сведений об официальных ученых учреждениях, каковы «комитет исторических и научных трудов», «комиссия для розыска и публикации документов, касающихся экономической истории революции», «комиссия дипломатических архивов», «историческая секция главного штаба армии», «комиссия изысканий по истории Парижа во время революции и в современную эпоху». Как видим, из пяти учреждений такого рода, два имеют задачей изучение революции. Одно из них (по экономической истории) возникло в 1903 году, другое (по истории Парижа) — еще в 1889 г., причем сначала (до 1908 года) оно исключительно занималось эпохой революции. Из свободных ученых обществ, занимающихся историей, во Франции образовались специально по изучению революции: старейшее, называющееся «Обществом истории революции», было основано в 1888 г. в виду наступившего юбилейного года, потом более еще специальное «Общество робеспьеристских студий», возникшее в 1907 г., а кроме них, отчасти и французскую революцию изучают общества как «современной истории» (с 1890 г.), так и «новой» (с 1901 г.). У Карона можно найти и перечни изданий как официальных, так и вольных учреждений. Особенно много сведений сообщает Карон о парижской, провинциальной и иностранной периодической научной прессе, в которой бывают статьи о французской революции. Кроме общих исторических журналов (*Revue des questions historiques* с 1866 г., *Revue historique* с 1876 г., *Revue des études historiques* с 1899 г. и *Revue de synthèse historique* с 1900 г., к которым автор прибавляет немецкие и английские, выделяя из них только *The American Historical Review*, занимающийся и внутренними отношениями Франции) и массы специальных и местных, конечно, на первый план он выдвигает журнал «*La Révolution Française*», самый старый (с 1881 г.) периодический орган, посвященный французской революции (на который у нас будут частые ссылки). В настоящее время это — орган общества истории революции, как «*Annales Révolutionnaires*» являются органом «Общества робеспьеристских студий». Первый журнал существует уже около сорока лет, второй — лет 12, но кроме них имеется еще третий, возникший в 1910 г. под заглавием «*Revue historique de la révolution fran-*

çaise». Наконец, не мало статей по истории революции появлялось за последнее время в «*Revue d'histoire moderne et contemporaine*» и в «*Feuilles d'histoire du XVII au XX siècle*». Есть даже провинциальные периодические издания специально для истории революции на местах.

Несколько страниц книги Карона, занимает длинный список перечисляющий издания мемуаров современников, их дневников, переписки, отдельных рассказов, каковы 60 томов «*Collection*» Бервиля и Баррьера, выходящей в 1820 — 1828 годах, и 36 томов «*Bibliothèque des mémoires*» Баррьера и Лескюра, выходящей от 1846 до 1866 г. (перепечатки) и с 1875 до 1880 (новая серия), не считая отдельных изданий, которых очень много¹⁾.

Из обзора разных общих и частных библиографий, даваемых Кароном, можно видеть, каким богатством справочных пособий по революции обладает Франция. Одна «Библиография истории Парижа во время французской революции» состоит из четырех томов in-8, печатавшихся в течение шестнадцати лет (1890 — 1916), а есть еще библиографии истории революции в других городах или департаментах (впрочем, еще очень далеко не всех). Особое место в обзоре таких пособий занимают библиографии газет, брошюр и альманахов времени революции.

Карон обзорекает также и оценивает (иногда с отрицательной стороны) и словари как общие, так и исторические, биографические и др. (*La Grande Encyclopédie*, *Biographie universelle* и др.), так и имеющие своим предметом революцию (*Dictionnaire historique de la Révolution et de l'Empire* par Robinet, Robert et le Chaplain. 1899), причем почему-то не упоминает о двух изданиях, правда, неважных, но все-таки могущих, за недостатком других, служить для справок. Это — Boursin et Chalamel. *Dictionnaire de la révolution française* (1899) и Décembre-Alonnier (без даты).

К сожалению в историографической литературе не имеется большого труда, в котором была бы рассказана история разработки истории революции. Первая попытка была сделана в этом направлении в небольшой книжке Поля Жане, вышедшей в свет более пятидесяти лет тому назад под заглавием «*Философия французской революции*»²⁾, которая неполна уже по одному тому, что написана была очень давно. Известным дополнением к ней является книжка Альбера Ле-Руа «*Историки французской революции*»³⁾, но ей тоже уже около сорока лет. Более новый общий историографический обзор

¹⁾ К числу печатных источников принадлежат и газеты (см. у нас выше).

²⁾ P. Janet. *Philosophie de la révolution française*. 1865.

³⁾ Albert le Roy. *Les historiens de la révolution française*. 1881.

представляет собою небольшая работа Буассонада «Работы, относящиеся к экономической истории французской революции»¹⁾, где, впрочем, есть богатые библиографические указания не по одной только экономической истории. Но это все еще не то, чем должна была бы быть большая книга, где была бы именно рассказана история того, как изучали и понимали французскую революцию со времени появления первых книг о ней до настоящего времени. Автор настоящего труда имеет ввиду со временем издать такую книгу, подготовительные этюды к которой уже отчасти были им опубликованы²⁾. Такой историографический обзор был бы очень поучителен для занимающихся не только историей революции, ибо мог бы подробно проследить, как на изучении революции отражались: 1) общественные настроения разных эпох новейшей истории Франции, 2) углубление и расширение понимания самых задач исторической науки и 3) привлечение к делу нового материала, к которому прежние историки не обращались.

В дальнейшем дается теперь обзор главных исторических трудов по эпохе, написанных как во Франции, так и вне ее, причем по отношению к первым будет прослежено влияние на историографию указанных трех моментов.

Главными историками французской революции в самой Франции должны быть признаны Тьер и Минье, писавшие в двадцатых годах прошлого столетия, Мишле и Луи Блан, начавшие издавать свои многотомные труды в конце сороковых годов, Токвиль и Кинэ, издавшие свои работы во время второй империи, и историки уже времен третьей республики Тэн и Сорель конца XIX века и Жорес и Олар, труды которых появились в начале XX столетия. Книги этих восьми историков, кроме одного (Мишле), существуют в русских переводах.

Уже во время самой революции вышло несколько книг, в которых рассказывались и обсуждались события эпохи, но это

¹⁾ P. Boissonnade. Etudes relatives à l'histoire économique de la révolution française. 1906. См. еще вообще L. Lacour. La révolution française et ses détracteurs d'aujourd'hui. 1907. Feugère. La révolution française et la critique contemporaine.

²⁾ Общий историографический обзор в статье «Французская революция» в «Энцикл. слов.» Брокгауза-Ефрона, «Новейшие труды по истории французской революции» (Историч. Обзор, т. I), «Работы русских ученых по истории французской революции» (Известия Спб. Политехн. Инст., т. I за 1904 г.), «Эпоха французской революции в трудах русских ученых за 1902 и 1911 года» (Истор. Обзор, 1912, т. XVII), а также две серии «Беглых заметок по экономической истории Франции в эпоху революции» (Изв. Спб. Политехн. Института за 1911—1915 г.). Все эти статьи, кроме первой, выходили в свет и отдельными брошюрами.

были больше произведения публицистические, нежели исторические. Наполеоновская эпоха с ее строжайшею политическою цензурою была неблагоприятна для публикаций подобного рода, и только в эпоху реставрации сделалось возможным говорить более свободно о событиях конца XVIII века. Нужно прибавить, что революционный террор оставил после себя недобрую память в обществе, но когда вернувшиеся во Францию Бурбоны и эмигранты показали, что они «ничего не позабыли и ничему не научились», притязаниям представителей старого порядка была противопоставлена идея нового общества, более свободного и счастливого и в обоих этих отношениях обязанного революции. На такую именно точку зрения стала в первые годы реставрации знаменитая г-жа Сталь, дочь Неккера, одного из деятелей революции, и либеральная оппонентка режиму Наполеона, в своих «Рассуждениях о французской революции»¹⁾. В том же апологетическом духе в середине двадцатых годов написали свои исторические труды два молодых публициста, связанных притом тесною дружбою, Тьер и Минье²⁾. Первый написал очень большую историю революции, уже устаревшую в своих подробностях, второй — небольшой компендиум, который, благодаря своему более общему характеру, менее устарел и даже теперь может быть рекомендован для первоначального ознакомления с революцией. Оба они писали, когда еще были живы некоторые деятели революции, большой мемуарной литературы еще не существовало, а главный материал представляла пресса революционной эпохи; когда задача истории полагалась главным образом в прагматическом рассказе без углубления в историю идей, учреждений, социальных отношений, и когда, ввиду борьбы между реакцией и либерализмом, между бывшими привилегированными и буржуазией историки революции принимают на себя роль ее апологетов — с точки зрения буржуазного либерализма. Оба историка при этом изображают ход событий, как подчиненный своего рода исторической логичности. Во всяком случае начало историческому изображению революции было положено, как раз в ту самую эпоху, когда и другие крупные историки (Гизо, братья Тьерри и др.) полагали начало научному исследованию средних веков.

Июльская революция 1830 года, доставила во Франции торжество той самой буржуазии, в духе которой были написаны труды Тьера и Минье. Первый из них, как журналист,

¹⁾ M-me Staël. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. 1817.

²⁾ A. Thiers. Histoire de la révolution française. Выходила в 1823—1827 годах, составив десять томов. Очень часто переиздавалась. Рус. пер. Доводится до 1799 года. — Mignet. Hist. de la révolution française depuis 1789 jusqu'à 1814. Вышла в двух томах в 1824 г. и переиздавалась. Рус. пер.

особенно содействовал возведению на престол Людовика-Филиппа и даже, как политический деятель, занимал при нем министерский пост. Господство буржуазии во время июльской монархии вызвало против нее демократическую оппозицию, с одной стороны, чисто политическую, радикальную и республиканскую, с другой — социалистическую, бывшую тоже республиканской. В духе последней Бюше в тридцатых годах предпринял сорокатомное издание документов по истории революции под заглавием «Парламентская история французской революции»¹⁾, в предисловиях к отдельным томам которой высказал взгляд на революцию, как на борьбу уже не аристократии и буржуазии, а буржуазии и народа. На эту же точку зрения стал в своей большой истории революции известный публицист и политический деятель Луи Блан²⁾, начавший издавать этот свой труд перед самой революцией 1848 года и окончивший его только в начале шестидесятых годов. С демократической же, но не социалистической точки зрения, был написан большой труд по истории революции Мишле, первый том которого появился тоже незадолго до революции 1848 года, а последний в начале пятидесятых годов³⁾. У обоих историков в руках уже был более обильный и более разнообразный материал, у Мишле, служившего в Национальном Архиве, даже не изданный (да и Бюше равным образом извлек немало материала для своей коллекции документов из архива), а кроме того, оба предполагали изложению событий революции обширные введения, в которых старались указать ее место и определить значение в целом европейского исторического процесса с некоторых историко-философских точек зрения. Ни Тьер, ни Минье не останавливались долго на вопросе о причинах революции и на изображении старого порядка, который, наоборот, и Луи Блан и Мишле старались охарактеризовать без большого, однако, углубления в его сущность имея в виду прежде всего, представить противоположность начал старого порядка и революции.

Как июльская революция 1830 года, буржуазная и либеральная, соответствовала духу историй Тьера и Минье, так февральская революция 1848 года, совершилась в духе демократического республиканства Мишле и социалистических стремлений Луи Блана. Дела во Франции скоро приняли такой характер, что самому Луи Блану, сначала бывшему членом времен-

¹⁾ Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la révolution française. 1834—1838. Сорок томов.

²⁾ Louis Blanc. Hist. de la révolution française. 1847—1862. 10 томов. Переиздавалась и есть рус. пер.

³⁾ J. Michelet. Hist. de la révolution française. 1847—1853. Семь томов. Переиздавалась, но рус. пер. нет, кроме отрывков о «Кордельерах и Дантоне» (1920) с предисловием О. А. Добиаш-Рождественской (изд. «Всемирной Литературы»).

ного правительства, пришлось бежать из отечества в Англию и там продолжать начатый в Париже труд. В 1851 году принц Людовик-Наполеон Бонапарт, занимавший с конца 1848 года пост президента республики, совершил государственный переворот, проложивший ему путь к трону, который он и занял ровно через год после переворота. Во Франции снова установился произвольный режим, напоминающий первую империю. Сам собою напрашивался вопрос: почему, несмотря на героические усилия французов для достижения политической свободы, на три революции и на всю во время их пролитую кровь ради этой свободы, они снова попали под произвольную власть одного? Ответ на этот вопрос дали в своих трудах, посвященных революции и вышедших, один в середине пятидесятых годов, другой лет через десять, два новых историка революции, Токвиль и Кинэ, оба написавшие по книге, каждая из которых была не рассказом о событиях, как труды предыдущих историков, а рассуждением о происхождении революции, об общем ее ходе и характере, о ее результатах.

С появлением книги Токвиля «Старый порядок и революция»¹⁾ начинается новый период изучения французской революции, так как книга эта, к сожалению, оставшаяся неоконченной, оказала громадное влияние на всех последующих историков и по новому материалу, привлеченному автором, и по строгому объективному его методу, и по чисто научной точке зрения, с какой он взглянул на дело. Токвиль нашел, что французы не так уже резко порвали со своим прошлым, как это им казалось, что из этого прошлого они перенесли в новое свое состояние много прежних идей, привычек, стремлений, что многое, начало чего усматривалось в революции, зародилось еще в старом порядке, что самый этот старый порядок совершенно позабыт и сделался непонятным, что нужно исследовать, чем же он был на самом деле, и что потому нужно идти в архивы и на основании их деловых документов восстановить образ той Франции, которой уже нет, и тем самым, объяснить, почему произошла революция, и почему ее ход и результаты оказались такими, а не иными. Это была целая научная программа исследования генезиса и характера переворота, причем Токвиль указал еще, что французы более стремились к равноправию, чем к свободе, к равенству хотя бы и под властью деспота, чем к личной независимости. Революция в известных отношениях была не столько разрывом с прошлым, сколько завершением начинаний прошлого, чем устанавливалась эволюционная ее связь со старым порядком. Наконец, Токвиль бросил еще ту общую мысль, что в осталь-

¹⁾ A. de Tocqueville. L'ancien régime et la révolution. 1856. Рус. переводы под ред. П. Г. Виноградова и под ред. Э. Д. Гримма.

ной Европе были, в сущности, такие же порядки, как и в дореволюционной Франции, что и везде эти порядки падали, и что во Франции их ликвидация началась лишь раньше, чем в других местах.

После книги Токвиля должны были утратить свое прежнее значение общие фразы Тьера и Минье о причинах революции и те отвлеченные соображения об ее происхождении из таких-то и таких-то идеологий, какие мы находим у Мишле и у Луи Блана. Автор «Старого порядка и революции» не отрицал влияния рационалистической идеологии XVIII века, даже подчеркнув ее универсальный характер, делающий ее по своему влиянию сходной с религиями, которые обращаются к человеку, вообще, но он вместе с тем положил начало научному исследованию реальных общественных взаимоотношений, совокупность которых и составляла то, что было обобщено под термином «старый порядок». Каждому, кто хочет научно отнестись к истории революции, надлежит быть знакомым с этим небольшим, но в высшей степени замечательным трудом.

Двухтомная «Революция» Кинэ¹⁾ имеет гораздо меньшее значение, но и она отвечала на тот же основной вопрос о причинах того, что французы не достигли политической свободы. Старый порядок не мог воспитать их в духе свободы, — вот основная мысль книги, представляющей собою критический обзор всего хода революции, который и теперь может быть рекомендован читателям.

В шестидесятых годах, когда вышла книга Кинэ, во Франции уже произошло некоторое ослабление правительственной реакции, в обществе усилились либеральные стремления, в рабочей массе возродилось социальное движение, а в 1870 году, во время крайне неудачной войны с Пруссией, в Париже произошла революция (4 сентября), превратившая Францию в республику в третий раз. В самом начале этой «третьей республики», как ее стали называть, в Париже, в марте 1871 года, вспыхнуло восстание, объявившее «Коммуну» и вызвавшее убийственную гражданскую войну, во время которой с обеих сторон было проявлено величайшее озлобление, погибло много народа, и разрушены были разные общественные здания и частные дома. Эта новая революция приняла резко социальный характер, а за ее подавлением в мае того же года во Франции обнаружилась сильная реакция, во время которой в течение четырех лет было неизвестно, останется ли еще Франция республикой или в ней будет восстановлена монархия. В историографии французской революции такое общественное настроение отразилось на труде Ипполита Тэна, посвященном

¹⁾ E. Quinét. La Révolution. 1865. Два тома. Рус. пер. под заглавием: «Французская революция и ее критики».

истории революции. Он называется «Происхождение современной Франции»¹⁾, начал выходить в свет в середине семидесятых годов и не был закончен за смертью автора, не успевшего дописать его шестой том. Тэн стал в отрицательное отношение к революции и к ее идеологии.

Книги, враждебные революции, писались и до этого, но серьезная историография шла иным путем, да из консервативной среды и не вышло ни одного особенно талантливого историка, которого можно бы поставить рядом с Тьером и Минье, Мишле и Луи Бланом, Токвилем и Кинэ. Первые два историка выступили, как апологеты революции, подчеркивавшие ее историческую необходимость в главных моментах ее течения. Другие два занялись даже ее идеализацией, объектом которой у Мишле был народ, по его представлению дела, единственный и истинный герой революции, противопоставляемый в его труде отдельным лицам и группам из интеллигенции, а у Л. Блана таким же объектом идеализации были якобинцы, представители, будто бы, принципа братства, в противоположность жирондистам с их себялюбивым индивидуализмом. Наконец, Токвиль и Кинэ (особенно первый) отнесли к революции, как к громадному и сложному факту, требующему научного объяснения, и проявили свойственный научному отношению объективизм, не исключавший, однако, спокойной критики. Тэн как-раз встал на отрицательную точку зрения, направив свой яркий литературный талант на обличение всего того уродливого и ненавистного, чего, к сожалению, так много было в революции.

Тэн уже был влиятельным мыслителем и очень читаемым писателем, славившимся своим либерализмом и даже вольнодумством (в консервативных кругах, конечно), когда взялся за свою историческую тему. До этого времени он занимался философией и психологией, историей литературы и искусства и был очень далек от вопросов политики, экономики, права, что и отразилось на характере его труда о революции, более психологическом, чем социологическом. Позитивист в философии, придававший важное значение методам естествознания, он, бросив прежние свои занятия, сосредоточил всю свою умственную работу над изучением смены старого порядка революцией новым строем, сравнивая себя с натуралистом, наблюдающим за метаморфозами насекомых. Подход к проблеме был чисто

¹⁾ H. Taine. Les origines de la France contemporaine. Выходило в свет от 1876 до 1893 г. в шести томах, а новое издание в 13 томах сделано было в 1898—1899 годах. Русский перевод только I тома хорош, а другие томы переведены (в изд. «Всемирной Литературы») небрежно и без примечаний. Названия отдельных томов: I. L' Ancien Régime. II. La Révolution (1. L' anarchie spontanée). — III. La Révolution (2. La conquête jacobine). — IV. La Révolution (3. Le gouvernement révolutionnaire). — V—VI. Le régime moderne.

токвилевский: первый том своего труда он посвятил старому порядку, три следующие — революции, а два последние, из которых второй остался неоконченным, — современным отношениям. Но у Тэна не было ни того социологизма, ни того объективизма, которые составляют всю силу Токвиля: его интересуют не учреждения и законы, не социальные отношения и экономические явления, а идеи и чувства людей, их характеры и нравы, их образ действий. Тот самый якобинизм, который был предметом идеализации в труде Луи Блана, нашел в Тэне резкого обличителя, и те части труда, которые специально были посвящены революции, превратились в сплошной обвинительный против нее акт, показавший изнанку всего движения. Реакция против прежнего апологетизма и идеализации вышла очень яркой, но как всякое пристрастное отношение, и односторонней. Свое дело она сделала: должна была быть выслушана и другая сторона.

На подходе Тэна к своей теме несомненным образом сказалось влияние книги Токвиля. Сказалось оно и на следующем крупном историческом произведении, посвященном истории революции, на «Европе и французской революции» Альбера Сореля¹⁾, заключающем в себе восемь томов и доведенном до 1815 года. Сорель начал свою деятельность в дипломатическом ведомстве, и первые его труды относились к области внешней политики, что и натолкнуло его на мысль заняться изучением общеевропейского значения революции, о котором говорил еще Токвиль, и тех отношений, которые складывались между Францией и остальной Европой в конце XVIII века, равно как взаимодействий между внутренней и внешней политикой революции. В это время уже давно существовал капитальный труд немецкого историка Зибеля «История революционной эпохи», где французская революция была взята в связи с падением Польши и с прекращением Священной Римской империи германской нации (см. ниже), и ту же тему стал разрабатывать Сорель, который, нужно прибавить, был приведен к этой мысли впечатлением, полученным от внешней неудачи, постигшей Францию в 1870—1871 году. Зибелевскую тему он разработал по токвилевскому методу, дав в первом томе своего труда изображение старого порядка во всей Европе и показав, в чем революция была не разрывом с прошлым,

¹⁾ A. Sorel. L'Europe et la révolution française. 1885—1903. Заглавия отдельных томов: I. Les mœurs politiques et les traditions. — II. La chute de la royauté. — III. La guerre aux rois. — IV. Les limites naturelles. — V. Bonaparte et le directoire. Остальные три тома содержат историю консульства и империи. Есть рус. пер. в издании Л. Ф. Пантелеева. Краткое изложение II—VIII томов в одной небольшой книге толково сделано Т. А. Богдановичем под заглавием: «Франция и Европа на грани XIX века».

а его продолжением и как она естественно из него вытекала. Сорель проявил в этом замечательном произведении большую силу научного анализа, полную трезвость мысли истоящий исторический об'ективизм, далекий, между прочим, от узкого национализма, отличающего сочинение Зибеля. Он думал сначала закончить свой труд 1795 годом, когда первую из европейских держав пошла на мировую с революцией Пруссия, но потом продолжил изложение до 1815 года, связав, таким образом (и совершенно правильно) революционную и наполеоновскую эпохи в одно целое. Для внутренней истории Франции в труде Сореля важны места, где показывается, как те или другие факты внешней политики отражались на течении дел в самой Франции.

Когда начал выходить труд Сореля, приближалась сотая годовщина революции, отпразднованная потом в 1889 году. В виду этого юбилея во французском обществе усилился интерес к самой эпохе и вместе с тем увеличилось число книг о революции, выходивших в это время. Особенно важное значение получили для научной разработки ее истории основание специального ученого Общества в интересах такой разработки и особого научного журнала¹⁾, посвященного тому же предмету и учреждение в Парижском университете отдельной кафедры истории революции. Указанное Общество прямо определило свою задачу необходимостью перейти к чисто научному исследованию эпохи, да и цель основания журнала заключалась в том, чтобы имелся орган для помещения детальных студий по разным вопросам, касающимся истории революции. Благодаря этим обществу и журналу, увидело свет в печати множество изданий источников и научных работ, а благодаря существованию специальной профессуры в университете, образовалась целая школа исследователей, посвятивших себя изучению революции. Новую кафедру занял Олар, который потом сделался и председателем Общества, и редактором журнала, и руководителем в деле научного изучения источников. Его перу принадлежит несколько книг и большое количество статей, и им же написан изданный в начале текущего столетия важный общий труд — «Политическая история французской революции»²⁾.

Автор ограничил свою тему одной внутренней политикой, историей учреждений, партий, идейных течений революции без детальных рассказов о событиях, внешняя же политика, т. е. дипломатическая и военная история, равно как экономика, финансы и т. п. совершенно устранены из изложения. На первый план в книге Олара выдвинут вопрос о возникновении во Фран-

¹⁾ La Révolution française, о котором см. выше.

²⁾ A. Aulard. Histoire politique de la révolution française. Origines et développement de la démocratie et de la république. 1901. Есть рус. пер.

ции конца XVIII века демократического и республиканского государства ¹⁾, так, что первый период революции, когда сделана была попытка превращения Франции в конституционную монархию, не так интересует автора, как тот, который начался после падения королевской власти. Олар является в этой книге историком именно демократической республики, т. е. того режима, который утвердился в стране в конце XIX века. Не доверяя мемуарам, он принципиально не пользуется ими, как материалом для своих утверждений, стараясь, наоборот, основывать их исключительно на документальных данных, на основании которых он проверил массу отдельных фактов, внося свои поправки к установившимся в историографии эпохи традициям. Возможно наибольшая точность фактической стороны революции — цель всех забот Олара, стремящегося вместе с тем к научному беспристрастию. Сам республиканец и демократ, он далек от идеализации революции, не отказываясь, с другой стороны, от критики отдельных ее проявлений. Как подведение общих итогов под специальными исследованиями, занимавшими автора в течение многих лет, «Политическая история французской революции» является одним из важнейших приобретений историографии революции.

Почти в одно время с этой книгой Олара стал появляться отдельными выпусками и очень большой труд Жореса о революции. Когда-то провинциальный профессор философии, сделавшийся социалистом, попавший в палату депутатов, занявший в ней пост вождя своей партии и влиятельное положение вообще среди депутатов, он предпринял около 1900 года большую «Социалистическую историю» ²⁾ новейшего времени, отдельные томы которой были написаны разными лицами, но первые четыре громадные томы составлены были им самим. Издание было предназначено для рабочих и крестьян, но едва ли для них могло быть подходящим делом читать такое громоздкое произведение, заключающее в себе массу сырого материала в виде длинных выписок из речей, из брошюр, из газетных статей и т. п. К сожалению, собрав столь богатый материал, Жорес почти нигде не делал ссылок на то, откуда он заимствовал то и другое, что обесценивает это важное издание в глазах ученых, которым он, конечно, может быть гораздо более доступным и нужным, нежели читателям, имевшимся в виду у самого автора. Для характеристики точки

¹⁾ Это и подчеркнуто в подзаголовке книги.

²⁾ Jean Jaurès. Histoire Socialiste. Без даты. В рус. пер. имеется только I том, заключающий в себе обзор состояния Франции перед революцией и историю Учредительного собрания. II том посвящен Законодательному собранию, III и IV — Конвенту. Кроме того, имеется еще один том, в котором говорится об эпохе директории; автор его — G. Deville.

зрения Жореса нужно еще прибавить, что, примыкая к историческому миросозерцанию Карла Маркса, он далеко не разделяет его целиком, называя рядом с ним, как другого своего руководителя в этом труде, своего соотечественника, вдохновенного Мишле, прибавляя к ним еще Плутарха. Своим томом о временах Учредительного и Законодательного собраний и Национального Конвента он придает характер синтеза материалистического и идеалистического пониманий истории с некоторою примесью поучения. Главная особенность всего труда в обращении особенного внимания на экономическую сторону истории, которую вообще французские историки занимались мало, и которую немного также интересовались социалистические предшественники Жореса, Бюшез и сам Луи Блан. Начало первого тома посвящено в «Социалистической истории» Жореса экономическому быту Франции при старом порядке, относительно которого здесь вообще собрано все, что только было сделано по этому вопросу во французской науке за последнее время. Известно еще, что по инициативе Жореса было предпринято издание громадного «Собрания документов по экономической истории французской революции» ¹⁾.

Таковы десять наиболее важных исторических трудов по истории французской революции, о которых самих существует целая литература, отчасти только указываемая в подстрочном примечании к этому месту ²⁾. Кроме того, отметим еще ряд менее обширных и более популярных книг по истории революции, авторами которых являются также французские ученые

¹⁾ Collection de documents sur l'histoire économique de la révolution française.

²⁾ О самых старых историках революции имеются статьи Sainte-Beuve. Недавно об истории Тьера написал статью (в «La Rev. Franç.» за 1914) Aulard, который, кроме того, поместил и статью о книге Карлейля (там же) и статья которого о Мишле была переведена по-русски в «Русск. Мысли» за 1886 год. В «Русск. Мысли» за 1885 г. была переведена еще глава о Мишле из книги Monod о Ренане, Тэне и Мишле. У Моно есть и особая книга о Мишле (1876), о котором см. еще Corréard (1886), в книге Jules Simon «Mignet, Michelet, Henri Martin» (1889) и статья В. И. Герье «Народник во французской историографии» (Вестн. Евр. за 1896). О Луи Блане Н. К. Михайловский (Философия истории Луи Блана в III т. Сочинений, изд. 1897 г.). Особенно велика литература о Тэне. В 1878, 1889—1890 и 1894—1895 годах о его труде В. И. Герье дал ряд обстоятельных критических статей, переработанных потом в книгу, о которой см. ниже. В 1907 году Aulard издал очень резкую книгу «Taine historien de la révolution» (о ней см. мою статью в «Русск. Бог.» за 1908 г.), изложив еще ее содержание для русских читателей в «Соврем. Мире». Эта книга подверглась суровой критике А. Cochin (La crise de l'histoire révolutionnaire. 1910), П. А. Ардашева (Новая критика Тэна. 1910) и В. И. Герье (в книге, названной ниже). Не упускаю еще книг о Тэне вообще. Наконец, Н. Кареев. Сорель, как историк «французской революции» (1907; первоначально в «Изв. Политехн. Института»).

и которые могут быть рекомендованы для первоначального ознакомления с эпохой, наряду с книгой Минье, которая до сих пор сохраняет еще свое значение. Большая их часть имеется в русских переводах.

Такова книга Карно (несколько устаревшая, будучи издана еще в 1870 году), Рамбо, которому принадлежит еще хороший компендиум «Histoire de la civilisation contemporaine», Олара («маленький Олар», извлечение вместе с главами других авторов из «Histoire universelle» Лависса и Рамбо ¹⁾ и др. Одним из самых последних общих трудов по истории революции является книга Маделена (La Révolution, 1912 г.), отличающаяся большими научными достоинствами и дающая, между прочим, много библиографических указаний, но не могущая быть рекомендованной лицам, еще незнакомым с фактической стороной эпохи, которую автор предполагает очень хорошо знакомою своим читателям.

Революция была предметом научных исследований и не-французских писателей. Наиболее важные из них появились в Бельгии, в Англии, в Германии и в России.

В обширном (18 томов) историческом произведении Франсуа Лорана, носящем заглавие «Études sur l'histoire de l'humanité», на французскую революцию приходится два тома (XIII и XIV), которым предшествует том, посвященный «философии XVIII века». Автор был профессором бельгийского университета (в Генте), а специальностью его было право — гражданское и международное. Международное положение Бельгии, созданной после революции 1830 года европейскою дипломатией, ориентировало Лорана в его труде, посвященном всемирной истории, в сторону изучения междугосударственных отношений, откуда подзаголовки его труда с указанием на международное право, а сила в католической Бельгии клерикализма вызвала в авторе, свободном мыслителе, оппозицию не только против духовенства, но и против исторического христианства, что особенно сказалось на IV томе его «Études», в котором автор, запоздалый деист в духе XVIII века, специально говорит о христианстве. Томы его труда, посвященные французской революции, и заслуживают особого внимания по тому вниманию, какое в них обращено, с одной стороны, на область внешней политики и международного права, с другой — на религиозные отношения эпохи. В первом отношении эти томы, по своей теме, находятся в родстве с трудами Зибеля и особенно Сореля, во втором — со специальною литературою о религиозной стороне революции, рассматриваемой ниже.

¹⁾ Histoire universelle du IV siècle à nos jours, том VIII. Есть русский перевод.

В английской литературе интерес к французской революции обнаружился еще с самого начала последней ¹⁾. Знаменитые «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка ²⁾, вышедшие в 1791 г. и нераз переиздававшиеся ³⁾, переведенные в свое время на другие языки, вызвавшие ряд возражений, из которых наиболее важным было «Vindiciae Galliae» (1791) Мак-Кинтоша, на долгое время утвердили в Англии отрицательное отношение к революции, притом не только в Англии, но и на материке и даже в очень близкое к нам время оказали большое влияние на критику революции у Тэна. Первым крупным явлением в истории английской литературы по французской революции была трехтомная «Французская революция» ⁴⁾ Томаса Карлейля, вышедшая в 1837 году. Это было в самый разгар революционного движения в Англии, известного под названием чартизма, движения демократического и в значительной мере социального, о котором в 1839 году Карлейль издал один из наиболее сильных своих памфлетов «Чартизм». Человек с очень своеобразным моральным и политическим мирозерцанием, идеалист и гуманист, публицист и в то же время поэт в душе, Карлейль написал о французской революции скорее своего рода поэму с лирическим пафосом, предвосхитив манеру Мишле, чем строго научный труд; это, впрочем, отнюдь не лишает его «французскую революцию» значения, как исторического труда, что, между прочим, недавно было высказано таким знатоком эпохи, как Олар, по поводу выхода в свет нового перевода Карлейля на французский язык. Эта своеобразная книга не подвинула вперед изучения революции, и тем не менее ей принадлежит видное место в ее историографии.

В последнем десятилетии на английском языке вышло не мало серьезных научных трудов по разным вопросам, касающимся французской революции, но, как общий труд, заслуживает быть отмеченным лишь один из томов известной коллекции «Cambridge Modern History», редактированный лордом Актоном и снабженный прекрасным библиографическим указателем ⁵⁾.

Гораздо больше поработали над историей французской революции немцы, среди которых еще в самый ее разгар философ Фихте написал статью для «исправления суждений публики»

¹⁾ E. Dowden. The french revolution and the english literature. 1897.

²⁾ E. Burke. Reflexions on the revolution in France. Есть франц. и немецк. переводы.

³⁾ Meusel, Burke's Schriften gegen die französische Revolution. 1904.

⁴⁾ Th. Carlyle. The french revolution. Попытка издать книгу в русском переводе, сделанная в конце 60-тых годов, тогда не удалась: вышел только первый том и тогда же скоро был запрещен. Теперь книга есть в русском переводе 1907 г.

⁵⁾ Cambridge Modern History planned by Lord Acton. The French Revolution составляет восьмой том, написанный многими авторами.

об этом грандиозном событии. Ранние немецкие исторические труды о революции, в том числе знаменитую в свое время «Историю XVIII века» Шлоссера¹⁾, можно считать совершенно устаревшими. Не утратили своего значения только работы, начинаая со второй половины XIX века.

Из них по времени нужно на первом месте поставить вышедшую в 1850 году трехтомную «Историю социального движения во Франции с 1789 года»²⁾ знаменитого государственоведа Лоренца Штейна. Он первый, еще в 1842 году, в своей книге «Социализм и коммунизм теперешней Франции», дал общий обзор ее новых социальных теорий, связавши их появление и распространение с зарождением пролетариата и возникновением рабочего движения. Предсказав, что новая революция не будет только политической, он видел в 1848 году осуществление своего предсказания и в названном выше труде 1850 года занялся рассмотрением социальной стороны революции 1789 и следующих годов. Нового материала не было: была новая точка зрения.

Следующим важным трудом была большая «История революционной эпохи» профессора истории Генриха Зибеля³⁾, который рассмотрел в ней, в их взаимоотношениях, три одновременные события: французскую революцию, падение Польши и крушение средневекового устройства Германии в виде «Священной Римской империи», поработав для этого не мало в архивах и внося в науку новые факты и новые соображения. Зибель принадлежал к так называемой мало-германской партии, желавшей объединения Германии с Пруссией, а Пруссию видеть конституционной монархией. На французской революции он хотел изучить условия, при каких создавалась и не создалась во Франции конституционная монархия 1789—1791 годов, чем определяется и его отношение к разным периодам революции, а в изображении им международных отношений конца XVIII века его точка зрения определялась его прусским патриотизмом: интересы Пруссии были замешаны и в польском вопросе, и в борьбе с революционной Францией, с которою Пруссия первая пошла на мир, и в распадении прежнего устройства Германии, создававшего австро-прусское соперничество. По сравнению с «Европой и французской революцией» Сореля «История революционной эпохи» Зибеля является написанной в несколько более узком духе, в слишком националистических тонах, что не мешает, однако, и этому труду быть одним из важнейших вкладов в историографию французской революции.

¹⁾ Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. Есть рус. пер.

²⁾ Lorenz Stein. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich seit 1769.

³⁾ H. Sybel. Geschichte der Revolutionszeit. Есть русск. пер.

Очень хорошим руководством для ознакомления с французской революцией и теперь еще может служить университетский курс по этой эпохе либерального немецкого профессора середины XIX века Людвиг Гейсера¹⁾, изданный еще в 1870 году в русском переводе старанием проф. А. С. Трачевского. В нем было кое-что и новое, как, напр., обращение к наказам 1789 года для характеристики настроения нации перед революцией. Широкий взгляд на события принадлежит также к числу достоинств книги, в которой читатель найдет указания и на источники, в настоящее время, впрочем, уже устарелые.

Конечно, отделы по истории революции имеются и в разных всемирных историях, столь многочисленных на немецком языке²⁾, но особо отмеченным заслуживает быть посвященный эпохе том громадной коллекции Онкена «Всемирная история в монографиях»³⁾, где революция составляет только первый отдел труда, оканчивающегося войной за освобождение Германии.

Одним из последних общих сочинений по истории революции на немецком языке является популярная книга Блоса⁴⁾, выдержанная строго в духе марксистской историологии, т. е. с точки зрения экономического материализма, но не представляющая собою самостоятельного изучения предмета. Основная точка зрения и легкость изложения обусловили для этой книги широкое распространение в читающей публике, иногда в ущерб другим аналогичным руководствам. С марксистской точки зрения, как увидим дальше, были написаны и некоторые другие немецкие работы более частного характера. Из имеющихся быть еще приведенными библиографических указаний читатель увидит, что немецкие историки достаточно-таки потрудились над разными отдельными вопросами эпохи.

В России самостоятельное изучение революции началось поздно, но зато за какие-нибудь сорок с небольшим лет сделано сравнительно много при общей бедности нашей литературы по всеобщей истории. Одним из первых стал читать курсы и вести практические занятия со студентами по истории революции бывший московский профессор В. И. Герье, который оставил и несколько работ, собранных им отчасти в двух книгах:

¹⁾ L. Häusser. Geschichte der französische Revolution.

²⁾ См. в настоящем издании вып. 13. А. Г. Вульфус. Западная Европа в новое время», стр. 31—35.

³⁾ Oncken. Weltgeschichte in Einzeldarstellungen. Этот том написан самим редактором коллекции (Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege).

⁴⁾ Bloss. Geschichte der französischen Revolution. Первое издание русского перевода вышло в 1902 г. без имени автора и с измененным заглавием («На рубеже XIX столетия»), но потом настоящее название книги было восстановлено.

«Идея народовластия и французская революция 1789 года» (1904) и «Французская революция в освещении Ипполита Тэна» (1911), причем начало ряду работ, собранных здесь, было положено еще в семидесятых годах. Первая из них была написана под несомненным влиянием Токвиля, но потом делалось все более и более заметным влияние Тэна, отдельным частям труда которого автор посвящал критические разборы, очень ценные ¹⁾, пока они не подверглись общей переработке во второй из названных книг; чтение ее до известной степени может заменить непосредственное знакомство с самим «Происхождением современной Франции». Исследования Герье более частного характера отмечаются ниже.

Более самостоятельным является четырехтомный труд Максима Ковалевского, много работавшего и в архивах: «Происхождение современной демократии». Первый его том, вышедший первым изданием в 1895 году, во втором издании разросся в два тома, некоторые части которого с переделками были в начале XX столетия изданы и по-французски. Он посвящен подробному изображению старого порядка в его политической, социальной, правовой и экономической сторонах и изложению касающихся всего этого идей французского общества, давая в этом отношении гораздо более основательное и подробное общее представление о до-революционной Франции, чем какие бы то ни было другие книги. В самой революции автора более всего интересовало сочетание, и в теории и на практике, противоположных начал традиционной исторической власти (монархии) и новой демократической идеи народовластия, — сочетание, возможность которого он предвидел и для России. Второй и третий томы «Происхождения современной демократии» представляют собою историю выработки и введения конституции 1791 года и вообще законодательства этой эпохи. Первая республика находится вне поля зрения Ковалевского, а четвертый том уже посвящен истории падения аристократического режима в Венеции. Автор «Происхождения современной демократии» был профессором государственного права иностранных держав, именно и осуществлявшего в конституциях XIX века сочетание монархии с демократией; поэтому его в истории французской революции интересовало более всего то, что для Олара, гражданина республики и республиканца, отходило на задний план, в виду чего II и III томы книги Ковалевского в очень значительной мере восполняют то, что является до известной степени недостатком «Политической истории французской революции».

Русским же автором, но на трех европейских языках (французском, немецком и английском) сразу был издан в одном

томе своеобразный обзор событий французской революции с анархистской точки зрения, только после нашей революции 1917 года увидевший свет на русском языке. Это — книга о французской революции П. А. Кропоткина ¹⁾, подробный разбор которой пишушим эти строки был помещен в IX и X выпусках «Русского Богатства» за 1910 год. По основной точке зрения это — единственная история революции, где события эпохи подвергаются критике теоретика анархизма.

Отметив еще раз компилятивное изложение труда Сореля, сделанное Т. А. Богданович (Франция и Европа на грани XIX века), укажу, что французская революция вошла, конечно, и в состав более общих трудов, каковы учебники новой истории, из более подробных назову книги Р. Ю. Виппера и В. А. Бутенко, университетские курсы: IV том «Лекций по всеобщей истории», М. Н. Петрова с дополнениями, особенно библиографическими В. П. Бузескула и III том моей «Истории Западной Европы в новое время», в котором рассматривается XVIII век, а революции отведена почти целая треть общего числа страниц, и целый четвертый том «Книги для чтения по истории нового времени», состоящий из ряда статей разных авторов ²⁾.

Заключу этот общий обзор указанием на свою книгу «Великая французская революция», написанную для большой публики и изданную в 1918 году в приложении к журналу «Нива». В ней я старался подвести общие итоги над современным состоянием науки и над некоторыми своими собственными изысканиями.

Такова литература общих трудов по истории французской революции за почти столетний срок, отделяющий наше время от выхода историй Тьера и Минье. С середины прошлого века, когда появилась книга Токвиля, начинается и период разработки отдельных тем, входящих в общую. Мы теперь и переходим к обзору главных проблем этой разработки.

На первом плане стоит выдвинутая Токвилем проблема старого порядка, который, с одной стороны, революция разрушила, но который, с другой стороны, не только ее породил, но и оказал на нее свое влияние впоследствии. Мы уже видели, что после Токвиля старому порядку были посвящены целые томы в общих трудах Тэна, Сореля, Максима Ковалевского, или, по крайней мере, целый большой отдел первого тома «Социалистической истории» Жореса и по тому же общему примеру первый отдел третьего тома «Истории Западной Европы» ³⁾.

¹⁾ La Grande Révolution. 1909.

²⁾ См. III том этого полезного издания.

³⁾ Присоединяю к ним еще свою книгу (из «Типологических курсов по истории и государственного быта») под заглавием: «Западно-европей-

¹⁾ См. выше, стр. 35, прим.

Кроме таких общих трудов, существует великое множество частных, рассматривающих отдельные стороны старого порядка во Франции; самая многочисленность этих трудов исключает возможность их перечисления при ограниченных размерах нашей работы. Кому понадобились бы более обстоятельные справки, тот благоволит обратиться к началу I тома П. Н. Ардашева, озаглавленного «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» и охарактеризованного ниже.

В дальнейшем мы рассмотрим литературу по государственному и административному строю Франции, по ее сословному и классовому быту, по ее хозяйственному состоянию и пр., и здесь останавливаясь преимущественно на более общих трудах. Дело в том, что в до-революционной Франции господствовало необычайное разнообразие по отдельным провинциям, на которые она исторически распадалась, что и учитывается французской национальной историографией, обладающей многочисленными трудами по истории разных провинций и городов накануне 1789 года, как потом и в течение революции. Последняя, так сказать нивелировала Францию, привела в ее провинциальной жизни все к одному знаменателю, что не помешало, однако, большому развитию во Франции занятий местной историей. Указанная выше книга П. Н. Ардашева и тут могла бы сослужить службу некоторого специального справочного пособия. Следует еще здесь оговориться и в том смысле, что многое, касающееся до-революционной Франции, относится, собственно говоря, к историографии предшествующей эпохи и там естественно находит свое место. Здесь выдвигаются на первый план явления, которые составляют причины революции, или такие, которые получают свое историческое освещение только или преимущественно в связи с революцией.

Для историка старый порядок во Франции представляет особый интерес больше всего с начала царствования Людовика XVI («последняя пора старого порядка») и уже несколько меньше в царствование его предшественника, притом все меньше и меньше по мере отделения от его конца. В общем середина XVIII века может быть принята за момент, когда старый порядок склонился к упадку, и почувствовалась особая нужда в реформах, которых, однако, правительство не производило. Известно, что до этого времени еще большие надежды возлагались на «просвещенный абсолютизм» (Вольтер), и что хотя они и не исчезли потом (физиократы), во французском обществе окончательно стали распространяться идеи политической свободы (Монтескье,

ская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков» и с подзаголовком: «Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества старого порядка» (1908).

Руссо, Мабли, энциклопедисты, Мирабо и пр.). Целый ряд сочинений и посвящен именно «кануну» революции¹⁾.

Некоторые историки изображают старый порядок в таком виде, что революция представляется неизбежным его следствием, что, между прочим, можно сказать, прежде всего, о Токвиле. Другие склоняются к мнению, что Франция могла бы перейти в новое политическое бытие без революции, в смысле коренного переворота с бурными потрясениями. Уже упоминавшийся выше англичанин Бёрк упрекал французов, что они перевернули в своем отечестве все вверх дном, вместо того, чтобы постепенно и по частям улучшить свою конституцию, в каковом смысле рассуждали и некоторые историки (напр., Лавернь, см. ниже), думавшие, что Франция могла бы реформироваться мирным путем, — мысль, бывшая у одного из авторов (Шере, см. ниже), который потом сам от нее отказался. Гадания здесь невозможны, но вопрос о том, была ли еще у Франции какая-либо «конституция», подлежащая, как утверждал Бёрк, только улучшению, может быть разрешен исторически. Особенно в русской литературе посчастливилось рассмотрению до-революционной Французской «конституции» в первом томе «Происхождения современной демократии» и в книге Ф. В. Тарановского «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке»²⁾, где также читатель найдет и указания на литературу об этом предмете. В теории Франция имела «конституцию», главную частью которой были парламенты (парижский и провинциальные), умерявшие королевскую власть, по крайней мере в теории, но бессильные, в сущности, остановить «министерский деспотизм», и в то же время, в своем упорном консерватизме тормозившие реформирование Франции. Эти учреждения прошлого, о которых существует целая литература³⁾,

¹⁾ Еще в 1861 году вышла переиздававшаяся впоследствии книга Boiteau «Etat de la France en 1789», наполненная разными фактическими, между прочим и статистическими подробностями о состоянии Франции перед самой революцией. Таких книг, приуроченных к самому 1789 году можно назвать несколько. См., напр., Pisard. La France en 1789. — Babeau. Paris en 1789. Такая же книга Monin — Wallon. Le clergé en 1789. — Beaurepaire. Renseignement statistique sur l'état de l'agriculture vers 1789 и т. п. Другие работы говорят только вообще о старом порядке, как, напр., Raudot. La France avant la révolution. — De Broc. La France sous l'ancien régime. — Guglia. Die conservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. — Указанная выше книга Ардашева, в заголовке которой сказано: «в последнюю пору старого порядка», и др. Недостаток места не позволяет говорить о большей части таких книг в отдельности.

²⁾ Немедленно по выходе этой книги мною о ней был сделан большой реферат в «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1911, кн. XI). По тому же вопросу Le-maire. Les lois fondamentales d'après les théoriciens de l'ancien régime. 1907.

³⁾ Работы Simonnet (вообще о парламентах), Aubert, Flammertmont'a, Glasson'a (о парижском парламенте) и ряда других провинциальных парламентах).

собственно говоря, и начали борьбу с королевской властью, непосредственно предшествовавшую революции. Борьба была острой уже в конце царствования Людовика XVI, когда парламенты были даже уничтожены, после чего вышла анонимная книга «*Maximes du droit public français*», излагавшая в парламентском освещении истинные принципы «законной монархии» во Франции ¹⁾. Людовик XVI восстановил это учреждение, но оно опять вступило в резкую борьбу с властью. Этот эпизод рассказывается во всех подробных историях эпохи, но особенно важно то, что мы находим об этом у Шере, автора «Падения старого порядка», книги, имеющейся и в русском переводе ²⁾.

До работы над этой книгой Шере, начавший уже в очень немолодых годах заниматься историческими исследованиями (более археологического характера) в той области Франции, в которой он жил, в политическом отношении был чистейшим консерваторм. По собственному его признанию, ему сначала хотелось доказать тот тезис, что Франция без революции, т. е. без насильственного переворота, могла бы достигнуть и свободы, и благосостояния, но когда он стал знакомиться с документами предреволюционной эпохи, он переменял свое прежнее мнение, т. е. пришел к тому заключению, что революция во Франции была неизбежна, что ее начали сами привилегированные, и что в этом смысле начало ее нужно отодвинуть до 1787 года. Французская «конституция» оказалась в новейшей историографии наполовину призрачной, наполовину прямо анархичной. К тому же выводу о бессилии тогдашнего государственного строя Франции вывести страну на надлежащую дорогу приходили авторы многих работ о попытках реформ при Людовике XVI вообще ³⁾, о введенных при нем провинциальных собраниях ⁴⁾, особенно о министре-реформаторе Тюрго, мечтавшем о преобразовании Франции чисто бюрократическим путем, в духе просвещенного абсолютизма ⁵⁾. Метод «легального деспотизма» (как выражались физиократы) оказался неприло-

¹⁾ Flammermont. Le chancelier Mopeou et le parlement.

²⁾ E. Chérest. La chute de l'ancien régime. 1884 и след.

³⁾ О царствовании Людовика XVI сочинения Droz'a, Jobez'a и и др., особенно же в томе IX(a) Hist. de France под ред. Lavissee. Специально о реформах книги Semichon, Souriau.

⁴⁾ О них поднял вопрос Lavergne (Les assemblées provinciales sous Louis XVI), доказывавший, что при их посредстве могло бы произойти обновление Франции. Кроме того, книга Delucay и брошюра И. В. Лучицкого «Провинциальные собрания во Франции и их историческая роль» (1879).

⁵⁾ О Тюрго, как «философе», экономисте, администраторе и министре-реформаторе, огромная литература, из которой отметим только две специально посвященные его реформаторской деятельности книги: Foncin Essai sur le ministère de Turgot и Г. Е. Афанасьев. Главные моменты министерской деятельности Тюрго. Обе книги были написаны почти в одно и то же время (1877 и 1884).

жимым к Франции, и попытки реформ кончились крушением абсолютизма ¹⁾.

О центральной и провинциальной администрации во Франции при старом порядке имеется тоже очень большая литература, что указывает, как хорошо был использован пример Токвиля, показавшего, всю важность знания старого порядка для понимания и оценки революции. Некоторые относящиеся к этому темы привлекали к себе особое внимание французских и частью иностранных историков. Во Франции перед революцией особенно жаловались на полицейский произвол, на знаменитую Бастилию, на lettres de cachet, на отсутствие свободы печати и т. п. и обо всем этом было очень много написано за последнее время ²⁾. Историки старого порядка большей частью не отмечают, что вся эта сторона административных нравов возродилась во Франции, когда она сделалась республикой, историки же революции забывают ссылаться на черты сходства нового со старым, о чем так красноречиво в общей форме говорил Токвиль.

Токвиль в «Старом порядке и революции» во Франции в числе других истин, бывших до него неизвестными, показал, что административная централизация, которой приписывалось происхождение в новой Франции, была уже при старом порядке. Революция в этом отношении не создала ничего нового, а только завершила уже раньше совершившийся процесс. С этой стороны интересен вопрос об интендантах, этих, как их называли в XVIII веке, сатрапах или пашах, которые управляли тремя с лишним десятками подчиненных им областей и которых во время революции заменили конвентские комиссары, тоже в своем роде проконсулы, а при империи — префекты. Рассмотрение их деятельности в царствование Людовика XVI важно и для характеристики той системы управления, которая установилась перед революцией. Эта тема прекрасно разработана в труде б. киевского профессора П. Н. Ардашева ³⁾ «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» с большим, как уже было отмечено, критическим обзором литературы по старому порядку вообще и по данному специальному вопросу в частности. Два тома этой книги вышли

¹⁾ См. также кн. Е. В. Тарле «Падение абсолютизма в Западной Европе». 1907. Говорим здесь об этих реформах коротко, так как вопрос этот относится к теме о просвещенном абсолютизме.

²⁾ Ernest Daudet. La police politique... d'après... les papiers du Cabinet noir. 1912. — Challamelle. Histoire de la liberté en France. — А. Боровой. История личной свободы во Франции (в книге много о lettres de cachet; см. о ней мою статью с XVI т. «Истор. Обзор», за 1911 г.). — Funck-Brentano. Legendes et archives de la Bastille. 1904. — Его же. Les lettres de cachet de Paris. 1903. — Д. Ахшарумов. История Бастилии. — Hatin. Histoire de la presse en France и пр.

³⁾ Автора, между прочим, еще книжки «Абсолютная монархия на Западе». 1902.

в 1900 и 1906 годах, кроме собрания документов, озаглавленного «Les intendants de province sous Louis XVI»¹⁾.

Революция отменила все учреждения старого порядка, но новые ей пришлось строить из старого материала. Токвиль показал, как французы, сами того не подозревая, восстановили потом многое старое, но только в новых формах. Привычные идеи, нравы, обычаи оказались во многих случаях более сильными, чем сознательные намерения, раз обстоятельства благоприятствовали этому.

Одним из симптомов разложения старого порядка и в то же время мотивов для неудавшихся реформ было печальное состояние французских финансов, о чем существует большая специальная литература²⁾, одно из произведений которой так и обозначено: «Финансовые причины французской революции»³⁾. В ней, конечно, много технического, малоинтересного для общего историка. Ближе к основным вопросам исторического исследования старого порядка в его отношении к революции экономическая жизнь страны перед 1789 г., что связано с вопросом о социальном строе Франции перед 1789 годом.

О классовом составе населения Франции перед революцией говорится, конечно, во всех сколько-нибудь подробных трудах о старом порядке, но никто так не расчленил его на самые мелкие категории, как немецкие марксистские писатели, занимавшиеся вопросом. Пример в этом отношении подал Карл Каутский, который к юбилейному 1889 году подготовил брошюру: «Противоречия классовых интересов во Франции в 1789 году»⁴⁾, представляющую большой интерес, но недостаточно осведомленную относительно сельского населения и его расслоения. То же можно сказать и о другой подобной же классификации, которую дает Генрих Кунов (тоже марксист) в начале своего большого труда: «Борьба классов и партий во Франции в великой французской революции» (1912; русск. пер. 1919). Их взгляды заслуживают внимания в виду того, что большинство историков останавливалось преимущественно лишь на крупных делениях сословного характера.

Духовенству, дворянству, буржуазии, рабочим и крестьянам во Франции перед революцией посвящен ряд отдельных сочинений.

Вопрос о положении духовенства во французской монархии тесно связан и с вопросом об отношениях между церковью и

¹⁾ См. о ней мою статью в «Отчете о XIII присуждении премий митр. Макария».

²⁾ Соч. Clamageran, Vuitry, De Nervo, Stourm, Bouchard, Vührer (последнее о государственном долге) и др. См. ниже, стр. 73.

³⁾ Gomel. Des causes financières de la révolution française.

⁴⁾ Karl Kautsky. Klassengegensätze in Frankreich vor 1789. Есть русские переводы.

государством, — вопросом, который играл такую важную роль в истории революции. Самым крупным и очень новым (1909) трудом в этой области является книга Де-ла-Горса «Религиозная история французской революции»¹⁾, начало первого тома которой посвящено состоянию французского духовенства в XVIII веке. Труд этот хорошо документирован и до известной степени упраздняет другие работы по тому же вопросу²⁾.

Менее разрабатывался вопрос о дворянстве³⁾, но этот недостаток восполняется трудами о социальном феодализме, в котором главную роль играли дворяне. В этом социальном феодализме лежали причины и экономической отсталости Франции, и недовольства крестьянской массы, особенно благодаря «феодальной реакции» за последние тридцать лет до революции, — реакции, о которой одним из первых заговорил Шере.

О буржуазии, ее социальном положении, о причинах ее недовольства, о ее стремлениях также есть ряд работ, каковы, кроме тех, в которых вообще изображается ее прошлое, специально посвященные XVIII веку. Среди них особенно важны книги Бабо о городах при старом порядке, Ковалевского о том же в первом томе «Происхождение современной демократии» (особенно в 3 изд. 1913 г. и во французской переделке), Шарля Нормана о буржуазии и др.⁴⁾. Менее разработан вопрос об отдельных классах буржуазии, в роде, напр., откупщиков государственных доходов, о которых есть книга Жанзе⁵⁾. С этой стороны будущих историков ждет еще большая работа, особенно по отношению к вопросу о капитализме в до-революционной Франции. Это — одна из проблем, разделяющих мнения современных ученых: одни считают французскую промышленность отсталой, другие, напротив, указывают на сильное развитие промышленности и торговли перед 1789 годом. Вопрос остается спорным⁶⁾, как и вопрос о формах промышленности, с чем связан вопрос о положении рабочего класса перед революцией, в которой именно буржуазия и рабочий класс играли наибольшую роль (крестьяне лишь в первый, «аграрный» период).

Только в конце XIX века стал сколько-нибудь разрабаты-

¹⁾ De la Gorce. Histoire religieuse de la révolution française. Труд еще не закончен; автор — католик.

²⁾ Sicard. L'ancien clergé de France. 1900. — Bourgain. Études sur les biens ecclésiastiques avant la révolution. — Chassin. L'église et les derniers seigneurs.

³⁾ Louandre. La noblesse sous l'ancienne monarchie.

⁴⁾ Babeau. La ville sous l'ancien régime. — M. Kowalewsky. La France sociale et économique à la veille de la révolution. — Ch. Normand. La bourgeoisie française au XVIII siècle. 1908.

⁵⁾ A. de Janzé. Les financiers d'autrefois. Les fermiers généraux.

⁶⁾ Отсылаю к статье А. Я. Шульгина «Были ли капиталистический строй во французской промышленности в XVIII веке». (Рус. Бор., 1917, № 8 — 10).

ваться вопрос о промышленных рабочих, о чем отсылаю к своей статье ¹⁾, вышедшей в свет и отдельную брошюрой и озаглавленной «Что сделано в исторической науке по вопросу о положении французских рабочих перед революцией 1789 года» (1911). Наиболее важны следующие книги: Левассера о рабочих до 1789 г., Бабо о ремесленниках и слугах, д'Авенеля о крестьянах и рабочих до 1800 г. ²⁾ Ковалевского в только-что отмеченном месте, Жореса в начале I тома и особенно Е. В. Тарле, издавшего в первых годах XX в три труда: «Рабочие национальных мастерских во Франции во время революции» (по архивным источникам), «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (1909 и 1911; тоже по архивным источникам) и по-французски о деревенской промышленности в конце старого порядка ³⁾. Второй из этих трудов включает в себе историю рабочего класса во время революции, но в нем есть три главы (во II томе), рассматривающие положение рабочих перед 1789 годом с пробелом, однако, относительно цехов, о которых, наоборот, подробно говорится в книге Ковалевского и ее французской переделке. Автор приходит к выводу о господстве во Франции мелкого производства. Что касается цехов и вытеснявшей их более крупной промышленности, то посвященные им французские труды ⁴⁾ не всегда различают понятия крупного производства и крупных предприятий при мелкой форме производства. Этим определяется характер французского рабочего класса в конце XVIII века. Он не состоял исключительно из пролетариата, так как в нем было очень много хозяев мелких мастерских и их «компаньонов», из которых каждый стремился сделаться «патроном». Для французской революции такое обстоятельство имело свое значение.

Большую проблему в деле изучения старого порядка представляет собою состояние сельской массы накануне революции. Чтобы знать, что принесла ей революция (а также каково было ее участие в событиях эпохи), нужно решить ряд вопросов, совокупность которых и составляет крестьянский вопрос. Он разрабатывался особенно много русскими учеными, которых

¹⁾ В XV томе «Известий Спб. Политехн. Института».

²⁾ Levasseur. Hist. des classes ouvrières en France avant 1789 (изд. 1900 — 1901). — Babelu. Les artisans et les domestiques d'autrefois 1886. — D'Avenel. Paysans et ouvriers depuis 700 ans. 1899.

³⁾ E. Tarlé. L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime. О второй из названных книг см. мои статьи в «Рус. Бог.» за 1911 г. и в академическом «Сборнике отчетов о премиях в 1913 году».

⁴⁾ E. Martin Saint-Léon. Hist. des corporations de métiers jusqu'au 1791 (2 изд. 1909). Des Cilleuls. Hist. de la grande industrie en France aux XVII et XVIII siècles. 1898. — Germain Martin. La grande industrie en France sous Louis XV. 1900. См. также I т. Ковалевского.

французские историки даже обозначают иногда, как «русскую школу». Перечислять здесь все работы по этому вопросу не приходится, потому что это только загромодило бы изложение множеством названий, тем более, что мелкие работы самими авторами обобщались. Из французских также отмечаем только главные.

В общую тему о положении французского крестьянства накануне революции входят частные: об остатках социального феодализма и крепостничества, ¹⁾ об административном устройстве деревни и о сельском быте вообще ²⁾, о землевладении и землепользовании, о состоянии сельского хозяйства, о производстве хлеба и торговле им ³⁾, о налоговом бремени, лежавшем на сельских жителях ⁴⁾, которые были обобщены автором настоящего обзора в его магистерской диссертации, написанной отчасти по архивным источникам и вышедшей в 1879 году, а в 1899 г. переведенной и по-французски. Ее заглавие «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» ⁵⁾ показывает, что книга содержит в себе историю крестьян перед революцией и во время революции. В ней проводится та мысль, что феодальный режим во Франции имел большую силу, но что тогда уже существовала мелкая поземельная собственность у крестьян. Иначе взглянул на дело Ковалевский в первом томе «Происхождения современной Франции», часть которого, касающаяся сельского быта вышла в свет и во французской обработке ⁶⁾. Впоследствии я старался доказать, что по обоим пунктам утверждения Ковалевского основаны на недоразумении: и феодализм он понимает в особом смысле и условную цензивную собственность не считает за собственность, видя в ней лишь вечное наследственное держание ⁷⁾. Свой взгляд на отсутствие ее в дореволюционной Франции Ковалевский повторил в книге «Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции» (1912).

¹⁾ Doniol. La féodalité et la révolution française. — Maine. Des causes de la décadence de la propriété féodale en France et en Angleterre. — Chassin. L'église et les derniers serfs. — Aulard. La féodalité sous la révolution (в «La Rév. franç.» за 1913 г.).

²⁾ Babelu. Le village sous l'ancien régime и его же La vie rurale dans le nord de la France. — A. de Colonne. La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France.

³⁾ Г. Е. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Есть французский перевод.

⁴⁾ См. книги о французских финансах, указанные выше, стр. 46.

⁵⁾ N. Karéiev. Les paysans et la question paysanne en France au dernier quart du XVIII siècle. 1899.

⁶⁾ M. Kovalevsky. La France sociale et économique à la veille de la révolution. Les campagnes.

⁷⁾ Об этом в «Беглых заметках», указанных выше, стр. 26. См. также мою статью «Deux opinions contraires sur la petite propriété en France à la veille de la révolution» (La Rév. Fr. за 1913 г.).

В одно время с Ковалевским стал заниматься вопросом киевский профессор И. В. Лучицкий, много потом работавший над ним в архивах Франции, особенно в провинциальных. Ему принадлежит ряд работ в этой области, из которых называю лишь главные: «Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, преимущественно в Лимузене» ¹⁾, французская книга «L'état des classes agricoles en France à la veille de la révolution» (1911) и «Состояние земледельческих классов, во Франции и аграрная реформа 1789—1793 гг.» (1912). Лучицкий в противность Ковалевскому доказывает, что теперешнее крестьянское землевладение во Франции существовало уже до революции, и что последняя даже заметным образом не изменила аграрный строй, только освободив мелкую собственность от феодальных стеснений и поборов ²⁾. Замечательно, что во второй половине IX тома «Histoire de France» Лависса автор статьи о дореволюционном землевладении указывает на мнения лишь этих двух русских исследователей: до такой степени в данном вопросе они выдвинулись вперед, а о Лучицком можно даже сказать, что он оказал влияние и на французских исследователей вопроса, большею частью, однако, писавших о землевладении в отдельных провинциях. Этот вопрос настолько заинтересовал историков, что им занялись и некоторые немецкие ученые ³⁾. Замечательно, что именно в России появились наиболее крупные общие труды о французских крестьянах и рабочих в эпоху революции, причем, между прочим, русские же ученые (Ковалевский и Тарле) обратили большое внимание на кустарные промыслы в деревнях перед 1789 годом.

Указанные и другие работы по истории крестьянства и рабочего класса составляют важнейшие вклады науки в экономическую историю Франции перед революцией. К сожалению, здесь еще многое служит предметом разногласий (напр., вопрос об экономическом процветании или упадке Франции накануне революции), но, как-никак, экономические ее причины все более и более уясняются и проливается свет не только на то, почему она произошла, но и на то, почему получила такой, а не иной ход и дала такие, а не иные результаты. Программа, намеченная в «Старом порядке и революции» Токвиля, все более выполняется в научном духе, с привлечением к делу архивных

¹⁾ См. предыдущее примечание. Прибавим, что первый из названных трудов Лучицкого, вышедший по-русски еще в 1900 г., был потом (1912) в переработанном виде издан и по-французски (1912).

²⁾ Только двое, сколько мне известно, издали свои работы в 1889 г. (Brutails о Руссильоне и Beaugerais о деп. Нижней Сены), все же остальные, как Dupont, Marion, Giffard, Lafarge, Camille Bloch, Henri Sée и др. после 1900 года.

³⁾ Wolters. Studien über die Agrarzustände und Agrarproblem in Frankreich P. Darmstädter. Ueber die Vertheilung des Grundeigentums in Frankreich vor 1789 (статья в Festgabe für Th. von Heigels).

материалов, в каковой работе некоторую часть труда исполняли и русские ученые.

Первые историки революции, как мы уже видели, не входили в подробности старого порядка, ограничиваясь общими фразами о причинах народного недовольства, и больше обращали внимания на происшедшую в XVIII веке «революцию в умах», нежели на те жизненные противоречия, которые наблюдаются теперь в политических, социальных и экономических отношениях накануне революции. Не значит, однако, что и проблема «философии XVIII века и революции 1789 года» утратила свое значение: у революции была своя идеология, которая возникла и распространилась в обществе еще задолго до взрыва 1789 года.

У революции были свои «отцы», как выразился Фабр автор (1910) книги «Les pères de la révolution — de Bayle à Condorcet», и «революционный дух» проявлялся уже «до революции», как поставил в заголовке своего уже старого теперь труда (L'esprit révolutionnaire avant la révolution, 1879) Roquain ¹⁾. Вот почему некоторые общие историки революции отвели немало места в своих книгах, посвященных ей, или общим характеристикам умственного движения XVIII века, или отдельным писателям в роде Вольтера, Монтескье, Руссо и т. д., — Луи Блан, Токвиль, Гейсер, Тэн, Сорель, Ковалевский и др., каковому примеру последовал и автор настоящего обзора в III томе своей «Истории Западной Европы», ориентированном в сторону, главным образом, понимания революции.

Литература о «философии XVIII века», как называют «просветительное» движение той эпохи (или «просвещение») громадна. Она складывается из книг по истории философии с этикой, литературы, политических теорий, экономических учений и т. п.: значило бы прямо выйти из пределов истории в более тесном смысле, если бы перечислить и даже охарактеризовать наиболее только важные пособия к познанию этого предмета, не говоря уже о массе биографий Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Мабли, Кенэ, Тюрго и др. писателей, живших до начала революции, с прибавкою к ним деятелей последней, писавших, однако, еще перед ее началом, каков, напр., Мирабо, автора книг о деспотизме и других политических произведений. С точки зрения интереса к французской революции важно только указать здесь на произведения, дающие характеристику общего духа «философии XVIII века» и относящиеся к более частным сторонам ее влияния на деятелей революции. Об остальных читатель наведет справки в соответственных местах других книжек «Введения в науку».

¹⁾ Есть в рус. пер. под заглавием «Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке».

Остановимся прежде всего, на том, что в интересующем нас порядке дают сами историки революции. Луи Блан говорит в первом томе своего труда, что миром правят три принципа: авторитет, индивидуализм и братство, причем распределяет между ними отдельных писателей, как их представителей. Сам он—сторонник братства, представителя которого видит, прежде всего в Руссо, относя отрицательно к индивидуализму Вольтера, Монтескье и Тюрго. Собственно, в литературе XVIII века нужно различать два течения, из которых основным принципом в одном была свобода и, главным образом, индивидуальная свобода, в другом—идея равенства: первое принимало иногда даже аристократический характер (у Монтескье, у писателей в духе парламентской теории, отчасти у физиократов по отношению к экономической жизни в особенности), другое было проповедью народовластия, хотя бы и в ущерб правам индивида. Во время революции эти два течения столкнулись: в первый период перевес брало стремление к свободе, во второй—к равенству, и в этом втором периоде распря жирондистов и якобинцев сводится частью к тому, что одни были защитниками индивидуальной свободы, а другие—государственниками (и потому скорее представителями принципа авторитета, а не братства, как думает Луи Блан). Что пути свободы и равенства расходились, это подчеркивает особенно Токвиль, написавший раньше большую книгу (Демократия в Америке) для выяснения условий, при каких стремление к равенству не может быть опасным для свободы. Между прочим, он указывает, что французы стремились больше к равенству, чем к свободе, и что в литературе XVIII века очень заметна струя особого упования на благодетельную власть, которая все устроит к наилучшему (даже с некоторой идеализацией Китая). Наконец, Токвиль подчеркнул универсальный характер этой литературы, роднящий ее действие на умы с религией, и обратил внимание на то, какую силу над обществом получили во Франции писатели, часто бывшие, по складу французской общественности, далекими от практической жизни.

Этот универсальный и абстрактный характер «философии» XVIII века выдвигает на первый план и Тэн, сводящий все умственное движение века к двум источникам: к «классическому духу», под которым он подразумевает рационализм, и к «научному приобретению». К этому классическому духу он относится отрицательно, вообще вскрывая те слабые стороны, которые были так присущи рационализму и которые, по мнению Тэна, оказали отрицательное влияние на революцию, как «скверная водка» на грубых людей. В этих несходных отношениях к одному и тому же содержанию, между Луи Бланом, восторгавшимся «Общественным договором» Руссо, и Тэном, относящимся к нему враждебно, Токвиль опять представляется нам спокойным и беспристрастным наблюдателем. В историче-

ской науке на первом плане должна стоять не субъективная оценка, а объективное понимание, которое мы и находим, напр., у Гейсера или у Ковалевского, когда они говорят в своих историях революции об идейных течениях, ей предшествовавших и в ней проявлявшихся.

Эта философия все более и более приобретала рационалистический характер, противопоставляя всему положительному, исторически-сложившемуся в религии, в политике, в праве то, что юристы разумели под названием «естественного права»¹⁾, а экономисты (физиократы) называли «естественным порядком». Рационалистическое «естественное право, враждебное всему положительному, исторически сложившемуся, по самому своему существу было революционным принципом, что и выразилось в знаменитой «Декларации прав человека и гражданина» 1789—1791 годов, как и в жирондистской и якобинской ее переделках, этим связующим звеном между философией XVIII в., т. е. теорией, и революционным законодательством, или практикой. Позднее такой практик, как Наполеон, называл людей отвлеченной теории идеологами, и действительно, писатели XVIII века были преимущественно идеологами²⁾. Французское общество в конце старого порядка воспитывалось именно в анти-исторической идеологии естественного права³⁾ в отношениях своих к религии, к государству, к гражданскому обществу, к экономике.

В отношении религиозном эта литература была проникнута анти-католическим духом, был ли он сведением религии к деистическому минимуму верований, или к атеистическому их отрицанию. Мы еще увидим, что во время самой революции отрицательное отношение к католицизму развилось в жестокое его преследование больше, однако, из ненависти к духовенству, так сказать, классового характера, нежели из отрицания самой религии. В общем, революция имела деистическую, а не атеистическую окраску⁴⁾. Другой важный здесь вопрос, это—как понимали писатели XVIII века взаимные отношения государства и церкви⁵⁾. Здесь мы тоже находим два течения: индивидуалистическое, за религиозную свободу, что видим у Монтескье и у Тюрго, и государственническое, соединявшее требование веротерпимости с желанием, чтобы государство повелевало над религией, как у Вольтера. Руссо, взглянувший в «Исповедании веры савойского викария» на религию, как на интимное дело

¹⁾ Th. Jouffroy. Le droit naturel.

²⁾ Picavet. Les idéologues.

³⁾ Roustan. Les philosophes et la société française du XVIII siècle. 1906.

⁴⁾ См. ниже, где указаны сочинения об отношении революции к католицизму.

⁵⁾ А. Г. Вульфius. Очерки по истории веротерпимости и религиозной свободы в XVIII веке. См. и дополнения ко взглядам автора в моей статье об этой книге в XI вып. «Рус. Бог.» за 1911 год.

души, в «Общественном договоре» провозгласил необходимость «гражданской религии»¹⁾, устанавливаемой государством. Деятели революции усвоили государственнический взгляд на религию и в гражданском устройстве духовенства времен Учредительного собрания, и в провозглашении Конвентом того, что Франция призывает существование Бога.

В политике направления отдельных писателей оказались разными. Вольтер и физиократы стояли на точке зрения просвещенного абсолютизма. Попытка ее применения на практике сделана была физиократом Тюрго в бытность его министром в начале царствования Людовика XVI, но она не удалась из-за сопротивления двора, духовенства, вообще всех заинтересованных в сохранении старого порядка. На революцию оказали влияние, главным образом, Монтескьё, Руссо и Мабли, а также энциклопедисты.

Политическое учение Монтескьё нужно рассматривать в связи с французской парламентской теорией монархии²⁾, а кроме того, он первый пропагандировал во Франции идеи тогдашнего английского конституционализма³⁾, сделавшись родоначальником либерализма, хотя и в аристократической его форме. Учредительное собрание воспользовалось главными принципами его политической теории при выработке конституции 1791 года. Здесь обращают на себя внимание учение Монтескьё о разделении властей⁴⁾, об ответственности министров, об индивидуальной свободе, между прочим, в области религии⁵⁾ и т. п. Отрицательное его отношение к французскому абсолютизму выразилось еще в раннем его произведении, в «Персидских Письмах»⁶⁾, и в том изображении деспотии, какое мы находим в «Духе Законов». Отметим, что оба произведения имеются в русском переводе (изд. Л. Ф. Пантелеева), и что политическая теория Монтескьё излагалась и комментировалась и в русской литературе⁷⁾.

Неизмеримо большее еще влияние на революцию оказал Жан-Жак Руссо, особенно своим «Общественным Договором».

¹⁾ E. Faguet. La politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire. 1902.

²⁾ См. выше, стр. 43.

³⁾ G. Koch. Montesquieu's Verfassungstheorie.—J. Janssen. Montesquieu's Theorie von der Dreitheilung der Gewalten im Staate.

⁴⁾ J. Schwarcza. Montesquieu und die Verantwortlichkeit der Räte des Monarchen.

⁵⁾ Ср. главы о Монтескьё у Вульфуса, а также Carayon. Essai sur le rapport du pouvoir politique et du pouvoir religieux chez Montesquieu. 1909.

⁶⁾ Marcus. Die Darstellung der französischen Zustände in Montesquieu's Lettres persannes verglichen mit der Wirklichkeit. 1902.

⁷⁾ В «Истории политических учений» Чичерина, в статье М. М. Ковалевского, приложенной к рус. пер. «Духа Законов», статье В. И. Герье в Энциклоп. Слов. Брокгауза-Ефрона, в главе о Монтескьё в «Ист. Зап. Евр.» и др.

Естественно, что о нем, как властителе дум, еще во время его жизни и в десять лет, отделяющих год его смерти (1778) от начала революции, и как о ее пророке, существует громадная литература. Сосредоточиваясь исключительно на вопросах о политической теории Руссо, изложенной, главным образом, в «Общественном Договоре», отметим здесь, кроме того, что о нем есть в историях революции (Луи Блана, Гейсера, Тэна, Ковалевского и др.) и в его биографиях (Морлея, Грэхэма, Шюке и мн. др.) следующие книги и статьи: Fr. Naumann. J. J. Rousseau's Socialphilosophie.—Liepmann. Die Rechtsphilosophie des J. J. Rousseau.—H. Rodet. Le Contrat Social et les idées politiques de Rousseau. 1909.—Landmann. Der Souverainbegriff der französischen Theoretiker von Bodin bis auf Rousseau.—Статьи Bouglé и Jaurès'a о политических и социальных идеях Руссо в «Revue de métaphysique et de morale» за 1912 год (по поводу двухсотлетия со дня его рождения). Некоторые авторы о Руссо нарочито подчеркивали в самых главах своих работ связь Руссо с революцией, как это видим у Edme Champion (J. J. Rousseau et la révolution française. 1909) или у Meynier (J. J. Rousseau révolutionnaire). Посчастливилось Руссо и в русской литературе, где мы имеем работы В. И. Герье (Понятие о народе у Руссо, ст. в книге «Идея народовластия и революция 1789 г.» и статья в Энциклоп. Слов. Брокгауза-Ефрона), А. С. Алексеева («Этюды о Руссо» и «Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо в ее отношении к равновесию властей»), М. М. Ковалевского (Новые данные о Руссо в сборн. «Помощь евреям»), П. И. Новгородцева (некоторые главы в «Кризисе современного правосознания»), Д. Г. Гурвича (Руссо и декларация прав) и др.¹⁾ Из них, между прочим, Ковалевский, писавший о Руссо и в «Происхождении современной демократии», старается доказать, что между Монтескьё и Руссо нет той разницы, которую обыкновенно видят, а Гурвич — что учение Руссо было чисто индивидуалистическое, вопреки признанию в Руссо теоретика неограниченного народовластия. И то, и другое неприемлемо или, по крайней мере, требует больших оговорок. Во всяком случае, обилие толкований «Общественного Договора» (существующего в разных русских переводах) указывает на сознание его важности уже по одному его историческому влиянию.

Руссо был республиканец, демократ и радикал в политике (и реакционер в области духовной культуры). Неизмеримо менее занималась историческая наука другим демократом и радикалом, оказавшим влияние на революцию, именно аббатом Мабли. О нем писали, как о моралисте, социальном утописте, о теоре-

¹⁾ Книга М. Н. Розанова о Руссо (1900) не имеет отношения к его политической теории.

тике истории, но почему - то забыли его, как чисто политического писателя, — пробел, который заполнил своими о нем французской книгой и русской статьей (в Вестн. Евр. за 1887 г.) Герье. Книга носит название «L'abbé de Mably moraliste et politique» (1886), с характерным подзаголовком, что дело идет о «моральной доктрине пуританского якобинизма». Автор доказывает здесь, что теория Мабли была как-бы некоторым готовым сочетанием идей Монтескье и Руссо, которым, так сказать, воспользовались составители конституции 1791 года. О политической теории Мабли имеется еще статья В. Панова в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1911 г. У Монтескье, у Руссо, у Мабли были определенные политические теории, своего рода положительные государственные идеалы, у других же политических писателей, объединяемых в названии их «энциклопедистами»¹⁾, было большею частью только отрицательное отношение к существующему строю, выражавшееся в резкой словесной форме. Революционная фразеология 1789 и особенно 1793 гг. уже зародилась в некоторых произведениях оппозиционной литературы XVIII века, с которою, как известно, правительство вело нескончаемую войну. Самая смелость таких писателей, как Гельвеций, Гольбах, Рэйналь влекла к ним читателей и воспитывала их в неуважении к прежним авторитетам.

Подвергся суровой критике и экономический режим старого порядка. Его противниками, как известно, во второй половине XVIII века выступила школа физиократов²⁾, которые в политике стояли на точке зрения «легального деспотизма», а в хозяйственной жизни проповедовали полную свободу, признавали только «власть природы», что и значит «физиократия», или «господство естественного порядка» (pendant к политико-юридическому «естественному праву»). Физиократы были врагами феодального строя и сословных привилегий, цеховой организации промышленности и правительственной опеки над производством и торговлей, особыми защитниками интересов сельского хозяйства и пр. и, таким образом, имели нечто от Вольтера, нечто от Монтескье. Если в их идеологии и искать классовой подкладки, то их идеал был «буржуазный», так как, наприм., в области сельского хозяйства они стояли за более крупную, на английский манер, фермерскую обработку земли. Французы, как известно, считают физиократов настоящими основателями политической экономии, и многие историки им приписывают непосредственное влияние на законодательство революции, но в некоторых отношениях буржуазия ими не была довольна: мелкая (т. е. цеховые мастера) за отрицательное отношение к цехам,

¹⁾ Дж. Морлей. Дидро и энциклопедисты. 1886. — Duprat. Les encyclopédistes.

²⁾ О них см. в историях политической экономии.

крупная — за торговый трактат с Англией (в 1783 году), приписывавшийся влиянию физиократов, так как после его введения из Англии во Францию хлынула масса товаров.

Наконец, к числу писателей по общественным вопросам нужно причислить и таких, которые высказывали коммунистические и социалистические мысли, но часто прямо в виде своего рода «игры ума» без мысли о возможности их практического осуществления. К числу таких писателей принадлежал Мабли, отрицавший частную собственность по моральным соображениям, так как она питает эгоизм, источник всякой безнравственности. Даже будущий жирондист Бриссо тоже нападал на частную собственность, имея в виду суровые законы, карающие бедняка за кражу. А аббат Морелли в своих сочинениях рисовал картину блаженства в коммунистическом строе.¹⁾ Особое развитие идеи этого рода получилось только уже во время самой революции. Нельзя, впрочем, не отметить, что публицистика XVIII века отличалась благожелательным, так сказать, филантропическим отношением к народу, в смысле рабочей массы.

Передовые идеи XVIII в. находились в резком противоречии с тогдашними порядками, но в то же время многие дворяне и интеллигенты из буржуазии как-то не замечали, что новые идеи, которыми они увлекались, противоречили их интересам: эти благородные идеи были столь отвлеченными, столь далекими от действительности, что мало кому приходила в голову возможность их применения.

Важными моментами в нарастании во Франции свободного духа были интерес к английской конституции и к американской революции. Еще Вольтер пропагандировал во Франции удивление перед английской свободой, при всей своей вере в просвещенный абсолютизм. Монтескье дал теорию английской конституции, как осуществления гражданской свободы²⁾. С 1771 г. во французском обществе сделалась очень популярной книга женеваца Делольма об английской конституции. Но демократически настроенные Руссо и Мабли были против английского государственного строя. Многие французы, между прочим из будущих деятелей революции, ездили в Англию и подолгу там оставались. Американская революция 1774 года, которой оказали помощь французские добровольцы и само правительство, еще больше была популярна во Франции: в Америку ездили по окончании войны с Англией, о ее декларации прав с восторгом писали

¹⁾ Экономическим и социальным учениям отведено много места в I томе труда Ковалевского. См. также в разных общих историях социализма, а в частности в сочинениях по истории социализма в эпоху революции, указываемых ниже.

²⁾ Dedieu. Montesquieu et la politique anglaise en France.

Мабли, Бриссо, Рэйналь, Кондорсе и др. Для понимания настроения французской интеллигенции перед революцией это важно ¹⁾.

Людовику XVI пришлось царствовать в такой момент, когда расстройство правительственного аппарата и общественное движение в пользу реформ и свободы ставило перед властью трудную задачу, которой она не сумела выполнить. Правительство в это время имело против себя две оппозиции: консервативную, едва затрагивало интересы привилегированных, и либеральную, едва прибегало к насилию и произволу в борьбе с консервативной оппозицией, как к проявлению деспотизма. Еще во время революции некоторые датировали начало переворота 1787 годом, когда Людовик XVI, не желая иметь дела с оппозиционным парламентом, созвал так называемых нотаблей, вынужден был их распустить, встретил оппозицию со стороны парламента, отправлял его в ссылку, а в 1788 году опять встретил парламентскую оппозицию и в провинциях и еще раз созывал нотаблей, в то время, как общественное мнение требовало созыва генеральных штатов, а местами происходили народные волнения в защиту парламентов ²⁾. События 1789 года до такой степени оставили в тени эту политическую борьбу 1787—1788 годов, что часто историки революции ее едва касаются, но как-раз через сто лет после нее ею занялся в своей книге «Падение старого порядка» Шере, о котором речь была уже выше ³⁾. Людовику XVI пришлось уступить и на весну 1789 г. назначить выборы в генеральные штаты, во время которых население должно было изложить свои пожелания в наказах, как выборщикам, так и депутатам в самые штаты. Этих документов (*cahiers de doléances*) было составлено тысяч около тридцати-сорока, и многие из них теперь изданы и продолжают издаваться, составляя большие коллекции ⁴⁾. Это очень важный исторический источник для познания состояния и настроения Франции в 1789 г., так как наказаы имеются от всех местностей (от отдельных сельских приходов, от городов и часто от их корпораций, от

¹⁾ Об англomanии и американофильстве французов см. в т. I труда Ковалевского. Кроме того, Doniol. Histoire de la participation de la France à l'établissement des États-Unis d'Amérique.—T. Balch. Les Français en Amérique.

²⁾ A. Wahl. Die Notabeln-Versammlung von 1797 (1899).—Babeau. Le parlement de Paris à Troye en 1787.

³⁾ См. стр. 44. Тот же период изображен, но очень пристрастно в книге A. Wahl'я «Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution. 1901 и сл.

⁴⁾ Семь первых томов первой серии «Archives Parlementaires» под ред. Laurent et Mavidal. 1869. Рассчитанная на десятки и, может быть, сотню-другую томов «Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française». Масса других подобных же изданий единичных наказов и сборников отмечена у Richard. Bibliographie des cahiers de doléances de 1789.

отдельных сословий, т. е. духовенства, дворянства и третьего сословия всех областей). Один из первых, обративших внимание на этот материал, был Токвиль, который и воспользовался небольшою его частью в «Старом порядке и революции», после чего и другие историки стали обращаться к наказам, между прочим, и Шере, в Германии же первый, давший им место в своей книге, был Гейссер. Тэн, наоборот, почему-то пользовался им мало. Специальная литература о наказах и по наказам очень велика. Наиболее известны следующие труды: Chassin. Le génie de la révolution. Les cahiers des curés et Les élections et les cahiers de Paris en 1789.—Poncin. Les cahiers de 1789.—Edme Champion. La France d'après les cahiers (есть и русский перевод).—Picard. Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières.—Aulard. Patrie et patriotisme sous Louis XVI et dans les cahiers (La Rév. Franç., 1915). Русские ученые тоже достаточно пользовались этим материалом в более общих трудах (Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос и пр.—Ковалевский. Происхождение современной демократии и Происхождение мелкой крестьянской собственности), так и в специальных работах, каковы: В. Н. Герье. Понятие о власти и народе в наказах 1789 года (в сборнике «Идея народовластия и французская революция») и его же статья о наказах (в Энци. Слов. Брокгауза-Ефрона).—В. Хорошун. Дворянские наказы во Франции в 1789 г. (очень большой том).—Е. Н. Петров. Вопросы промышленности и торговли в наказах депутатов третьего сословия генеральных штатов 1789 года (Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, кн. VI и VII) и его же, Выборы в генеральные штаты в Париже (там же за 1915 г., кн. XII). Русской же литературе принадлежит и наиболее важный критический труд о наказах, как историческом источнике: А. М. Ону. Выборы 1789 года во Франции и наказаы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны (1908, т. I). В этой книге рассматриваются, главным образом, приходские, т. е. сельские, крестьянские наказаы, которые и классифицируются, смотря по тому, было ли их содержание выражением действительных желаний крестьян. Наказаы даже послужили материалом для студенческих семинариев (напр., в Петербургском и Киевском университетах), причем некоторые из возникших там работ были напечатаны ¹⁾.

В работе Ону, кроме наказов, говорится о том, как происходили выборы в генеральные штаты. Материал для этого, у него был архивный и печатный, последний в виде «Recueil de documents relatifs à la convocation des états généraux de 1789», изданного Арманом Бреттом (Armand Brette), который приложил к нему великолепный атлас французских областей (балья-

¹⁾ Об этом в моих «Беглых заметках по экономической истории».

жей и сенешальств), представлявших собою избирательные округа¹⁾. Протоколы выборов и сами наказания заключают в себе неисчерпаемый материал самого разнообразного содержания, который позволяет самым детальным образом судить о том, что делалось в разных местностях Франции весной 1789 года. Прибавлю, что в самой большой коллекции наказов они издаются с большими вступительными статьями редакторов и с массой материала, извлеченного из архивных документов, в примечаниях.

Другим важным материалом для суждения о настроении общества в 1789 году являются многочисленные брошюры, которые выходили в свет, начиная с зимы 1788 — 1789 года. В числе их, как известно, наиболее популярною была изданная аббатом Сьейесом под заглавием: «Что такое третье сословие?» Она была недавно переиздана Обществом истории французской революции и вышла в 1906 году в русском переводе В. А. Богучарского. Научный анализ ее можно найти в книге В. М. Устинова «Учение о народном представительстве» (1908, т. I), — книге, важной с точки зрения изложения в ней истории взглядов на народное представительство во Франции XVIII века.

1789 год был началом развития во Франции политической прессы, сначала брошюрной, а потом и периодической, о чем также имеется специальная литература. Кроме известных, общих трудов по этому предмету²⁾, некоторые имеют отношение только к революционной эпохе, каковы: Gallois. Histoire des journaux de la révolution. — Lanfranchi. Le régime de la presse sous la révolution. — Solderhjelm (с тем же заглавием). — Van Schoor. La presse sous la révolution française. Новейшим трудом по этой части является книга немецкого социал-демократа Кунова, вышедшая в 1908 г. (в 1912 г. вторым изданием) и переведенная по-русски; отмечается здесь особо в виду того, что с историей прессы в ней связана история и партий. Это — «Революционная журналистика во Франции в 1789 — 1794 гг.» (рус. пер. 1918 г.), в новом издании названная «Борьба классов и партий во Франции в великой французской революции» (1919).

Начиная с выборов в генеральные штаты и составления наказов в 1789 году и с появлением во Франции массы брошюр и газет, никогда раньше общество не принимало такого широкого участия в политической жизни, и не велась столь энергичная агитация, которой помогли еще образовавшиеся в это время клубы, о чем речь впереди.

¹⁾ Atlas des bailliages ayant formé unité électorale en 1789 (1904). Всех томов «Recueil» четыре, из которых не все были изданы до выхода книги Ону; четвертый том появился в 1915 г.

²⁾ Hatin. Histoire de la presse en France. — Challa melle. Hist. de la liberté de presse en France depuis 1789. — H. Avenel. Hist. de la presse française depuis 1789 (1907).

При прямо исключительной роли, которую во Франции играл Париж, — роли, хорошо выясненной Токвилем, — история того, что происходило в этом периоде, начиная с 1789 года, получает особый интерес. Парижские выборы и наказания были предметом специальных исследований¹⁾. Работы о Париже в 1789 году (Бабо и Монена) были уже отмечены выше²⁾, но есть еще и другие для более поздней эпохи, о чем см. ниже. Остановимся пока на обнаруженном тогда населением столицы стремлении отдельных дистриктов (кварталов), которых в городе было 60, к автономии³⁾, что потом сказало и в так называемом секционном движении, о котором существует своя специальная литература. Во всех общих трудах по революции постоянно говорится о роли, какую играли в ней секции, на которые был в 1790 году разделен Париж (их было 48, вместо 60 дистриктов). До конца XIX века хорошенько не было известно, что, собственно, представляли собою эти секции, пока о них не явилось (1898) изданное Обществом истории французской революции исследование Е. Mellié. «Les sections de Paris pendant la révolution», где рассматриваются их внутренний строй и протекавшая в них внутренняя жизнь. В последние годы секции были предметом занятий автора настоящего обзора, опубликовавшего два небольших собрания архивного материала⁴⁾ и написавшего несколько работ, из которых две имеют более общее значение: книжка «Парижские секции времен французской революции» (1911), появившаяся сначала в «Историческом Обозрении»⁵⁾, и статья (в «Рус. Бог.», 1912, XI — XII), а другие касаются более частных вопросов. В 1921 г. появился еще общий обзор в брошюре Я. М. Захера «Парижские секции».

Из новейших общих историков революции наиболее выдвинули значение секций Жорес и П. А. Кропоткин, а также и пишущий эти строки в своей «Великой Французской революции» отвел им довольно много места. В дальнейшем указываются еще труды Мортимер-Терно и Брэша, проливающие свет на роль секций в более позднюю пору, начиная с 1792 года⁶⁾.

¹⁾ См. указанные на 59 стр. работы Chassin'a и Петрова.

²⁾ Стр. 43.

³⁾ Об этом L. Foubert. L'idée autonomiste dans les districts de Paris en 1789 et 1790 (La Rév. Franç., 1895).

⁴⁾ Изданы они были Академией Наук под заглавием: «Неизданные документы парижских секций» (1790 — 1795). 1912. — «Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II года». 1914.

⁵⁾ Том XVI. В книжке имеются раскрашенные планы Парижа в разные моменты секционной жизни.

⁶⁾ Для истории Парижа во время революции см., кроме указанных книг Babeau и Monin'a, еще Monin. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la révolution française (année 1789). — Charavay. Assemblée électorale de Paris en 1790 — 1791. — Isambert. La vie à Paris pendant

Уже во время выборов 1789 года выдвинулись на политической арене некоторые будущие деятели революции, что дает повод здесь же указать на богатую биографическую литературу из эпохи революции, в которой приходится ограничиться только наиболее важным: так она велика.

Кроме отдельных жизнеописаний, имеются сведения о деятелях революции в больших справочных словарях (между прочим, в известной «Biographie universelle» и в специальных словарях французской революции, указанных на стр. 25) и в работах, касающихся членов собраний, управлявших Францией с 1789 года. Я говорю о изданных Обществом историй революции книгах Кусьцинского, собиравшего сведения о членах Учредительного и Законодательного собраний, Национального конвента, Совета пятисот и Совета старейшин¹⁾.

Со специальных точек зрения о многих деятелях революции сразу говорится в трудах Олара, посвященных политическому красноречию в эпоху революции²⁾ или в указанной выше книге Кунова о журналистике того времени, равно как в нескольких книжках специальной о женщинах, участвовавших в движении³⁾. Отдельных лиц располагаем далее в алфавитном порядке и указываем имеющиеся о них в исторической литературе труды.

Анрио (Henriot), начальник национальной гвардии с 31 мая 1793 г. Lenotre в III выпуске его Vieux Papiers (1906).

Бабёф, глава коммунистического заговора «равных» в 1796 году, о котором см. во всех историях социализма и коммунизма, а также Buonarroti. Gracchus Baboeuf et la conjuration des égaux.—V. Advielle. Histoire de Gr. Baboeuf et du babouvisme.—Méric. Gr. Baboeuf.—A. Espinas (в La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution).—E. Тарле. Дело Бабёфа (в Очерках и характеристиках из истории европейского общественного движения), а также в конце II т. «Рабочего класса». В 1907 г. вышел русск. пер. книжки А. Thomas (Томас. Учение равных).

une année de la révolution (1791 — 1792).—Robiquet. Le personnel municipal de Paris pendant la révolution.—Caron. Paris pendant la terreur (1910).—A. Schmidt. Pariser Zustände während der Revolutionszeit (есть и франц. пер.: Tableaux de la révolution française).—Biré. Paris en 1793 и Journal d'un bourgeois de Paris pendant la Terreur.—По топографии Парижа в это время изданные в 1889 году планы с делениями на дистрикты и на секции, а также Lenotre. Paris révolutionnaire. Подробнее см. Tournoux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution.

¹⁾ A. Kuscinski. Les Constituants (1897). Les députés à la Législative de 1791 (1900).—Dictionnaire des Conventionnels.—Les députés au Corps législatif, Conseil des Cinq-cents, Conseil des Anciens, de l'an IV à l'an VIII (1905).

²⁾ A. Aulard. L'éloquence parlementaire pendant la révolution française. Les orateurs de l'assemblée constituante (есть рус. пер.). (1907).

³⁾ Кроме старых работ Шлоссера и Мишле, из которых первая была переведена по-русски М. Dreyfous. Les femmes de la révolution.—Lasserre. La participation collective des femmes à la révolution française.—H. Fleischmann. Les femmes et la terreur (1910).—Aulard. «La Rev. Blen.» за 1898 г.—Кареев. Женщины и женский вопрос во Франции в эпоху революции («Нива», 1918).

Байльи, мэр Парижа в 1789—1791 гг., автор мемуаров, изд. в 1804 г. Arago (1852).—Nourisson. Trois révolutionnaires (Turgot, Necker et Bailly), а также биография Байльи—Aulard (в Grande Encyclopédie).

Барнав, член Учредительного собрания. О нем Roux и новейшее сочинение Miss Bradley (1915).

Бриссо, один из вождей партии жирондистов («бриссотинцев»), автор мемуаров, новейшее изд. которых (Perroud) сделано в 1910 г. Последний о нем труд Miss Eloise Ellery. Brissot de Warville (New-York, 1915).—Goetz-Bernstein. La politique extérieure de Brissot et des girondins (1912).

Бюзо, известный жирондист. J. Hérissay. Un girondin. Fr. Buzot (1907). Мемуары изданы Dauban'ом с мемуарами Петитона и Барбару.

Верньо, жирондистский оратор. Ch. Vatet. Vergniaud (1873). В «La Rev. Franç.» за 1915 г. E. Lintilhac. La défense posthume de Vergniaud d'après son manuscrit.

Дантон был, как известно, одним из самых крупных вождей революции в 1792—1793 гг. Из его биографий наиболее новыми являются: Beesley. Life of Danton (1899).—Warwick. Danton and the french revolution (1909).—Madelin. J. J. Danton (по этой книге составлена моя статья в «Вестн. Евр.» за 1915 г., IX).—Отрывки о Дантоне из истории Мишле указаны выше (стр. 24).

Демулен, агитатор и журналист, новейшую биографию которого написал Clarétie (1909). Приписываемая ему в июле 1789 г. роль считается преувеличенной. См. René Farge. Un épisode de la journée du 12 juillet 1789. Camille Desmoulins au jardin du Palais-Royal (Annales Révolutionnaires за 1914 и отдельно).

Дону, член Конвента, автор конституции III года, участвовавший в выработке конституции VIII года, о котором писали Tailandier (1841) и Mignet (1843), а также Sainte-Beuve (в Portraits contemporains).

Дюмурье, политический и военный деятель, Boguslawski. Das Leben des Generals Dumouriez.

Карно, член Конвента, один из директоров республики, «организатор победы». О нем работы Arago (1850), H. Carnot, его сына (1863), Picaud (1885), Воннаря (1888).

Каррье, один из главных террористов эпохи. Lallié. Carrier. 1900. Особенно обращают на себя внимание потопления им в Нанте множества жертв. Fleury. Les grands terroristes. Carrier à Nantes.—Lallié. Noyades de Nantes.—Dugast-Matifeux. Noyades à Nantes.—G. Lenôtre. Les noyades de Nantes. 1912.

Клоотц, представитель идеи всеобщей революции. О нем G. Avenel (1865).

Кондорсе, известный ученый и член Конвента. О нем старые работы Arago, Robinet и др. Cahen. Condorcet et la révolution française. 1904.—Frank-Alengry. Condorcet, guide de la révolution (1904).—М. Ковалевский (в «Вестн. Евр.» за 1894 г.).

Корде Шарлотта, убившая Марата. Ch. Vatet. Charlotte de Corday et les girondins. Defrance. Ch. Corday et la mort de Marat. 1909.—A. Bourgeois. Les derniers jours de Ch. Corday. 1910.

Лалли-Толендаль, один из видных членов Учредительного собрания, биографию которого написал Hamond.

Лаканаль, организатор народного образования в эпоху Конвента. О нем писали Geoffroy St. Hilaire (1849), Clamageran (1875), Lavigne (1880), Legendre (1882), а краткий биографический очерк имеется в книге H. Labrousse (La mission du conventionnel Lakanal dans la Dordogne en l'an II).

Ла-Ревельер-Лено, один из директоров республики, придумавший новый религиозный культ. Meynier. La-Revelière-Lepeaux.—Mathiez. La théophilanthropie et le culte décadaire. 1904.

Лафайет, один из популярнейших деятелей первого периода революции. О нем было написано очень много. Только за последнюю четверть века вышли в свет книги: Bayard-Tuckermann. *Life of general Lafayette* (1889).—Bardoux. *La jeunesse de Lafayette*. 1892.—Его же. *Les dernières années de Lafayette*. 1893. По этим двум книгам, главным образом, написал В. Я. Богучарский «Маркиз Лафайет, деятель трех революций».—Charavay (1898).—Tower. *Lafayette et la révolution d'Amérique* (пер. с англ.). 1902.—Doniol. *Lafayette dans la révolution*. 1904.—Cornuel. *La vie et les aventures du général Lafayette. О его заключении в Австрии* кн. Büdinger'a (*Lafayette in Oesterreich*. 1878).

Леба, один из сторонников Робеспьера. Stéfane Pol. *Le conventionnel Lebas*.

Марат, «друг народа», один из главных террористов, был предметом многих работ: Bougeart. *Marat, l'amî du peuple*. 1865.—Chevrement (1880).—Piazzoli. *Marat, l'amico del popolo, e la rivoluzione*.—Cabanis. *Marat inconnu*. 1891.—H. S. Ashbee. *Marat en Angleterre* и др. В этой литературе есть попытки его реабилитации (см. о нем в книге Кунова о борьбе классов и партий).

Мирабо, главный деятель первых двух лет революции (1789—1791). Литература о нем особенно обширна. Не указывая на более ранние работы, отметим, прежде всего, большую, пятитомную книгу Луи и Шарля Ломени (отца и сына) обо всей фамилии Мирабо, появившуюся в последней трети XIX века: *Les Mirabeau. Nouvelles études sur la société française au XVIII siècle*. В этом труде биография великого трибуна, написанная Ломени-сыном, занимает три больших тома. Одновременно появились два тома немецкой биографии, написанной Альфредом Штерном (о ней см. мою статью в «Русск. Мысли» за 1891 г.). Большой том Bartou вышел в 1913 году. Биографии меньших размеров написали Мезьер (есть рус. пер.), Edm. Rousse; Arnoult и др., а на английском языке Morrow Fling, Willert и др., по-русски же имеются популярные изложения Э. Д. Гримма, и Г. Е. Афанасьева. Усыновленный Мирабо Lucas de Montigny издал в 1835 году восемь томов «Mémoires biographiques, littéraires et politiques de Mirabeau», а в 1851 г. была издана переписка Мирабо с гр. де-ла-Марком. Отметим еще книгу: *Mirabeau. Les écrits* (1911), нечто в роде хрестоматии из его сочинений.

Мунье, либеральный монархист самого начала революции. Lanza de Laborie. *Un royaliste libéral en 1789*. J. J. Mounier. *Sa vie politique et ses écrits*. 1887.

Неккер, министр в начале революции. M-me Stael (1804).—Cr. Nourrisson. *Trois révolutionnaires* (Turgot, Necker, Bailly).

Ролан, «жирондистский» министр в 1792, и еще более известная его жена, бывшая душой министерства мужа. Girardot. *Roland et m-me Roland*.—Dauban. *Etude sur m-me Roland et son temps*.—Мирович. Г-жа Ролан.—Bader. *M-me Roland*. Известны ее «Мемуары», которые в рус. переводе были изданы Истор. Обществом при Петербургском университете. См. Perroud. *Préface aux mémoires de M-me Roland*. Есть и издания ее переписки, причем новую серию ее писем Perroud стал издавать лишь в начале XX столетия.

Робеспьер, настоящий диктатор Франции в 1793—1794 годах. Известны его биографии Name'я (*Histoire de Robespierre*), J. Lodiée, Brunemann'a и др. В начале текущего столетия во Франции образовалось даже особое ученое общество для изучения деятельности Робеспьера и его группы (*Société des études robespierristes*), предпринявшее издание его сочинений и имеющее своим органом «*Annales révolutionnaires*», с проф. A. Mathiez'ом во главе (Mathiez. *Robespierre orateur*. 1912). По-русски о Робеспьере имеется небольшой очерк Н. М. Лукина (1919).

Сен-Жюст, ближайший друг и помощник Робеспьера. О нем Fleury, Мирович (в VII т. Истор. Обзор.) и др.

Сьейес, автор брошюры «Что такое третье сословие», а в конце революции один из директоров республики и из временных консулов. О нем имеются работы Mignet, Beauverger, Bignon, Néton (1900), а также см. в книге Устинова ¹⁾.

Талейран, епископ отенский, видный деятель революции, а потом и империи. О нем Mignet (1838), Sainte-Beuve (1872), Lady Blennerhasset (1894). Последним трудом была англ. книга Marison'a: *Du Pont, Taleyrand and the french revolution*. 1915.

Теруань-де-Мерикур, одна из «женщин французской революции», прославившаяся экстравагантностью и сделавшаяся предметом монографии M. Pellet (1886).

Фукье-Тенвиль, публичный обвинитель при революционном суде, отличавшийся крайнею жестокостью. В 1913 г. вышла в свет основанная на архивном материале книга Dunoyer. Fouquier Tinville, accusateur public au tribunal révolutionnaire.

Фуше, «цареубийца», сделавшийся при Наполеоне министром полиции. В 1901 г. о нем написал книгу Louis Madelin. Кроме того см. Stéfane Pol. *De Robespierre à Fouché* (1905).

Шабо, бывший капуцин, сделавшийся одним из наиболее ярых якобинцев. О нем Vic. de Bonald, а также Mathiez. François Chabot, *représentant du peuple, à ses concitoyens etc.* (1914).

Эбер (Hébert), редактор прославившегося своею грубостью ультра-демократического листка «Отец Дюшен» и вождь группы эбертистов. Moter. Hébert avant le 10 août 1792.—Prunet. *Le Père Duchesne d'Hébert*.—D'Estree. *Le Père Duchesne*.

Эгалите (т. е. Равенство), как стал называться родственник королевского дома герцог Орлеанский.

Переходим теперь к обозрению отдельных эпох французской революции. Все течение ее событий можно разделить на три периода: первый обнимает время от начала революции до крушения монархии 10 августа 1792 г., второй от этого момента до 27 июля (9 термидора) 1794 года, когда произошло падение якобинской диктатуры, и третий—до 10 ноября (18 брюмера) 1799 года, когда Наполеон Бонапарт ниспроверг конституцию III года. Первый период, охватывающий два года и три месяца, это—время, когда делалась попытка утверждения во Франции конституционной монархии, время Учредительного и Законодательного собраний, из которых второе продолжало заседать еще некоторое время и после переворота 10 августа, как и Национальный Конвент продолжал свою деятельность и после падения якобинской диктатуры в 1794 году, разошедшись только осенью 1795 года. На второй период приходится без нескольких дней два года: это—время революционной диктатуры, открывающееся господством Дантона, кончающееся господством Робеспьера. После низвержения последнего началась так называемая «термидорианская» реакция, продолжавшаяся более пяти лет, весь третий период, большая часть которого приходится на действие конституции III (1795 года) и на управление Франции директорией. Главные вопросы, кото-

¹⁾ См. выше, стр. 60.

рые здесь приходится разрешать, имеют такое содержание: почему во Франции не установилась конституционная монархия, почему не прекратилась революционная диктатура, и почему затем не осуществилась и свободная республика последней эпохи?

Эпохе Учредительного и Законодательного собраний, как и самим этим собраниям, посвящено несколько важных трудов, изучение которых дает ответ на первый вопрос, равно как на вопрос: что за этот период революция сделала для Франции? Мы укажем сначала на литературу, освещающую ход событий, а потом на литературу о предпринятой Учредительным собранием перестройке всего государственного и общественного быта Франции, попутно же будем следить и за некоторыми эпизодическими явлениями этой эпохи, если по ним имеются специальные работы.

В истории революции некоторые отдельные дни («journées») имеют, как известно, особенно важное значение. В эпоху Учредительного собрания (о котором, кстати сказать, есть вышедшая в 1911 году особая книга католического профессора G. Gautherot. *L'assemblée constituante*) это были дни — объявления генеральных штатов Национальным собранием, взятие Бастилии, знаменитого ночного заседания 4 авг. и т. п. Недавно, один из лучших знатоков эпохи, безансонский профессор A. Mathiez, издал книжку (*Les grandes journées de la Constituante*. 1913), в которой собрал ряд отрывков из газет, брошюр и мемуаров о событиях этих дней. Обо всем этом образовалось много традиционных представлений, которые современная наука проверяет, исправляет, дополняет отчасти на основании новых источников, отчасти при помощи приемов исторической критики. Напр., A. Brette в 1893 году издал книжку о знаменитой клятве в манеже для игры в мяч (название ее: *Le serment du Jeu de paume*), где дал факсимеле документа о принесении присяги со всеми его подписями с применением к ним палеографического исследования. Критический характер имеет указанная выше статья Рене Фаржа (стр. 463) о роли Камилла Демулена в движении 12 июля.

Взятие Бастилии 14 июля останавливало на себе особенно большое внимание историков. Кроме общих работ о Бастилии, указанных выше (стр. 45), назовем: G. Bord. *La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces*. 1882. — Fournel. *Les hommes du 14 juillet, gardes françaises et les vainqueurs de la Bastille et ses anniversaires*. 1881. — Flammerront. *Les relations inédites sur la prise de la Bastille*. — Pitra. *La journée du 14 juillet 1789*. — Н. А. Любимов. Первые дни французской революции 1789 г. по неизданным запискам очевидца (вошло в состав совершенно ненаучной книги автора «Крушение монархии во Франции»).

Интерес представляют и «*Mémoires secrets de Fournier l'Américain*», изд. *Общ. истории революции*, под ред. Олара.

Первый из названных авторов коснулся влияния взятия Бастилии на провинции. Движение, охватившее провинции и получившее название «великого страха» (*la grande peur*), имеет теперь целую литературу большей частью в виде статей в научных журналах: Léon Douarche (в *La Rév. Franç.* за 1913 г.), Mège (*Bul. hist. de l'Auvergne* за 1900.), Miss M. Pickford (*Engl. Hist. Review* за 1911 г.), С. М. Глаголевой-Данини (*Ист. Обзор* за 1912 г.) и др., но есть и отдельные издания: Bruneau. *Les débuts de la révolution dans le Cher et l'Indre*. 1902. — G. Bussière. *Études hist. sur la révolution en Périgord* (1903). — P. Conard. *La peur en Dauphiné* (1904). — Pasquier. *Notes et réflexions d'un bourgeois de Toulouse au début de la révolution d'après les lettres intimes*. (1917). Обращаю внимание на одновременность появления всех этих работ в печати (первые годы текущего столетия). Это случается в историографии революции довольно часто: время от времени в ней возникали очередные темы.

Известно, что это движение приняло в деревнях характер «жакерии», как принято называть во Франции крестьянские восстания, и что эта жакерия вызвала ночное заседание 4 августа, в котором решено было в принципе покончить с феодализмом. Отдельных работ об этом заседании нет, но говорится большей частью в трудах по ликвидации феодализма в 1789 — 1793 г.г. (о чем см. ниже). Также и о бурных днях 5 и 6 окт. 1789 г., когда парижская толпа двинулась на Версаль и заставила короля и Национальное собрание переселиться в Париж, имеется только одна работа, пересматривающая вопрос: A. Mathiez. *Études critiques sur la journée de 5 et 6 octobre* (*La Rév. Franç.* за 1899 г. и отдельно), не считая мелких заметок в некоторых исторических изданиях. По поводу переселения Национального собрания в Париж A. Brette написал «*Histoire des édifices où ont siégé les assemblées de la révolution française*» (1902).

К этой эпохе относится и возникновение якобинского клуба, игравшего такую громадную роль. Долгое время наиболее важным историческим о нем произведением считался Zinkeisen. *Der Jakobiner-Klub. Ein Beitrag zur Geschichte der Parteien und politischen Sitten im Revolutionszeitalter*, пока Олар не издал в конце прошлого века шесть томов, относящихся к нему документов с большим введением, примечаниями и подробной библиографией под заглавием: «*La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris*» (1889 — 1897). Из более новых работ отметим: A. Fribourg. *Le club des Jacobins en 1790* (1910). У якобинского клуба было великое множество филиальных

отделений в провинции, о которых, равным образом, существует местная литература: Bultingaire. Le club des jacobins à Metz. — Huguenay. Les clubs dijonnais pendant la révolution и др. Другим наиболее влиятельным клубом был кордельерский: Bougeard. Les Cordeliers. Недавно предпринято издание его бумаг под ред. A. Mathiez. Le club des Cordeliers (1910).

Все предыдущее относится к 1789 году. Следующий год прошел спокойнее, благодаря, между прочим, кое каким мерам, принятым против эксцессов. Относительное успокоение страны сделало возможным торжественно отпраздновать годовщину взятия Бастилии. Это был знаменитый праздник федерации на Марсовом поле в Париже, как бы завершавший в общенациональном единении частные провинциальные федерации, о чем, равным образом, имеются такие работы, как: Lambert. Les fédérations en Franche-Comté et la fête de la révolution du 14 juillet 1789. — A. Aulard. Patrie, patriotisme au début de la révolution française. Les fédérations (La Rév. Franç. за 1915 и 1916 гг.). В 1791 году опять настроение сделалось более бурным; к лету его, между прочим, относятся стачки рабочих, о которых много нового сообщено в книге Е. В. Тарле (см. стр. 48). Попытка бегства из Франции, сделанная Людовиком XVI в июне 1791 года, и арест его в Варенне вызвали в Париже сильное волнение, которое завершилось известной бойней на Марсовом поле 17 июля 1791 года, бывшей началом и других репрессивных мер. Обо всем этом наиболее новые работы: Lenôtre. Le drame de Varennes, 1905. — A. Mathiez. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre de Champ de Mars (1910). Ленотр и Матьез оба очень плодотворные писатели по эпохе революции, первый — более популяризатор, притом консервативного оттенка, другой — ученый исследователь и сторонник якобинцев.

Кроме бегства короля и бойни на Марсовом поле, на общественное мнение возбуждающим образом подействовал так называемый Пильницкий манифест государей Австрии и Пруссии о внутренних делах Франции и находившихся за границей среди эмигрантов французских принцев об иностранной помощи Людовику XVI. Выборы в Законодательное собрание 1791 года дали, сравнительно с Учредительным собранием, более левый состав. Об этих выборах недавно была напечатана (в «La Révolution Française» за 1914 и 1915 годы) специальная работа: A. Méry. Les élections de l'assemblée législative de 1791. Объявление, 20 апреля 1792 года, войны Австрии, нашедшей скоро союзницу в Пруссии, и знаменитый манифест герцога Брауншвейгского с разного рода угрозами французам ¹⁾ при-

вели нацию в такое возбуждение, что скоро разразилось новое восстание в Париже, приведшее к падению монархии.

Уже 20 июня народная толпа ворвалась в Тюильрийский дворец и напала на самого короля, который был спасен только вмешательством национальной гвардии. В течение следующих семи недель шла в Париже усиленная республиканская пропаганда в секциях, которая делалась с каждым днем более успешной, пока не разразилась революция 10 августа, низвергшая монархию и сделавшая Людовика XVI пленником. Об этом перевороте в начале XX столетия вышло несколько специальных трудов, из которых один может считаться исчерпывающим вопрос. Называются они: Pelletier, Histoire de la révolution du dix août. 1907. — Ph. Sagnac. La révolution du 10 août 1792. La chute de la royauté. — P. Lacombe. La première commune révolutionnaire de Paris. 1911. — F. Braesch. La commune du 10 août. 1911. Особенно важное значение имеет труд Брэша, так как в нем подробнейшим образом рассказывается о том, что делалось в 48 секциях Парижа, как совершился переворот и образовалась революционная Коммуна 1792 г. и что она делала до начала декабря, когда ее сменила вновь выбранная. Труд Брэша важен, таким образом, и для истории Парижа, его секций и первых месяцев фактически установившейся во Франции республики, в частности поведения Коммуны, которая играла столь важную роль в следующем периоде.

Первое национальное собрание получило название Учредительного или конституанты, члены его — «les Constituants», под каковым заглавием имеется о них труд А. Бретта (1897). Как это собрание, так и следовавшие за ним с особой точки зрения рассмотрел Додю в своей книге о внутренних расприях этих собраний, т. е. о размещении депутатов по партиям, об их партийности вообще, о составе президиума, о порядке прений и о характере речей, о поведении публики на заседаниях и т. п. (G. Dodu. Le parlementarisme et les parlementaires sous la révolution. 1911). Учредительное собрание заседало почти два с половиной года, в течение которых издало около 4 т. декретов. Протоколы его находятся в «Archives parlementaires» под ред. Лорана и Мавидаля (начиная с VIII тома, так как в первых семи напечатаны почти исключительно одни указы с указателем к ним). Эта же коллекция документов относится и к дальнейшему времени.

Законодательной деятельности учредительного собрания посвящено не мало крупных исторических трудов, как общего содержания, так и по отдельным вопросам. Главнейшие из них, относящиеся притом ко всей революции: Laferrière. Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française. — Richter. Staats- und Gesellschaftsrecht der französ-

¹⁾ Marcel Rouff. Le manifeste de Brunswick (La Rév. Franç. 1915).

sischen Revolution. — Sagnac. La législation civile de la révolution française и др. Труды по частным вопросам названы выше.

Во главе всего законодательства революции была поставлена «Декларация прав человека и гражданина», о происхождении, содержании и значении которой было написано вообще очень много, особенно за последние годы. Вопрос шел об источниках «Декларации» (американских по одним, французских по другим, с возведением в последнем случае идей документа то к «философии XVIII в.» вообще, то к физиократам, то к учению Руссо). В 1889 г. в «Юрид. Вестнике» была напечатана статья М. М. Ковалевского об общем значении декларации и вошла потом в состав II тома «Происхождения современной демократии». В ней говорится об американском влиянии при ее составлении, но особенно в 1895 году проводит мысль о заимствованиях во французской декларации из американских Jellinek в брошюре «Erklärung der Bürgerrechte», переведенной по-французски и по-русски (проф. Вормсом). Ему возражал E. Boutmy в «Annales de l'École libre des sciences politiques» (1902), что вызвало ответ со стороны Йеллинека. Есть еще работы Marcaggi, E. Walsch (1903), Blum (1902), Chantavoine (1901), Gioglio del Vecchio (La dichiarazione dei diritti nella rivoluzione francese, 1903) и др. Историю ее выработки дает Н. Радциг в статье «Декларация прав и ее источники» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1914, XI). После 1905 г. ее у нас часто пропагандировали (напр., П. Г. Мижуев. Декларация прав). Рус. ее переводы см. также в III т. «Ист. Зап. Евр.», в сборнике Ф. Ф. Кокошкина «Тексты конституций» и др. Довольно места ей отведено в «Истории личной свободы во Франции» Н. Борового. Кроме декларации 1789—1791 г. были составлены еще две в 1793 г. жирондистами и якобинцами. О последней Acolas. Les droits du peuples. Philosophie de la science politique et commentaire de la déclaration des droits de l'homme de 1793 ¹⁾.

Главным применением декларации к законодательству была конституция 1791 года, во время выработки которой (о чем более всего дают М. М. Ковалевский и Олар) в Учредительном Собрании обнаружилось несколько течений, или партий, хотя и не в современном значении этого слова, как особенно показал это Dodu в сочинении, названном выше (стр. 69). В частности об этих течениях и их классификации

¹⁾ Впрочем, автор отнесся к декларации 1793 года скорее как критик с точки зрения своей собственной политической философии, нежели как историк. Интересную работу о декларации прав 1789—1791 г. мы имеем в книге E. Blum'a «La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» (1902), где в порядке статей этого документа очень подробно рассматривается, что было историей осуществлено из обещаний декларации. См. кн. Гурвича, указан. на стр. 55.

особенно отсылаем к Олару (L'éloquence parlementaire pendant la révolution française. Les orateurs de l'Assemblée Constituante; рус. пер. 1907 г.), тогда как в книге Кунова прослежена партийность не членов собраний, а журналистов.

Конституцию 1791 г. можно найти в любом сборнике французских конституций в роде Faustin Hélie (с комментариями), Trippier и мн. др., а по-русски в указанном выше сборнике Ф. Ф. Кокошкина. Ее анализы весьма часты в трудах по конституционному праву. Общее историческое значение ее в том, что ею начинается «рецепция» конституционных учреждений на материке, но во Франции она не продолжалась и одного года. Ею устанавливались во Франции не только политические, но и административные и судебные порядки с разделением страны на новые административные единицы — департаменты, о каковом разделении специальными работами являются: Ch. Lescœur. La division et l'organisation du territoire français и Edme Champion. Provinces et départements (La Rév. Franç. за 1913 г.).

По форме конституция 1791 г. была монархическая, по содержанию скорее республиканская. Королю в ней принадлежало лишь отсрочивающее veto (Л. В. Холостова. Прения о veto короля в Учредительном Собрании. Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, XI—XII). Министерство не было парламентарным (Simonet. Le gouvernement parlementaire et l'Assemblée Constituante. 1899). О бывших во Франции с тех пор министерствах см. Muel. Gouvernements, ministères et constitutions de la France depuis cent ans. 1890. — Списки состава отдельных министерств с 1789 г. были изданы в 1909 г. под заглавием «Les ministères français».

Дополнением к государственной конституции была так называемая «Гражданская конституция духовенства», дававшая и католической церкви новое устройство на основании принципов, положенных в основу государственного устройства. Самым подробным образом ее история рассмотрена в четырехтомном труде Sciout. Histoire de la constitution civile du clergé et la persécution révolutionnaire (есть и сокращенное издание в одном томе). Отношения Учредительного Собрания и революции вообще к католической церкви составляют предмет многих сочинений. E. de Pressensé L'église et la révolution française (1889). — Gazier. Études sur l'histoire religieuse de la révolution française. — Debidour. Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 à 1870. — Delarc. L'église de France de 1789 à 1801 (1895). — De la Gorce (см. выше, стр. 47). — Lafon. La politique religieuse de la Constituante (1909). — A. Mathiez. Rome et le clergé français sous la Constituante. 1911. — Свящ. Попов. Французская революция и религия (1919). — Известно, что от духовенства Учредительное

Собрание потребовало специальной присяги, о чем F. Uzureau. A propos du serment de liberté et de l'égalité (La Rév. Franç., 1917, Sept.-oct.).—Abbé Misermont. Le serment à la Constitution civile du clergé, le serment civique et quelques documents inédits des Archives Vaticanes. 1917.

Добавим, что Учредительное Собрание уравнило в правах с католиками протестантов и евреев. H. Lucien-Brun. La condition des juifs en France depuis 1789.—Mainfroy Maignal. La question juive en France en 1789.—С. М. Дубнов. Эмансипация евреев во время великой французской революции.

Социальное законодательство Учредительного собрания сводится, во-первых, к ликвидации (но далеко не полной) социального феодализма, во-вторых, к уничтожению цеховой организации промышленности с запрещением каких бы то ни было профессиональных организаций. По первому вопросу Н. И. Кареев. Крестьяне и т. д. (стр. 49), И. В. Лучицкий. Состояние земледельческих классов и т. д. (стр. 50).—М. М. Ковалевский. Происхождение мелкой собственности (стр. 49).—Aulard. La féodalité sous la révolution (La Rév. Franç., 1913), о чем см. «Бердые заметки» (стр. 26).—Sagnac et Caron. Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial (1907).—Д. К. Петров. Ликвидация сеньерьяльного режима во Франции (1915; отд. оттиск из киевских «Университетских Известий»).

Что касается до так называемого закона Лешапелле, запрещавшего во Франции всякие профессиональные организации (при том не одних рабочих), то отдельных сочинений об этом нет, и по этому вопросу приходится обращаться к общим трудам по законодательству революции, по цехам и рабочему классу (см. выше), а также к I тому «Капитала» Маркса, самый же подробный рассказ о том, как возник закон Лешапелле, мы находим в труде Е. В. Тарле о рабочем классе эпохи революции (см. выше 48). Отсылаю к своей статье об этом труде (Рус. Бог., 1911), где приводятся и мнения Жореса, Жермена, Мартена, Левассера и вносится поправка ко взгляду Маркса.

Большое значение в истории мероприятий Учредительного Собрания и следовавших за ним имеет вопрос о распродаже национальных имуществ, на которую можно смотреть с двух точек зрения—со стороны интересов фиска и со стороны мобилизации поземельной собственности. В первом отношении распродажа национальных имуществ, образовавшихся от секуляризации церковной собственности, а потому из конфискованных имений эмигрантов, стоит в теснейшей связи вообще с финансовой политикой революции, бывшей предметом целого ряда очень специальных исследований, между прочим, касающихся и истории государственного долга Франции, с которым

предстояло расплатиться, обеспечив его национальными имуществами и выпустив бумажные деньги известные под названием ассигнатов¹⁾. Что до другой стороны дела, то сначала преобладала мысль о происхождении современной мелкой собственности именно из этой распродажи, но потом стало распространяться убеждение, что главною покупательницею пущенной на рынок земельной собственности была буржуазия, пока новейшие исследования (особенно Лучицкого) не привели к тому выводу, что земли покупали не только буржуа, но и крестьяне. За последнее время этим вопросом много занимались. Во-первых в «Collection de documents sur l'histoire économique de la révolution française» появилось несколько томов (продолжают и теперь появляться), заключающих в себе архивные документы о распродаже национальных имуществ в разных частях Франции с введениями и примечаниями ученых редакторов этого грандиозного собрания исторического материала. Во-вторых, появилось несколько особых работ об этом же предмете, из которых более важное значение имеют: A. Marion. La vente des biens nationaux pendant la révolution française. 1908.—И. В. Лучицкий. Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII века (Рус. Бог., 1912) и французская переработка этой статьи (J. Loutchisky. L'aliénation des biens nationaux en France à la fin du XVIII siècle). Русский автор, касающийся вопроса и в книге о состоянии землевладения при старом порядке и во время революции (см. выше стр. 50), держится того мнения, что аграрный строй Франции от этой распродажи существенно не изменился,—точка зрения которой не разделяет Ковалевский, также говорящий о распродаже национальных имуществ в книге о происхождении крестьянской собственности во Франции (см. выше, стр. 49).

Оба эти ученые говорят в названных книгах и о разделе во Франции общинных угодий во время революции.

Таковы главные вопросы социального и экономического законодательства Учредительного Собрания, которое с классовой точки зрения особенно рассматривается у социалистических авторов (Жореса, Блоса, Кунова и др.).

Учредительное Собрание поставило своею целью не только дать Франции новое государственное устройство и издать новые законы административные, судебные, аграрные и т. д., но и

¹⁾ Stourm. Les finances de la France sous l'ancien régime et la révolution.—Vuitry, Etudes sur le régime financier de la France sous la révolution.—Gomel. Histoire financière de l'Assemblée Constituante. (Гомель—автор «Des causes financières de la révolution française»).—A. Vöhler. Histoire de la dette publique en France.—Clamageran. Histoire de l'impôt en France.—O. Karmin. La question du sel pendant la révolution. 1909. (Соль при старом режиме была предметом казенной монополии). А. М. Смирнов. Кризис денежной системы французской революции. 1921.—С. А. Фалькнер. Бум. деньги франц. рев. 1920 г.

утвердить в стране индивидуальную свободу. История свободы во Франции с 1789 года была также предметом многих книг и статей, из которых большими размерами и большим фактическим материалом отличаются: Challamel. *Histoire de la liberté en France*.—Его же. *Histoire de la liberté de presse en France depuis 1789*.—Н. Боровой. История личной свободы во Франции. 1910—1911. О свободе печати, кроме того, что названо на стр. 60, имеются указанные работы: Lanfranchi. *Le régime de la presse sous la révolution*.—Solderhjelm. (то же заглавие).—Van Schoor. *La presse sous la révolution française*.

По народному образованию ни Учредительное, ни Законодательное собрания ничего не успели сделать, так что эта сторона национальной жизни Франции впервые была предметом правительственных забот только при Конвенте. Отмечаем, однако, здесь же общие труды по учебному делу в эпоху революции вообще: A Babeau. *L'école de village pendant la révolution*.—Hippeau. *L'instruction primaire pendant la révolution*.—A. Duruy. *L'instruction publique pendant la révolution*. О высшем образовании в эпоху революции можно найти главное в известном труде Лиара (L. Liard. *L'enseignement supérieur en France*).

Второй период революции можно назвать эпохой Национального Конвента, хотя это собрание начало свою деятельность только через полтора месяца после переворота 10 августа 1792 года и окончило свои заседания через год с лишним после переворота термидора. Это—эпоха террора также, потому что, начиная с 2 сентября 1792 года до самого конца периода убийства и казни были «на порядке дня». Еще в Законодательном собрании образовались две соперничавшие между собою партии жирондистов и монтаньяров, между которыми возникла теперь борьба за власть, окончившаяся поражением первых (31 мая—2 июня 1793 года) и торжеством вторых, глава которых Робеспьер до самого конца периода занимал положение диктатора. Еще один характерный факт этого периода заключается в той исключительной роли, какую за все это время играло парижское городское управление, или «Коммуна», соперничавшая и с Законодательным собранием в последнее время его существования, и с самим Национальным конвентом. В общем это—эпоха завоевания Франции якобинцами, как охарактеризовал ее Тэн (*La conquête jacobine*, как называется второй том его «Революции»). По указанным сейчас категориям (Конвент, террор, жирондисты и якобинцы, Коммуна), только изменив порядок, мы и рассмотрим теперь литературу по этому периоду.

Историки революции часто противопоставляют «принципы 1793 года» «принципам 1789 года», имея, между прочим, в виду,

что в эпоху Учредительного собрания на первом плане стояла свобода, к которой стремились зажиточные и образованные классы общества, тогда как Конвент стремился больше к равенству, более соответствовавшему настроению народной массы. В сущности, Конвент правил Францией по-диктаторски, без конституции, объявив, что правительство останется революционным до заключения мира и внутреннего успокоения страны. Составленная Конвентом конституция 1793 года с новой декларацией прав ¹⁾, принятая первичными собраниями народа, так и осталась невведенной в действие. Управлял государством знаменитый комитет общественного спасения ²⁾, имевший органами своей власти на местах особых конвентских комиссаров с неограниченными полномочиями и часто терроризировавших население. Кроме того, в Париже органами власти комитета Общественного спасения сделались революционные комитеты отдельных секций. Другими словами, комитет общественного спасения фактически ввел во Франции строгую централизацию власти. Специальная литература об этом «революционном правительстве» (по имени которого назван третий том «Революции» Тэна) в значительной мере состоит из книг лиц, относившихся к революции враждебно. Gros. *Le comité du salut public de la Convention Nationale*. 1904—Matouchet. *Le gouvernement révolutionnaire*, 10 août 1792—4 brumaire an IV (1912).—Wallon. *Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II*.—Bonnal de Ganges. *Les représentants du peuple en mission près les armées* (1900).—О секциях, как органах центрального правительства, см. у Mellié (выше, стр. 61).—Н. Кареев. Революционные комитеты парижских секций (1913) ³⁾.

Но у Конвента оспаривала власть над страной парижская Коммуна, сыгравшая с секциями наиболее важную роль в перевороте 10 августа. Трения между центральным представительством и ею начались еще в последние недели существования Законодательного собрания, а окончились сложные отношения обеих сил только победою Конвента над Коммуною 9 термидора, когда Конвент свалил Робеспьера, стоявшего во главе якобинского клуба и пользовавшегося поддержкою Коммуны. Эти отношения следует рассматривать в связи с борьбою жирондистской и монтаньярской партий в Конвенте. Сначала перевес был на сто-

¹⁾ R. Butide. *Le plebiscite sur la constitution de 1793* (1909—1910).—См. выше название книги Acollas. Кроме якобинской конституции 1793 г. был еще жирондистский проект, который обыкновенно в сборниках французских конституций не печатается. Он есть у Buchez et Roux (XXIV, 106 и след.). См. Gasnier-Duparc. *La constitution girondine de 1793* (1903).

²⁾ Документы его издавал Aulard'ом в 24 томах, из которых последний появился в 1915 году. *Recueil des actes du Comité du salut public*.

³⁾ Первоначально в «Изв. Политехн. Института».

роне жирондистов, но 31 мая 1793 года они пали, и монтаньяры (они же и якобинцы) сделались господами положения. Указываем здесь литературу о жирондистах. «История жирондистов» Ламартина (существующая и в русском переводе), вышедшая в свет одновременно с первыми томами историй революции Мишле и Луи-Блана, не только устарела, но и в свое время была скорее романом, чем историей, но обойти ее молчанием, как произведение, пользовавшееся в свое время большой популярностью и находящее читателей даже теперь, не приходится. Вокруг жирондистов с их трагической судьбой возникло много легенд (Edm. Biré. La légende des girondins), за последнее же время начались исследования разных сторон их деятельности. Freyssinay. Les idées politiques des girondins (1903). — С. Гессен. Политические идеи жирондистов (Рус. Мысль, 1910, X). — Gasnier-Duparc (см. выше стр. 75). — Goetz-Bernstein. La politique extérieure de Brissot et des Girondins (1912). Сюда же нужно отнести новейшие биографии главных жирондистов, каковы Бриссо, Бюзо, Кондорсе, г-жа Ролан и др. О самом перевороте, погубившем жирондистов, см. Wallon. La révolution du 31 mai et le fédéralisme de 1793 ou la France vaincue par la Commune de Paris. См также. Cl. Perroud. La proscription des girondins (1917).

Борьба жирондистов и монтаньяров-якобинцев проходит красную нитью через всю историю начала рассматриваемого периода революции, причем до сих пор историки не вполне согласны в понимании разделявших обе партии идеологий. Одно несомненно, что превращение якобинцев у Buchez et Roux (выше, стр. 28) и у Луи Блана в социалистов теперь отвергнуто (между прочим, марксистскими писателями), хотя, напр., Тэн держался близкого этому мнения. Для истории якобинизма, как целого направления революции, важны труды о якобинском клубе (выше, стр. 67), о революционном правительстве (выше, стр. 75), о терроре и революционном суде (см. ниже), а также биографии наиболее видных монтаньяров, как Дантона, Каррье, Кутона, Марата, Робеспьера, Сен-Жюста, Фуше, Шабо, Эбера, как, между прочим, и деятелей террора, сделавшегося системой управления.

Сам террор был предметом довольно большой литературы. К шестидесятым годам прошлого века относится восьмитомный и тем не менее оставшийся неоконченным труд Mortimer-Ternaux «Histoire de la terreur» с массой данных, почерпнутых из архивных документов, частью споривших во время Коммуны 1871 года — Wallon. La Terreur. Автор этой книги издал еще ряд других исторических сочинений по эпохе, указываемых нами и в других местах. — Труды Ad. Schmidt'a, Caron'a, Biré, указанные на стр. 62. — Julius Eckart. Figuren und Ansichten der Pariser Schreckenzeit (1792 bis 1794). — Де-Брок. Французская революция по показаниям современников и ме-

муаров. 1898. Особую категорию представляют собою труды о революционном суде, каковы: Compardon. Le tribunal révolutionnaire de Paris (1866). — Sirey. Le tribunal révolutionnaire. — Wallon. Le tribunal révolutionnaire. — Barthélemy. La justice sous la terreur. — A. Dunoyer. Deux jurés du tribunal révolutionnaire (1909); его книга о публичном обвинителе Фукье-Тенвиле названа на стр. 65). — E. Seligman. La justice en France pendant la révolution (1901 и 1913). — Н. Идельсон. Революционный трибунал во Франции. Судебно-исторический очерк (1914). — «Революционный трибунал в эпоху великой французской революции. Воспоминания современников и документы» (под ред. Е. В. Тарле). — Н. Кареев. Французский революционный трибунал 1793 — 1795 гг. (попул. статья в «Вестнике культуры и политики». 1918. № 3). Есть даже работы и о деятельности гильотины Lenotre (1893), Fleischmann'a (1908) и др.

Называем еще сочинения об отдельных проявлениях террора. Сентябрьские убийства 1917 г. были предметом книг A. Granier de Cassagnac'a (Histoire des girondins et des massacres de septembre. 1860), Lenotre (Les massacres de septembre. 1907) и др. Что касается до процесса и казни Людовика XVI, то новейшими работами об этом являются: De Vaisière. La mort du roi (1910). — Cartelieri. Flucht, Verhör und Hinrichtung Ludwigs des XVI nach der Schilderung eines deutschen Beobachters (1911). — К. П. Матафтина. Из истории общественного мнения во Франции в эпоху революции (ст. в XVII томе «Истор. Обзорения» на основании публицистики 1793 года ¹). О Марии-Антуанете и ее казни есть громадная литература. Более новые работы: Funck-Brentano. La mort de la reine. — Tournoux. Marie-Antoinette devant l'histoire. 1901. — Книжки Lenotre (1902), Alméras (1908) и др. Было бы также очень длинным приводить список работ о несчастном дофине (большею частью из конца XIX в., когда даже было основано la Société d'études sur la question Louis XVII по поводу появления в XIX в. самозванцев, называвших себя сыном Людовика XVI). В числе погибших на эшафоте были многие жирондисты, многие из монтаньяров, а в конце и Робеспьер со своими приверженцами ²).

¹) Когда наш обзор был уже закончен, вышла по-русски книга с таким титулом: К. Н. Беркова. Процесс Людовика XVI. 1920. Главное ее содержание составляют документы, относящиеся к делу короля (доклады о предании его суду, прения по этому вопросу, допрос Людовика, речь защитника и прения по ее поводу и пр.).

²) В 1920 г. вышла по-русски анонимная брошюра «Процесс жирондистов», отличающаяся от предыдущей работы тем, что не содержит в себе документов, а являясь лишь простым рассказом об этом событии. При этом в книжке много фактических ошибок.

И сами террористы французской революции, и некоторые ее историки (при несогласии с этим, однако, других) оправдывали террор необходимостью, в какую было поставлено правительство борьбою с внешними и с внутренними врагами революции. Очень много хлопот создало ему роялистическое восстание в с.-з. углу Франции, или в так называемой Вандее, о котором писано было очень много, между прочим Chassin'ом (*La préparation à la guerre de Vendée. — Le vendée patriote. — Les pacifications de l'Ouest* и др.), G. Lenotre'ом (*Le marquis de la Rouërie et la conjuration bretonne. — Un conspirateur royaïste pendant la terreur, 1896* и др.), J. Clémenceau (*Histoire de la guerre de Vendée, 1909*), G. Loquet (*Le Vendée côtière contre la révolution, 1912*) и др. Известно также что падение жирондистов вызвало во Франции восстания в таких городах, как Бордо, Лион, Марсель, вообще в Провансе, также в Нормандии, а Тулон даже передался англичанам. Среди новейших исследований об этих антиякобинских движениях имеются такие книги, как E. Daudet. *Histoire des conspirations royalistes du Midi sous la révolution. — Coffin. Toulon et les anglais 1898. — R. Bitard des Portes. L'insurrection de Lyon en 1793 (1906). — Guibal. Le mouvement fédéraliste en Provence (1908).* Террористическая деятельность Каррье в Нанте относится к этому же времени (выше, стр. 63).

Наибольшего своего напряжения террор достиг осенью 1793 года, когда происходило еще то движение, которое новейшие историки революции называют «дехристианизацией Франции». Несогласие большинства французского духовенства с «гражданским» его устройством и с требованием от него особой присяги (см. выше, стр. 71) создало очень резкие отношения между революцией и католическою церковью, которые особенно обострились после 10 августа 1792 года, как это недавно показал Матьез (*Mathiez. Les conséquences religieuses du 10 août 1792: la déportation des prêtres et la sécularisation d'état civil*). Указанную выше (стр. 71) литературу об отношении революции к католической церкви нужно по этому случаю дополнить специальными работами. В конце прошлого века Aulard издал книгу о Культе Разума и Верховного Существа (*Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême*), содержание которой было изложено В. В. Водовозовым в VI т. «Истор. Обзорения». За последнее время вопросом о дехристианизации много занимался Матьез, работы которого называются: *Les origines des cultes révolutionnaires (1904), Robespierre et la déchristianisation (1909), La révolution et l'église (1910)* и др. Кроме того, Edmond Campagnac. *Les débuts de la déchristianisation dans le Cher (1912). — Grante. Le culte catholique à Paris de la terreur au Concordat.* Одновременно с дехристианизацией была произведена ре-

форма календаря ¹⁾. Укажем еще на то, что в числе пострадавших был казненный «конституционный» епископ парижский Гобель, о котором есть книга Gautherot (1911), автора соч. об Учредительном собрании (см. выше, стр. 66) с клерикальной точки зрения.

В этом же периоде революции очень ярко проявили себя социальные идеи и стремления в известной части наиболее левых республиканцев. Тема «Французская революция и социализм» относится к числу весьма важных проблем истории этой эпохи, чем, разумеется, особенно много занимались социалистические историки революции, (как Луи Блан, Жорес, Блос, Кунов и др.), а также представитель теоретического анархизма П. А. Кропоткин в своей книге о революции (выше, стр. 41). Отдельными работами об этом предмете являются: Lorenz Stein (см. выше, стр. 38). — *Le Faure. Le socialisme pendant la révolution française. — Lichtenberger. Le socialisme et la révolution française* (есть русск. пер.). — Eugen Jäger. *Die französische Revolution und die sociale Bewegung. — Limanowski. Historya ruchu spolecznego w XVIII stuleczin. — A. Mathiez. La question sociale pendant la révolution française (1905). — G. et H. Bourgin. Le socialisme français de 1789 à 1848 (1912)* и вообще все истории социализма. — Edmond Campagnac. *Un prêtre communiste, le curé Petit Jean (La Rév. Franç., t. XLIV).* — Н. Кареев. Коммунистические стремления французской революции (Ежемесячный Журнал, 1918; статья осталась неоконченной). Мне же принадлежит еще статья «Коммунистическая петиция Жака Ру и секции Гравилье» (Русск. Бог., 1916), в которой доказывается, что эта петиция, напечатанная недавно в «Annales Révolutionnaires», вовсе не была коммунистической.

Законодательство Конвента было более демократическим, чем законодательство Учредительного собрания, но социалистическим его назвать нельзя. Для эпохи Конвента в истории революционного законодательства особой литературы не имеется: она общая для Конвента с собраниями, ему предшествовавшими (см. выше, стр. 69). Отметим только, что последние отменяли многие феодальные права по выкупу, тогда как Конвент отменил их безвозмездно. Особенную черту эпохи составляет знаменитый закон о максимуме (т. е. о твердых ценах на продукты и на труд), который, однако, мало изучался. Самые полные о нем сведения имеются в «Рабочем Класе» проф. Тарле. Кроме того, уже позднее появилась статья Marion'a

¹⁾ Очень полезным пособием для перевода дат республиканского календаря на грегорианский является работа Сагон'а «Concordance des calendriers républicain et grégorien» 1905, вышедшая сначала отдельно, а потом включенная в состав его «Manuel'я» (о котором выше, стр. 23).

о том же предмете (Les lois de maximum sous la révolution; помещена в «Rev. Internat. de sociologie, 1917) и статья Zolla в «Rev. d. deux mondes» (1916). Сообразно с своей декларацией прав 1793 года Конвент обратил большое внимание на вопросы социальной помощи и народного образования, впрочем, только продолжая дело Учредительного собрания. По первому вопросу пришлось бороться с недостатком жизненных припасов ¹⁾. Что касается до истории народного образования при Конвенте, то к книгам, указанным выше (стр. 74), нужно еще прибавить: Despois. Le vandalisme révolutionnaire. Fondations littéraires, scientifiques et artistiques de la Convention причем автор доказывает, что «вандализма» у Конвента не было. — Pouchet. Les sciences pendant la terreur. Конвент занимался также вопросом о новом кодексе законов, который подвинулся к своему окончанию только в консульство Бонапарта (Sévin. Études sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon).

О печальной судьбе, в эпоху Конвента, свободы личности, свободы печати, свободы собраний см. в соответственных местах книг, указанных на стр. 75 и сл.

После казни Дантона и Эбера с дантонистами и эбертистами ²⁾ господином положения сделался Робеспьер, который за месяц до своего падения разыграл роль как бы верховного жреца при устроенном в честь Верховного Существа празднике ³⁾. Это поведение Робеспьера вызвало насмешки над ним, тем более, что около этого времени сумасшедшая старуха Екатерина Тео ⁴⁾, объявив себя богородицей, говорила о Робеспьере, как о своем сыне. Против «тиранна» составилась в недрах самого Конвента заговор, поведший к падению Робеспьера и к победе Конвента над Коммуной, которую на сей раз парижские секции не поддержали.

Об этом событии, совершившемся 9 термидора II года (27 июля 1794 г.), отдельная литература. В 1876 г. о нем выпустил довольно большой труд D'Héricault. La révolution

¹⁾ Эта сторона революции освещена преимущественно, кроме общих трудов (между прочим, книги де-Брока, назв. на стр. 76), в мелких работах. Biollay. Les prix en 1790. — Porée. Les subsistances dans l'Yonne, pendant la révolution (1903). — Dupéron. La question du pain dans l'Yonne sous le règne du maximum (1910). — P. Matouchet. La population parisienne et la crise de l'alimentation sous la terreur (La Rév. Franç. 1917). — A. Aulard. Cartes de viande sous la Convention Nationale (там же).

²⁾ Tridon. Les hébertistes.

³⁾ Об этом празднике см. специальную работу (на основании тогдашних газет и брошюр) А. А. Матвеевой в XVI томе «Исторического Обозрения. Вообще о праздниках революции существующая и в русск. пер. (1918) книга Тьерсо (J. Tiersot. Les fêtes de la révolution française. 1908).

⁴⁾ A. Mathiez. L'affaire Cathérine Théot. 1907.

du thermidor. Robespierre et le salut public en l'an II. Эта книга не утратила значения и при более новых трудах: A. Savine et Fr. Bournaud. Le 9 thermidor, d'après les documents d'archives et les mémoires. 1907. — A. Mathiez. Robespierre et le neuf thermidor. 1910. — Н. Кареев. Протоколы парижских секций 9 термидора II года. 1914. На основании их в том же 1914 году вышла моя работа об этом событии (Роль парижских секций в перевороте 9 термидора), указывающая на то, что Робеспьер не пользовался сочувствием большинства населения Парижа.

В этот момент опасность, грозившая Франции извне, миновала, но о внешних делах мы будем говорить особо дальше.

Некоторые историки революции кончают свое изложение событий на 9 термидоре или около того (Мишле, Кропоткин и др.). С этого момента революция, действительно, пошла на убыль. «Термидорианская» реакция привела к конституции III года, установившей новый законодательный корпус и правительство, состоявшее из пяти директоров, после чего Конвент разошелся 26 октября 1795 г. (4 брюмера IV года). На другой день началось применение директориальной конституции. Этот третий период истории революции привлекал к себе гораздо меньшее внимание историков, чем два предыдущих.

Для наступившей во Франции реакции очень важны изданные под ред. Олара документы под заглавием «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire» (1898—1902). В «Социалистической истории» Жореса (стр. 34) эту эпоху обработал Габриель Девилль (Deville. Le Directoire. 1911) в большом томе, вносящем в науку довольно много нового. Однако, смуты не прекращались. Еще до конца своих занятий Конвенту пришлось выдержать три восстания, из которых первые два были якобинского характера, третье со стороны политически умеренных элементов. Первые два, имевшие место 12 герминаля (1 апр.) и 1 прериала (20 мая) 1795 г., были делом голодной толпы, требовавшей «хлеба и конституции 1793 года» (или «восстановления прав народа»). Оба эти движения были подавлены силою и только сделали реакцию более интенсивной ¹⁾. Третье восстание 13 вандемьера (5 окт.) того же года было вызвано декретами Конвента, стеснявшего свободу выборов в новый законодательный корпус. Как и два предыдущие,

¹⁾ Н. Кареев. Реакция в парижских секциях после 1 прериала III года (Исторические Известия за 1916 г., № 3—4). В основе статьи лежали некоторые тексты из опубликованных мною «Неизданных документов по истории парижских секций» (изд. Акад. Наук, 1912). Победенные в прериале носят название «последних монтаньяров», о которых говорит Claretie (Les derniers montagnards).

оно было подавлено военной силой, причем Конвент объявил подавленное восстание роялистическим, каковым оно и прослыло у всех историков. Исследование Зиви (Zivy. *Le treize vendémiaire an IV*. 1898) подвергло сомнению его роялистический характер, автор же настоящего обзора литературы о революции, на основании изданных им документов ¹⁾ и выше названного собрания документов о термидорианской реакции решает утверждать, что роялизм тринадцатого вандемьера есть термидорианский вымысел ²⁾. Сменившей Конвент директории тоже приходилось отбиваться и слева, и справа.

По эпохе директории есть несколько общих трудов, частью, однако, устаревших (Thibaudeau, Barante и др.). Могут быть названы, как имеющие значение для настоящего времени: A. Debidour. *Recueil des actes du Directoire exécutif*. — De Goncourt. *Histoire de la société française pendant la révolution*. — Victor Pierre. *La terreur sous le Directoire*. В «*Histoire Socialiste*» Жореса посвященный этой эпохе том обработан Девиллем. В труде Гонкуров изображены нравы эпохи, о чем имеется еще три книги Louis Lascour'a: 1) *Les salons après la terreur*, 2) *Le grand monde après la terreur*, 1892 и 3) *Grandes dames de la révolution*. Укажу еще на книгу о возрождении во Франции в эту эпоху роялизма Thureau-Dangin (*Royalistes et républicains*; первая часть ее называется: *La question de monarchie ou de république du 9 thermidor au 18 brumaire*).

Директория в последнее время своего существования жила государственными переворотами, один из которых, 18-ое фрюктидора V года (4 сент. 1797 года), был произведен при помощи военной силы и повлек за собою временное возвращение к террору. Этот переворот был тоже предметом специальных работ: Ch. Ballot. *Le coup d'état du 18 fructidor an V* (1906). — Savoie. *Les déportés du fructidor* (1910). — См. о том же самом в указанной выше книге Victor Pierre, носящей подзаголовок: *Histoire de la persécution après le coup d'état du 18 fructidor* (1887), а равно и в несколько более поздней (1896) его работе о ссылках духовенства после этого переворота (*La déportation ecclésiastique sous le Directoire*).

Отдельным эпизодом эпохи директории является дело Гракха Бабёфа, литература о котором названа выше (стр. 62). Любопытное сопоставление: открытие заговора Бабёфа в первой половине 1797 года, поставило Директорию на путь реакции, а успехи роялистов на выборах 1797 г., внушившие Директории

¹⁾ См. предыдущее примечание.

²⁾ Н. Кареев. Было ли парижское восстание 13 вандемьера роялистическим? 1914 (отд. оттиск из сборника в честь проф. Бузескула) и Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора. 1915 (Ж. Мин. Нар. Просв. и отдельно).

мысль о перевороте 18 фрюктидора, произошли в середине этого года. От переворота к перевороту Франция дошла и до потери политической свободы, которая при Директории была большей, чем при Конвенте. Но бонапартовский переворот 18 брюмера открывает уже новый период истории Франции и даже всей Европы.

До сих пор мы не касались внешней истории Франции (дипломатической и военной) в эпоху революции, а этот вопрос тесно связан с вопросом о влиянии французской революции на Европу. Токвиль правильно сказал, что французская революция была только первой в процессе разрушения старого порядка, существенные признаки которого существовали по всей Европе, а Сорель столь же правильно развил эту мысль в своем труде «Европа и французская революция».

«Старый порядок» в других странах Европы далеко не так подробно разработан, как французский, хотя и здесь можно указать несколько капитальных трудов: Perthez. *Das deutsche Staatsleben vor der Revolution*. На основании этого труда А. С. Трачевский написал большую статью «Германия накануне революции», помещенную в «Вестн. Евр.» за 1875 г. и перепечатанную в первой половине книги «Германия накануне революции и ее объединение. Biedermann. *Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert*. — Declevises du Dezert. *L'Espagne sous l'ancien régime*».

При сходстве старого порядка во Франции и в остальной Европе нет ничего удивительного в том, что французская революция оказала влияние на другие страны, тем более, что французская культура уже давно пользовалась повсеместной популярностью, особенно, напр., в Германии, о чем есть старые, но не совсем устаревшие, труды (Rühs. *Historische Entwicklung des Einflusses Frankreichs und der Franzosen auf Deutschland und die Deutschen*. — Sugenheim. *Frankreichs Einfluss auf die Beziehungen zu Deutschland bis zur ersten französischen Staatsumwälzung*. — Honegger. *Kritische Geschichte der französischen Kultureinflüsse in den letzten Jahrhunderten* и др.), да и новые историки останавливаются на этой теме (Сорель в главе о влиянии французского духа, Rambaud в *Hist. de la civilisation contemporaine*, где есть главы о блеске французской цивилизации «XVIII века», Жорес и др.). Известие о начале революции, как мы знаем всюду было встречено сочувствием общества. Правительства отнеслись к этому событию разное, смотря по тому, были ли в дружбе или в неприязненных отношениях к Франции, пока антимонархический характер революции не заставил их сплотиться между собою для отпора Франции, которая выступила с решительной революционной пропагандой. Между Францией и монархической

Европой война началась в 1792 и 1793 годах и почти беспрерывно продолжалась 23 года. Сначала французские дела шли плохо, но, в конце концов, перевес оказался на их стороне.

Еще с лета 1789 г. из Франции потянулись за границу эмигранты — дворяне, с принцами крови во главе, искать помощи у иностранных дворов. Об этой эмиграции есть особая литература: Forneron. Histoire des émigrés (1884). — Несколько работ на эту тему E. Daudet: Les Bourbons et la Russie; Les émigrés et la seconde coalition; Coblenz. — A. Aulard. Le patriotisme et la révolution. Les émigrés (La Rév. Franç. 1917), Эмигранты рассчитывали, что разложившаяся французская армия не в состоянии будет оказать сопротивления регулярным войскам европейских монархов. Французская армия, действительно, разложилась, о чем говорится во многих исторических работах. — A. Duruy. L'armée royale en 1789. 1888 — Choppin. Insurrections militaires en 1790. — В книге E. В. Тарле «Падение абсолютизма в Западной Европе» (1907) есть об этом много подробностей. Только впоследствии дисциплина возродилась. L. Madelin. Les armées de la révolution et la discipline (в «Rev. de deux mondes» за 1917 г.).

Главным трудом по истории внешней политики Франции в эпоху революции является соч. Сореля «Европа и французская революция», но существует и масса других, между прочим и немецких, как Зибеля, Ранке (Ursprung und Beginn der Revolutionskriege) и др., как и множество работ по истории революционных войн, каковы Chuquet. Les guerres de la révolution. Ероже. L'invasion prussienne — (1907). — P. Foucart et J. Finot. La défense nationale dans le Nord (1792—1802). 1890—1893 — P. Caron. Les guerres de la révolution. La défense nationale. 1912. J. H. Rose. William Pitt and the great war. 1911. — Мэхэн (Mahan) Влияние морской силы на французскую революцию и империю (ср. ниже стр. 105).

Известно, что во Франции в 1792 году произошел взрыв патриотизма, на границы отправились многочисленные волонтеры, и мало-по-малу из всякого сброда стала формироваться настоящая армия, которая потом одерживала блестящие победы. Об этом патриотическом порыве писали многие французские историки, изображавшие и то, как пересоздавалась армия. J. Michelet. Les soldats de la révolution. — Bonnal. Les armées de la république. — D'Hauterive. L'armée sous la révolution и пр. и пр. Уже в 1792 г. у солдат революции была и популярная военная песнь, Марсельеза, сделавшаяся французским национальным гимном ¹⁾.

¹⁾ Автором ее был Руже де Лиль, о котором есть работа Tiersot (Rouget de Lisle), написавшего и «Histoire de la Marseillaise» (1915). Он же автор переведенной и по-русски книги о праздниках и песнях рево-

Осенью и ранней зимой 1792 года французы заняли Бельгию, левый берег Рейна и Савойю с Ниццей, но потом дела их пошли хуже и в 1793 году совсем испортились, что внутри страны отразилось на усилении террора. Об этом периоде есть новейшие работы: L. Hénnet. L'état militaire de France pour l'année 1793 (1904). — Colin. La campagne de 1793 (1902). A. Mathiez. La victoire de l'an II (1916).

В 1794 г. дела французов уже поправились, и они в 1795 г. могли заключить выгодный для себя мир с Пруссией и Испанией. Для периода войн революции от базельского мира важно новейшее исследование Raymond Guyot. Le directoire et la paix de l'Europe, des traités de Bâle à la seconde coalition (1911). Базельский мир был большою победою французской дипломатии. О самой этой дипломатии F. Masson. Le département des affaires étrangères pendant la révolution (1877) и Les diplomates de la révolution (1882). Скоро особенно выдвинулся Талейран, занявший пост министра иностранных дел. G. Pallain. Le ministère de Talleyrand sous le Directoire. 1905. В то же время Франция приобретает первоклассного полководца в лице генерала Бонапарта, о значении которого в истории революционных войн речь будет идти уже в обзоре наполеоновской эпохи.

Ко всему этому остается прибавить, что, провозгласив принцип самоопределения народов, французская революция внесла нечто новое в международное право. Marc Dufrasse. Histoire du droit de paix et de guerre de 1789 à 1815.

Заключим историографию французской революции указанием на сочинения о том влиянии, какое революция оказала на соседей.

Французская революция и Бельгия. В Бельгии одновременно с революцией происходило восстание против австрийского владычества, что помогло Франции овладеть этою страной. J. Delahaize. La domination française en Belgique à la fin du XVIII siècle et au commencement du XIX. В 1912 году этот труд закончился шестым томом. — T. Juste. La république Belge.

Французская революция и Германия. Прирейнские немцы с восторгом встречали французов, и левый берег Рейна был присоединен к Франции A. F. Raif. Die Urteile der Deutschen über die französische Nationalität im Zeitalter der Revolution. 1911. — Wohlwill. Weltbürgertum und Vaterlandsliebe der Schwaben (1789 — 1815). — Venedey. Die deutschen

люции (см. выше, стр. 80). Ср. еще C. Pierre. Les hymnes et les chansons de la révolution. 1904. — А. Овсянников. Песни французской революции (Северн. Зап., 1913; в переработанном и дополненном виде вышло в свет отдельной книгой в 1920 г.).

Republikaner unter der französischen Republik. 1870. — Rambaud. Les Français sur le Rhin. — Georges Lote. La rive gauche du Rhin de 1792 à 1814 (Rév. des études napoléoniennes, 1915). Для Германии главное значение революции заключалось в том, что начавшаяся между Францией и немцами война привела к разрушению средневековой «Священной Римской империи германской нации», общий исторический очерк которой составляет содержание известной книги Брайса, носящей указанное название. Вместе с падением Польши это событие представляет собою один из двух главных переворотов в политической истории Европы в конце XVIII века, а связь его с революцией выяснена в общих трудах Зибеля и Сореля, о чем см. выше, стр. 32, 38.

Австрия и Пруссия вели войну с революцией. Н. Huffer. Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution bis zum Frieden von Campo-Formio. 1866. — Его же. Der Kongress und die zweite Koalition. 1878. — Langert von Simmern. Oesterreich und das Reich im Kampfe mit der französischen Republik. 1880 — 1882. — Heydrich. Preussen im Kampfe gegen die französische Republik. 1908.

Известный эпизод убийства французских уполномоченных на раштаттском конгрессе освещен в работах об этом Helfert'a (Der Rastatter Gesandtenmord, 1874 и Zur Lösung der Rastattermord-Frage, 1900) и Hüffer'a (1896). В 1913 г. вышел третий том документов об этом в изд. Montarlot et Pingaud.

Французская революция и Италия. Франция присоединила Савойю и Ниццу, принадлежавшие Сардинии, и основала республики Цизальпинскую, Лигурийскую, Римскую и Парthenопейскую, положив конец республике Венецианской. Franchetti. Storia d'Italia (глава Primi effetti della rivoluzione francese). — Анонимная книга: La vita italiana durante la Rivoluzione. Origini del risorgimento italiano (1906). Lumbroso. La rivoluzione francese e l'Impero. Lemmi. Le origini del risorgimento italiano (1906). Lumbroso. La rivoluzione francese in Sardegna (1901). — I. Combet La révolution à Nice. P. Gaffarel. Napoléon et les républiques italiennes. — F. Bouvier. Bonaparte en Italie en 1796 (1899). Gallavresi. L'invasione francese in Milano. 1903. — Pellet La révolution à Gênes 1894. — Du Teil. Rome, Naples et le directoire. — A. Dufourcq. Le régime jacobin en Italie. Etudes sur la république romaine 1900. — Giglioli. Naples in 1799. A history of the Parthenopean republic. 1902. — Gutteridge. Nelson and the neapolitans jacobins (1903). — Lemmi. Relazioni dei patrioti napoletani col direttorio e col consolato. — Dondolo. Caduta della repubblica di Venezia (1885). — Bonnal de Ganges. La chute d'une république (1885). — IV том „Происхождения современной

демократии» М. Ковалевского «Падение аристократических правительств». 1897 (Речь идет о Венеции; есть франц. пер., 1902).

Кроме того, революция повлияла на Голландию, превращенную в Батавскую республику (Le grand. La révolution française en Hollande 1895), на Польшу (в эпоху конституции 3 мая), на Ирландию (V. Griboyédoff. The french invasion of Ireland in 1798. New York 1890 — Hoche in Ireland. 1882) и т. д. ¹⁾ Особую тему представляет собою борьба Англии с Францией в эпоху революции и Наполеона, о чем см. ниже.

Совершенно самостоятельный вопрос, хотя и могущий рассматриваться в связи с французской революцией, представляет собою вопрос о падении Польши, совершившемся в 1795 году после второго раздела, имевшего место в 1793 г. Как-раз то обстоятельство, что еще задолго до французской революции Польша попала в политическую зависимость от России и вместе с тем подверглась первому разделу со стороны соседних держав (1772), указывает на особые причины, которые, независимо от французской революции, привели к падению этого государства. Подробную историографию этого вопроса до конца XIX века составляет книга под заглавием: Н. Кареев. «Падение Польши в исторической литературе» ²⁾.

Изучая падение Польши, нужно иметь в виду, с одной стороны, политику соседних держав, приведшую к расчленению и даже к прекращению существования польского государства, с другой — внутренние причины, сделавшие его настолько слабым, чтобы соседние державы могли разделить между собою его территорию. Франция, всегда поддерживавшая Польшу, не помешала ее первому разделу, а революция была, конечно, только одним из благоприятных для России, Австрии и Пруссии обстоятельств в данном деле. Однако, в этот момент Польша приступила, на четырехлетнем сейме 1788—1791 г., к своему обновлению, на котором, в свою очередь, под конец сказались и влияние французской революции, сделавшееся особенно сильным в год восстания под начальством Костюшки (1794). Франция и Польша имели тогда общих врагов, с которыми вели борьбу на живот и на смерть, и в Варшаве даже явились свси «якобинцы», что было одним из предлогов для абсолютных монархий покончить с Польшей. Такова связь падения Польши с французской революцией, выясненная особенно в трудах Зибеля

¹⁾ Общий обзор влияния французской революции на Европу дан во II главе IV тома моей «Ист. Зап. Европы».

²⁾ Книга вышла в свет в 1888 году после того как отдельные ее главы были напечатаны в «Журн. Мин. Нар. Просв.» за этот год, где и можно ее прочесть, за неимением отдельного издания (или же в польск. перев. «Upadek Polski w literaturze historycznej», 1891). Общие выводы автор изложил в статье «Causes de la chute de la Pologne» (Revue Historique за 1891 г.).

и Сореля, у второго из которых имеется еще особая работа о связи польского вопроса с восточным ¹⁾.

В вопросе о падении Польши польские историки стояли на той точки зрения, что все дело сводилось к политике соседей. Особенно это было во время идеализации польского государственного строя. Но впоследствии взяло верх историческое направление, которое отнеслось критически к этому строю, что особенно ярко выразилось в «Очерке польской истории» М. Бобржинского, вышедшем в свет в 1879 году (в рус. пер. в 1888), а из специальных исследований на трудах ксендза Калинки, автора «Последних лет царствования Станислава-Августа» и «Четырехлетнего сейма» ²⁾,

Лучшим трудом для ознакомления с политическим устройством прежней Польши нужно признать книгу Ст. Кутшебы (St. Kutrzeba) «Очерк истории общественно-государственного строя Польши», вышедшую в 1905 г. и переведенную порусски в 1907 г. под ред. Н. В. Ястребова. Общей истории польского сейма в литературе не имеется, кроме небольшой книжки на рус. языке (Н. Кареев. Исторический очерк польского сейма ³⁾). О внутреннем состоянии Польши в эпоху ее падения дают понятие следующие труды: Н. И. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой (Kalanka) (см. выше)—Т. Когзон. Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta (шеститомный труд, вышедший в свет в 80-ых годах, вторым изданием в 1897 г. и заключающий в себе более оптимистический, взгляд, нежели у Бобржинского, Калинки и др.).—Тому же автору принадлежит самый солидный труд о Костюшке (Tadeusz Kościuszko.—Н. Кареев. Польские реформы XVIII века. 1890 (первоначально в «Вестн. Евр.»).—Есть целый ряд работ о конституции 8 мая, 1791 г., из которых отметим: O Balzer. Reformy społeczne i polityczne Konstytucji 3 maja 1891 и 1901.—St. Starzyński. Konstytucja 3-go maja na tle współczesnego ustroju innych państw europejskich. 1892.

Собственно о разделах Польши русская литература дает довольно много. Не называя здесь сочинений, имеющих своим предметом вообще историю России в XVIII в. и в частности в царствование Екатерины II, укажем на более специальные труды С. М. Соловьева (История падения Польши. 1862), Н. И.

Костомарова (1870; названо выше) и Д. И. Иловайского (Гродненский сейм 1793, последний сейм Речи Посполитой. 1870; польск. пер. Sejm grodzieński. 1871). В настоящее время, однако, эти труды в некоторых отношениях нужно считать устарелыми, как и книги иностранных ученых, писавших о польских разделах, каковы: F. Smitt. Suworow und Polens Untergang 1858.—Catherine II et le premier partage. 1861.—Theilungen Polens. 1864.—Beer. Die erste Theilung Polens. 1873.—Lehtonen. Der Untergang Polens.

Самым последним трудом в данной области является книга американского ученого Лорда о втором разделе Польши (Lord. The second partition of Poland. 1915), написанная на основании не только хорошего знакомства с литературой предмета и печатными источниками, но и произведенных автором архивных изысканий. Между прочим, в этой книге освещаются и отношения, в каких находились между собою польские и французские события эпохи.

¹⁾ A. Sorel. La question d'Orient au XVIII Siècle. Восточного вопроса, как не имеющего ближайшей связи с революцией, здесь не касаемся, тем более еще, что удобнее его рассматривать в связи с историей России.

²⁾ X. Wal. Kalinka. Ostatnie lata panowania Stanisława-Augusta. 1868.—Sejm czteroletni. 1880 и след. Этот крупный труд остался неоконченным.

³⁾ Первоначально появилось в «Юрид. Вестн.» за 1888 г. Есть и польский перевод: «Zarys historyczny sejm polskiego». 1893.

ИСТОРИОГРАФИЯ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ.

При изучении Наполеоновской эпохи основной вопрос может быть сформулирован, коротко говоря, так: было ли господство Наполеона дальнейшим развитием революции или, наоборот, реакцией против нее? Современники Наполеона и ближайшее к его времени потомство держались на этот счет двоякого мнения. Абсолютист Павел I приветствовал переворот 18 брюмера, как конец безначалия во Франции, либеральная писательница г-жа Сталь назвала Наполеона первым контр-революционером, а с другой стороны Наполеон казался роялистам худшим исчадием революции, тогда как многие прогрессисты видели в нем воплощенную революцию. Сам Наполеон говорил о себе двояко: в официальных заявлениях он ссылаясь на революцию, как на нечто положительное, в интимных же разговорах отзывался в том смысле, что сокрушил революцию. Эту двойственность мы наблюдаем иногда и во взглядах историков, как это можно сказать, например, о Тьере и Ланфре.

Эта двойственность вполне соответствует действительности, как по отношению к самой Франции, так и по отношению к Европе.

Во французской революции нужно различать две стороны: политическую, сводящуюся к борьбе с монархическим абсолютизмом во имя свободы, политической и индивидуальной, и социальную, сводящуюся к разрушению сословного строя общества во имя идеи гражданского равноправия. Наполеоновский режим, вернувший Францию к монархическому абсолютизму, с полным подавлением общественной свободы, был несомненной реакцией против революции, хотя сама же революция в эпоху диктатуры 1792—1794 гг. приняла характер восстановления старого порядка с его бюрократической централизацией и подавлением свободной самодеятельности общества, если только не считать за таковую проявление стремлений правившей партии. Наоборот, все социальные приобретения революции (отмена привилегий и установление гражданского

равноправия, ликвидация феодальных прав, мобилизация церковной собственности пр.) имели в Наполеоне защитника и охранителя, что было особенно на руку буржуазии и крестьянству, т. е. большинству нации.

С другой стороны, революция, начавшаяся для Европы с вторжением французских войск в Бельгию, в прирейнскую Германию и в Савойю, продолжалась и при Наполеоне. Правда, при нем республики, бывшие как бы дочерьми Французской республики, иногда были превращаемы в монархии, и основывались еще новые монархии для братьев владыки Франции, но это сопровождалось низвержением царствовавших династий. Революция изгоняла папу из Рима, и тоже самое сделано было Наполеоном, присоединившим Церковную область к Франции. De facto ставленники Наполеона правили, как самовластные государи, но и в их государствах не исключалось конституционное устройство, правда призрачное, как и в самой Франции, но все-таки связанное с идеями революции. Где только была непосредственная власть Наполеона или, по крайней мере, с особой силой проявлялось его влияние, отменялись привилегии духовенства и дворянства, устанавливалось равноправие, исчезало крепостное право и т. д. Реакция, однако, была и здесь. Именно, революция провозгласила самоопределение народов, но еще до установления власти Наполеона Франция стала возвращаться к завоевательной политике времени Людовика XIV, к приобретению естественных границ на Рейне и на Альпах. В международной политике Наполеон продолжал в широких размерах ту политику разделов, которая играла при старом порядке большую роль: вспомним раздел испанского наследства в начале XVIII в., коалицию тогда же, России, Польши и Дании для частичного раздела шведских владений, проекты раздела австрийской и прусской территорий в середине XVIII века, три раздела Польши и т. п. Та же политика разделов, не считавшаяся с желаниями и стремлениями народов, самая настоящая политика старого абсолютизма, была обычным явлением эпохи Наполеоновских войн, начавшись даже раньше, когда революция вошла в первую сделку с таким монархическим государством, как Пруссия, по базельскому миру 1795 года. А в 1797 году, когда французы заняли Венецианскую республику, то преспокойно разделили ее владения между дочернею республикой Цизальпинской и абсолютной монархией Габсбургов.

Такова была двойственность Наполеоновской политики, в одних отношениях революционной, в других реакционной. Реакционность проявлялась больше всего в политической области: она проявлялась в непризнании прав на свободу ни за отдельными личностями, ни за всем населением страны, ни за отдельными народами, как то было во времена и полного господства абсолютизма. Но абсолютизм Наполеона напоминает нам

не Бурбонов с их упорным социальным консерватизмом, а просвещенный абсолютизм второй половины XVIII столетия, когда неограниченные государи и всемогущие министры предпринимали реформы против привилегированных сословий, не столько для «общего блага», сколько для полного торжества государственной власти, о чем хлопотали, как известно, и якобинцы. Империя Наполеона I, которому подражали его ставленники и союзники, была как бы вторым изданием «просвещенного абсолютизма». Вот когда пал Наполеон, в 1814—1815 годах, началась настоящая реставрационная реакция, в которой государи шли рука-об-руку с обоими привилегированными сословиями для полного возвращения к старому порядку с его средневековыми, католико-феодальными традициями. Поскольку между просвещенным абсолютизмом и французской революцией есть некоторое родство (в их отрицательном отношении к католическим и феодальным традициям и пережиткам в политике, постольку же эпохи французской революции и Наполеона I составляют единый период европейской истории).

Это сознавали и некоторые историки революции, доводя свои труды до 1814 года, т. е. включая в них рассмотрение, хотя бы и поверхностное, Наполеоновской эпохи. Так поступил один из первых историков французской революции, Минье. «Парламентская история» Бюшеза и Ру, тоже доводится до 1814 года. Сорель думал первоначально остановиться на 1795 году, но потом продолжил изложение до 1815 года, не подумав изменить заглавие «Европа и французская революция». Олар, доведший свою книгу до 1804 года, сам в качестве профессора на кафедре истории революции читал нередко курсы по Наполеоновской эпохе. Знаменательно и то, что некоторые научные предприятия, созданные в интересах разработки истории революции, расширяют свои задачи в сторону изучения и Наполеоновской эпохи. Так «Revue historique de la révolution française», возникшая в 1910 году, через два года была переименована в «Revue historique de la révolution française et de l'empire», не говоря уже о том, что и старейший орган этого рода («La Révolution Française») давно уже стал помещать статьи по истории консульства и империи. Дело и в том еще, что некоторые осуществления Наполеоновской эпохи обязаны своим происхождением революции (напр., кодексы законов: гражданский и уголовный) и что, наконец, у обеих эпох были некоторые общие деятели, в роде министра полиции Фуше. Якобинцы на службе у Наполеона — очень интересная тема из истории обеих эпох. Сам Наполеон был одним из деятелей революции и молодым офицером в 1789 и след. годах, и агентом Конвента под Тулолом в 1793 г., и победителем вандемьерского восстания против Конвента в 1795 г.

Задачей нашей и будет проследить в дальнейшем историографию внутренних отношений в самой Франции с 9 ноября 1799 года (т. е. с переворота 18 брюмера), внешней политики эпохи с начала самостоятельной роли Наполеона и вопроса о том влиянии, которое Франция оказала на внутреннюю жизнь других государств до 1814—1815 годов.

Но прежде бросим общий взгляд на историографические пособия по этой эпохе. Главным работником в данной области нужно признать итальянца Лумброзо, который в 1894 г. предпринял большое библиографическое издание, посвященное специально Наполеоновскому времени (Lumbroso. Saggio di una bibliografia ragionata per servir alla storia dell'epoca Napoleonica). Автор этого сильно разросшегося труда написал еще несколько отдельных библиографических этюдов, а в 1901 году основал особый журнал — «Revue Napoléonienne». Другим таким же регистратором всего, что писалось и пишется о Наполеоновском времени, является Кирхейзен,¹⁾ который издал свою «Наполеоновскую библиографию» в 1902 году. Когда пишущий эти строки работал над IV томом «Истории Западной Европы» рассматривающим Наполеоновскую эпоху и вышедшим в свет в 1894 году, указанных пособий еще не было, и автору самому пришлось составить (конечно, в неизмеримо более скромных размерах) Наполеоновскую библиографию, при чем не мог не поразиться громадным количеством постоянно выходящих книг о Наполеоне и его времени. Всего того, что только собрано было даже мною, здесь приводить не приходится,²⁾ а между тем литература эта растет и растет. Несколько лет тому назад (в 1912 г.) Э. Дрио (Driault) предпринял издание журнала «Revue des études Napoléoniennes». Сам редактор этого издания — один из деятельнейших исследователей эпохи.

В центре этой литературы стоит личность самого Наполеона, биографии которого очень многочисленны, причем целый ряд сочинений посвящен его семье³⁾, его ранней молодости⁴⁾, его частной жизни⁵⁾, его отношению к революции, до его.

¹⁾ Kircheisen. Bibliografia di Napoleone.

²⁾ Отсылаю поэтому к IV т. названной книги в последнем (4) изд. (1913 г.).

³⁾ Fr. Masson. Napoléon et sa famille. 1897 и сл. Lagrey. Madame-Mère (Napoléonis mater. 1892). Кроме того, есть сочинения о братьях Наполеона, сделавшихся потом королями, о чем см. ниже.

⁴⁾ Coston. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. 1840. — Nasic. Mémoire sur l'enfance et la jeunesse de Napoléon. 1851. — Boetling. Nap. Bonaparte, seine Jugend und sein Emporkommen. 1877 (2 изд. 1883). — Jung. Bonaparte et son temps d'après les documents inédits. 1880—1881. Chuquet. La jeunesse de Napoléon. 1910 и сл. — Marcaggi. La genèse de Napoléon. Sa formation, intellectuelle et morale. 1905. — Colin. L'éducation militaire de Napoléon. 1905 и др.

⁵⁾ Aurhur Levy. Napoléon intime. 1893. — Frédéric Masson. Napoléon chez lui 1894 и др. работы того же автора, как Napoleon et les femmes (1893), Napoléon inconnu (1895).

вмешательства в политические события эпохи. Особую категорию представляют собою работы об образовании того, что можно назвать «Наполеоновской легендой»¹⁾.

Важнее остановиться на литературе, посвященной Наполеону, как политическому и военному деятелю, и вообще его правлению, его международной политике и войнам. О нем уже была целая литература, в которой отметим имена таких авторов, как Биньон, Жомини, Стендаль, Вальтер Скотт, Шлоссер, Тибодо,—литература теперь совершенно устаревшая.

Большую историю «Консульства и империи», в виде продолжения своей «Истории французской революции», предпринял Тьер²⁾, написавший свой новый труд в двадцати томах между 1845 и 1862 годами. Уже заканчивая, почти за двадцать лет до начала нового своего труда, историю революции, он говорил по поводу 18 брюмера, что Наполеон приходил в мир для выполнения «таинственной миссии», именно «не для продолжения свободы», а «для продолжения революции под монархическими формами», для «упрочения нового общества под охраною его меча», ибо для свободы «еще не настало время» и «день ее водворения должен был придти после». Этот взгляд на историческую миссию Наполеона выдержан и в «Консульстве и империи», получившем характер настоящего прославления Наполеона в духе той легенды, которая окружила поэтическим ореолом образ первого императора французов. Известно, что Тьер немало содействовал поднятию культа своего героя, когда будучи министром Людовика-Филиппа, настоял перенести прах Наполеона с о-ва св. Елены для помещения его в великолепной гробнице в парижском Доме Инвалидов. Труд Тьера был закончен в годы царствования второго Бонапарта, тоже «пришедшего не для водворения свободы».

Такой взгляд на личность Наполеона вызвал в начале шестидесятых годов сильную оппозицию со стороны трех писателей, из которых двое были швейцарцы, писавшие по-французски. Один из них был швейцарец-Ланфре, который, написав в 1861 г. критическую статью о труде Тьера, сам издал вскоре после того свою «Историю Наполеона I» в пяти томах, где изложение было доведено до 1811 года, так как автор умер не успев довести свой труд до конца.³⁾ Автор борется в нем с наполеоновской легендой, что придавало книге полемический характер своего рода развенчивания Наполеона.

¹⁾ E. Déprez. Les origines républicaines de Bonaparte. 1908.— Sandmann. Die Vollendung der Revolution. Napoleon I. 1903. Kennan. Folk tales of Napoleon 1902.—Capeletti. La legenda Napoleonica. 1903., Ph. Gonnard. Les origines de la légende Napoléonienne. 1907.

²⁾ A. Thiers. Histoire du consulat et de l'empire. 1845—1862.

³⁾ Lanfrey. Histoire de Napoléon I. Впоследствии в немецком переводе труд вышел и с окончанием, написанном переводчиком.

Тем же делом занялся другой швейцарец Барни в книге «Наполеон I и его историк Тьер»¹⁾, которая во времена второй империи была строго запрещена во Франции, так что отбиралась у путешественников при таможенных обысках на границах. Историческому фатализму Тьера Барни противопоставил моральный суд над Наполеоном, на которого он взглянул глазами г-жи Сталь, в свое время назвавшей Наполеона первым из контр-революционеров. С этой точки зрения автор пересмотрел все главные моменты и разные стороны деятельности Наполеона, начиная с 18 брюмера, и все это для разрушения легенды, которую считал особенно вредной в общественном смысле. Третьим автором, отнесшимся отрицательно к Наполеону, был другой критик Тьера Шоффур-Кестнер, который издал свою менее обстоятельную книжку «Г. Тьер, как историк. Заметки об истории консульства и империи»²⁾ несколько раньше Барни.

Из обозрения историков революции мы видели, что к архивным источникам они обратились сравнительно поздно; то же самое произошло с историками Наполеона I, тем более, что когда явилась потребность в архивных изысканиях, в пятидесятых и шестидесятых годах прошлого века, во Франции царствовал племянник Наполеона, охранявший секреты первой империи от непрощенных разоблачителей. Правда при Наполеоне III началась публикация неизданных источников, прежде всего в виде «Корреспонденции Наполеона I», которой набралось 32 тома, но в это собрание попало далеко не все, что было им написано, а кое-что по политическим соображениям выкинуто, особенно из революционного периода. Тогда же началась публикация и второй серии известных «Archives parlementaires», начиная с 1800 года.

Только третья республика открыла перед исследователями двери в архивы, чем одним из первых воспользовался биограф Наполеона I до 18 брюмера Юнг³⁾, воспользовавшийся довольно широко неизданными источниками. Работа эта написана тоже в обвинительном тоне. Автор даже допускает, что при помещении маленького Бонапарта в школу на казенный счет был совершен подлог: будто бы в своей семье Наполеон был не второй, а самый старший сын, и будто родители выдали его за второго, так как предположенный автором младший брат Иосиф был менее способен, Наполеон же уже вышел из приемного возраста, что и заставило обменять их документы.

¹⁾ Barni. Napoléon I et son historien M. Thiers. 1865.

²⁾ Chauffour-Kestner. M. Thiers historien. Notes sur l'histoire du consulat et de l'empire. Еще в 1891 г. вышли анонимные «Notes sur l'histoire de M. Thiers».

³⁾ Книга названа выше (стр. 58, прим.).

Стали, кроме того, появляться новые мемуары, в которых герой создавшейся во Франции легенды изображался не в особенно привлекательном свете. Долгое время лежавшие под спудом воспоминания о Наполеоне его министра (во времена консульства) Шапталя, особенно интересные, еще в рукописи ¹⁾ были известны Тэну, когда в своем «Происхождении современной Франции» ²⁾ он перешел к наполеоновской эпохе. Еще до появления первого тома третьей части этого труда, Тэн, которого многие принимали за бонапартиста, опубликовал большой отдел этого тома, посвященный характеристике Наполеона, блестящей, как и все характеристики Тэна, но не особенно лестной. Историк революции изображает здесь Наполеона, как кондотьера, неособенно образованного, еще того менее морального, хотя и гениального, давшего Франции прочную организацию, но совершенно казарменного типа. Такое отношение к основателю династии Бонапартов навлекло на автора крайнее негодование в бонапартистских кругах, где у него были личные связи, и вызвало возражения, из которых одно одним только именем написавшего его принца Наполеона вызвало сенсацию. Это возражение было опубликовано под названием: «Наполеон I и его порицатели» ³⁾.

Книги Барни, Ланфре, Юнга и Тэна разрушали ту легенду, которая, в сущности, стала создаваться вокруг личности Наполеона еще тотчас же после его падения, заточения на острове св. Елены и смерти и была поддержана Тьером. Но у Наполеона явились и защитники, одним из первых среди которых был Артур Леви, автор большой книги об интимной жизни Наполеона ⁴⁾, где последний даже изображен, как воплощение всевозможных добродетелей, какие только могут украшать человека в его домашней и общественной жизни, в частности человека из буржуазии, благодаря ему, только и взявшей управление в свои руки. Тот же Артур Леви позднее издал книгу под заглавием «Наполеон и мир» ⁵⁾, где усиливается доказать, что это был миролюбивейший государь, которого только вынуждали воевать его враги, хотя сам же приводит документы, опровергающие столь смелую мысль. Во Франции при третьей республике не было недостатка в бонапартистах, из среды которых тоже выходили столь неисторические книги о Наполеоне.

С восьмидесятых годов прошлого столетия, вот уже около сорока лет, все более и более растет на разных языках лите-

¹⁾ Эти мемуары (Chaptal. Mes souvenirs sur Napoléon) были изданы только в 1893 г. В том же году стали выходить мемуары Pasquier.

²⁾ H. Taine. Le régime moderne.

³⁾ Napoléon I et ses détracteurs.

⁴⁾ Названа выше (стр. 93 прим.).

⁵⁾ A. Lévy. Napoléon et la paix.

ратура о Наполеоне. Простой только перечень имен авторов, на книгах которых стоит: «Наполеон I», может дать представление, как велика эта литература в настоящее время, ¹⁾ не включая в нее обзоры царствования Наполеона ²⁾ и все частные работы по его истории. Для отдельного рассмотрения мы выделим здесь лишь немногие.

В 1886—1887 г.г. профессор Пражского (немецкого) университета Фурнье издал компактную историю Наполеона I, которая вскоре была переведена по-французски (1891—1892) и до сих пор может рекомендоваться, как очень дельное и объективное повествование об эпохе, хотя сам автор признается, что время написания полной истории Наполеона еще не наступило. Действительно, то и дело, появляются новые материалы и высказываются новые соображения. Между прочим, напим., Роз в 1902 г. издал «Жизнь Наполеона I» ³⁾, в которой многое основано на новых английских источниках официального происхождения. Большой интерес представляет талантливая книга Вандаля «Возвышение Бонапарта» ⁴⁾, которая была очень скоро переведена и по-русски. К числу важнейших приобретений исторической науки по эпохе Наполеона следует отнести и четыре последние тома (V—VIII) уже не раз упоминавшегося труда Сореля «Европа и французская революция» (вышли они в 1903—1904 годах).

О деятельности Наполеона до переворота 18 брюмера и об участии его в освобождении Тулона от английского флота, в событиях 13 вандемьера и 18 фрюктидора, и в итальянских делах отсылаем к историям революции и к специальным работам об указанных событиях ⁵⁾ и переходим прямо к истории консульства и империи ⁶⁾.

Конституция III года не создала во Франции прочного порядка и сама трижды нарушалась самым бесцеремонным образом.

¹⁾ Seely (1886), Fournier (1886—1887), A. Guillois (1889), работа Masson'a и Lévy, указанные выше; Marius Sepet (1894), Sloane (1896; англ., есть рус. пер.), Peyre (1900), G. K. Roloff (нем., 1900), Rose (1902; англ.), D. Lacroix (1902), Beltrami (ит. 1903), Fischer (нем. 1903), Vandal (см. ниже), и др. В русской исторической литературе отмечу: брошюру Г. Афанасьева (1898; вошла в состав собрания сочинений). А. С. Трачевский. Наполеон I, первые шаги и консульство. 1907. — П. Ковалевский. Наполеон I и его гений (4 томик «Психиатрических рассказов из истории». 1901).

²⁾ E. Guillon. Petite histoire du consulat et de l'empire. — Ch. Barthélemy. Le consulat et l'empire. 1885.

³⁾ J. Rose. Life of Napoléon I.

⁴⁾ A. Vandal. L'avènement de Bonaparte. Рус. пер. 1905.

⁵⁾ См. выше стр. 93.

⁶⁾ Отметим еще два издания по иконографии эпохи. Grand-Carteret. Napoléon en images. — A. Dayot. Napoléon raconté par l'image. Оба 1895 года.

К тому же и Францию постигли в 1799 году большие военные неудачи (это было время подвигов Суворова в Италии), тогда как генерал Бонапарт, прославившийся своими победами в Италии и уже начинавший держать себя независимо по отношению к директории, услан был последнюю, хотя по собственной инициативе, в Египет, где пробыл довольно долго ¹⁾ и откуда неожиданно явился во Францию, чтобы взять власть в свои руки. Состояние Франции в 1799 году было предметом книги Феликса Рокена «Состояние Франции около 18 брюмера» ²⁾, написанной на основании отчетов членов государственного совета, которым было поручено узнать, в каком положении находилась тогда французская республика. Другим важным изданием по вопросу был сборник документов, изданный в 1897 году Оларом под заглавием: „L'état de la France dans l'an VIII et en l'an IX“. Эти два труда, так сказать, подводят итоги под тем, какие результаты дал весь ход событий после десятилетнего периода революции вообще и в частности при действии конституции III года. Наполеон по возвращении из Египта тотчас же вошел в сношение с представителями разных партий, не исключая даже агентов Бурбонов ³⁾, но главным его сообщником в перевороте 18 брюмера был Сьейес, у которого был свой проект конституции. Самым основательным рассказом о событии 18 брюмера нужно признать теперь тот, который дается в книге Вандаля, пользовавшегося новым материалом и по истории выработки конституции VIII года ⁴⁾. Текст этого документа имеется, конечно, во всех сборниках французских конституций. Из частных эпизодов эпохи консульства укажем здесь на литературу о покушении на жизнь Наполеона 3 нивоза, бывшем результатом роялистического заговора, и о том юридическом убийстве, которое было совершено над герцогом Энгиенским. Первое событие послужило основанием для продления полномочий Наполеона на всю жизнь, второе произвело в Европе крайне неприятное для Наполеона впечатление. G. de Cadoudal. Georges Cadoudal et la chouannerie 1887. Welschinger. Le duc d'Enghien и др.

Литература по внутренней истории Франции в эпоху консульства и империи очень обширна. Обозреть ее удобнее всего

¹⁾ Об этом есть особая литература: O. Jaeger. Die aegyptische Expedition der Franzosen. 1876.—Boulaye de la Meurte. Le directoire et l'expédition d'Égypte. 1885.—Peure. L'expédition d'Égypte.—Christian Cherfils. Bonaparte et l'Islam d'après les documents français et arabes.

²⁾ F. Roquain. État de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'état chargés d'une enquête sur la situation de la république (1874).

³⁾ Comle de Remacle. Bonaparte let es Bourbons. 1899.

⁴⁾ Собранием бумаг Дону (см. выше, стр. 97), поступивших незадолго перед тем в отделение рукописей Нац. Библиотеки.

по следующим рубрикам: 1) административное устройство, 2) отношение между государством и церковью, 3) гражданское законодательство, 4) экономическая политика, 5) положение печати, 6) состояние образования и школьного дела и 7) общественная жизнь при таком режиме. Дело в том, что Франция в 1799 году находилась в хаотическом состоянии. Многие созданное революцией пришло в разрушение, многое было только намечено, но не было выполнено, многое не могло не быть вновь пересмотрено при изменившихся обстоятельствах. Шатталь, бывший министром внутренних дел в эпоху консульства, рисует в своих мемуарах ту изумительную личную деятельность, которую Наполеон проявлял во всей организаторской и законодательной работе эпохи, и правы были те авторы, которые писали о Наполеоне, как именно законодателе, и работы которых должны быть отмечены в дополнение к названным ¹⁾.

1) Конституция VIII года с сенатус-консультами X и XII года, давшими Наполеону сначала пожизненное консульство, потом титул императора, никогда не делалась предметом специального исследования, лучше же всего ее происхождение освещено у Вандаля. Зато довольно много было писано об административной системе Наполеона, но более с юридической, нежели исторической, точки зрения. З. Авалов. Децентрализация и самоуправление во Франции. Департаментские собрания от реформы Бонапарта до наших дней. 1906.—К. Матафтина. Наполеон I и префекты (Сборник в честь Н. И. Кареева. 1914). Из центральных учреждений свою историю имеет государственный совет. Aucco. Le conseil d'état avant et après 1789. (1876). О Наполеоновском управлении финансами: Stourm. Les finances du consulat. 1902.—Ch. Nicolas. Les budgets de la France depuis le commencement du XIX siècle.

Полицейский режим в эпоху консульства и империи описан в книгах Desmarets (Quinze ans de haute police sous Napoléon), J. Destrem (Déportations du consulat et de l'empire), Hérisson (Le cabinet noir), E. d'Hauterive (La police secrète du premier empire. 1902).

Париж был выделен из общей администрации (Des Cilleuls. Histoire de l'administration parisienne au XIX siècle (1900; первая половина I тома).

2. Наполеон восстановил во Франции нарушенную во время революции связь государства и церкви (ср. Champion. La séparation de l'église et de l'état en 1794. 1904) посредством своего конкордата, о чем имеется очень обширная литература.

¹⁾ Blanc. Napoléon I, ses institutions civiles et administratives.—Durand. Le premier consul législateur. Madelin. то же заглавие.—Pelet de Lozère. Opinions de Napoléon au conseil d'état. К этому нужно прибавить некоторые работы о гражданском кодексе.

Прежде всего, здесь имеют значение общие труды по истории отношений между церковью и государством, каковы книги A. Debidour'a (*Rapports de l'église et l'état en France depuis 1789*) и Haussouville (*L'église romaine et le premier 1868—70*). Положение католического культа перед заключением конкордата освещено в работе Гранта (*Grente. Le culte catholique en France depuis la terreur au concordat. 1903*). Самый конкордат рассматривался в ряде сочинений Theiner'a (*Histoire des deux concordats*), Buissac'a (*Le concordat de 1801 et les articles organiques*), Crétineau-Joly (1869), L. Seché (1894), кардинала Mathieu (1903; на основании неизданных источников), Sevestre (1903). A Body (1903), Crouzil (1904) и др. Повышенный интерес к конкордату в начале XIX в. объясняется постановкою на очередь вопроса об его отмене, которая и произошла в 1905 году, породив еще несколько сочинений о конкордате.

В связи с этим предметом стоит другой вопрос — о взаимных отношениях Наполеона и папы Пия VII, о понтификате которого есть книга Artaud (*Vie et pontificat du pape Pie VII*). См. Wetschinger. *Le pape et l'empereur*. — E. Rodocanachi. *Pie VII et le couronnement de Napoléon. 1900*. — Chotard. *Le pape Pie à Savone. Mayol de Lupré. La captivité de Pie VII. 1912*. — Geoffroy de Grandmaison. *Napoléon et les cardinaux poirs. 1895* (кардиналы, которых Наполеон лишил права одеваться в красный цвет за демонстративное их отсутствие на бракосочетании его с Марией Луизой).

3. Из изданных при Наполеоне кодексов законов особенно важное место принадлежит Гражданскому кодексу, даже носившему, в течение долгого времени, название «Наполеонова» (ныне просто *Code civil*); другие кодексы были — гражданского и уголовного судопроизводства, торгового права и уголовных законов. Sévin. *Études sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon*. — Troplong. *De l'esprit démocratique dans le Code civil*. — Pérouse. *Napoléon et les lois civiles du consulat et de l'empire*. — Leroy. *L'esprit de la législation napoléonienne. 1898*. — Joc. *Napoléon et le code civil. 1898*. В ознаменование сотой годовщины издания Гражданского кодекса вышла в 1904 г. книга под заглавием „*Le Code civil. Livre du centenaire, publié par la Société des études législatives*“, откуда в «Журн. Мин. Юстиции» за 1905 год переведены две статьи: А. Сорель. Историко-культурное значение гражданского кодекса и Р. Салейль. Французский гражданский кодекс и исторический метод (всего в сборнике помещено около сорока статей). Кроме того, по случаю юбилея написаны и две русские работы: Л. Кассо. К столетию кодекса Наполеона (*Журн. Мин. Юстиции, 1904*). —

Юшкевич. Наполеон на поприще гражданского правоправедения и законодательства. 1905. Такой же характер имеет переводная работа: М. Леруа. Старое и новое право. К столетию кодекса Наполеона. 1907.

4. Экономическая политика Наполеона менее привлекала к себе внимание исследователей эпохи. Единственный вопрос, разрабатывавшийся ими в этой области, это был вопрос о континентальной блокаде, о которой писали в более близкое к нам время: A. Lumbroso. *Napoleone e l'Inghilterra. Saggio sull'origine del blocco continentale. 1897*. E. Ro. *Bibliografia del blocco continentale*. — F. Bertin. *Le blocus continental, ses origines, ses effets. Études de droit international (1901)*. — A. von Peez und Paul Dehn. *Englands Vorkherrschaft. Aus der Zeit der Kontinentalsperre (1912)*. Впрочем, во всех этих работах выдвигается на первый план международное значение континентальной блокады, экономическое же ее значение особенно разработано в громадном труде Е. В. Тарле «Континентальная блокада» (1913), о которой см. мою статью в «Голосе Минувшего» за 1913 год.

5. О положении печати при Наполеоне, кроме общих сочинений по истории прессы во Франции, имеют значение следующие работы: Gustave Poitevin. *Histoire de la liberté de presse depuis la révolution jusqu'à 1815 (1901)*. — Wetschinger. *La censure sous le premier empire. 1886*. — Интересная статья о том же предмете была написана Е. В. Тарле на основании архивных документов в журнале «Русское Богатство» за 1913 г. Во французской журналистике этой эпохи особенно видное место занял „*Journal des débats*“, о котором есть работы Nettement (*Histoire du „Journal des débats“*) и Heurtant (*Le „Journal des débats“ sous le consulat et l'empire. Le livre du centenaire. 1889*). В общем, публицистика в эту эпоху была очень стеснена, и литературная производительность значительно понизилась. Merlet. *Tableau de la littérature française de 1800 à 1815*. — А. Шахов. Французская литература в первые годы XIX века. 1875. Его же. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. 1894.

6. Наполеон был организатором народного образования во Франции, учредив для этого особое ведомство, в котором все было подчинено правительственной перламентации и бюрократической дисциплине. Liard. *L'enseignement supérieur en France depuis 1789 à 1889*. — Schmidt. *La réforme de l'université impériale en 1811 (1906)*. — A. Aulard. *Napoléon I et le monopole universitaire*.

7. О состоянии общественной жизни во Франции при Наполеоне дают представление следующие книги: A. de Cilleuls. *L'esprit public sous le consulat et l'empire. 1896*. —

De Broc. La vie en France sous le premier empire. 1895.— Gilbert Stenger. La société française sous le consulat. 1903 и след.—Lanzac de Laborie. Paris sous Napoléon I. 1905 и сл.—H. Bouchot. Le luxe français. Empire. Любопытнейшую сторону общественного настроения представляют собою военные заговоры при Наполеоне.—Guillon. Les complots militaires sous le consulat et l'empire. 1894. Самый известный из этих заговоров был устроен в 1812 году генералом Мале. Hamel. Histoire des deux conspirations de Malet. 1873.

Такова разработка внутренней истории Франции при Наполеоне, отличающаяся большою неравномерностью. Напр., о конкордате и о гражданском кодексе было писано очень много, но экономическая история эпохи разработана очень слабо, и, главным образом, только указанный выше труд Е. В. Тарле о континентальной блокаде может быть указан, как руководящий для всякого, кто хотел бы ближе познакомиться с некоторыми сторонами экономической истории Франции при Наполеоне¹⁾. Можно даже сказать, что литература по внутреннему состоянию Франции гораздо беднее, нежели по тому же предмету в последнюю пору старого порядка и при революции. Зато необычайно богата литература по дипломатической и военной истории этого периода.

От наполеоновской эпохи Франция унаследовала административную централизацию с должностью префекта в каждом департаменте, военную дисциплину в бюрократическом строе управления, конкордат, гражданский кодекс и несколько еще черт, которые возродились при второй империи, как, напр., полицейский шпионаж.

Что наполеоновская эпоха была предметом великого множества трудов по дипломатической и особенно военной эпохе, очень понятно. Война была специальностью Наполеона. Он был одним из величайших полководцев во всемирной истории война его возвысила; все время его правления во Франции, за исключением небольшого перерыва в начале консульства, он вел войны чуть не со всеми европейскими государствами, неоднократно переделывал карту Европы и пал лишь тогда, когда военное счастье ему изменило.

Выше (стр. 93) были указаны общие библиографические труды по наполеоновской эпохе, но кроме того, еще существуют и частные работы по библиографии внешней политики

¹⁾ К числу довольно разработанных предметов относится еще еврейский вопрос при Наполеоне, по которому существует целый ряд работ, причем Наполеон выставляется, то благожелателем евреев, то антисемитом (книга Boissan d'ré так и называется «Napoléon antisémite». 1900).

Наполеона, принадлежащие перу Э. Дрио (E. Driault). Редактор специального органа по истории наполеоновской эпохи, он предпринял недавно и общий труд по внешней политике Наполеона, первый том которого вышел в 1910 году под заглавием „La politique extérieure du premier consul“. Одна из библиографических работ Дрио в „Revue d'histoire moderne et contemporaine“ за 1911-1912 г. г., другая — в „Annales révolutionnaires“ за 1911 г., обе под заглавием «Внешняя политика Наполеона». Эта литература так обширна и так разнообразна, что с трудом поддается какой-либо классификации.

Наиболее общим трудом по внешней политике эпохи являются последние томы уже называвшейся книги Сореля «Европа и французская революция». Кроме этого труда, написанного французом, для франко-германских отношений указываем на большой том Онкена, входящий в его известную коллекцию¹⁾, и IX том «Кэмбриджской новой истории»²⁾ для отношений англо-французских, хотя в обоих внешних история составляет только часть изложения. Общее международное состояние Европы освещают еще: книга, во многом теперь, конечно, устаревшая, А. Лефевра (A. Lefèvre. Histoire des cabinets de l'Europe. 1845), XV том „Études sur l'histoire de l'humanité“ Лорана (ср. выше, стр. 36), целиком посвященный империи, — труда, написанного с точки зрения развития международного права, — и новая книга как-раз о международном праве наполеоновской эпохи под заглавием: E. Chevalay Essai sur le droit de gens napoléonien d'après la correspondance (1912).

Среди исторических работ о войнах Наполеона нужно различать такие, в которых говорится, главным образом, о военных действиях, о походах и переходах войск, об отдельных битвах и других чисто военных эпизодах, и такие, где на первом плане только политическая сторона дела, т. е. причины и следствия войн, их дипломатическая сторона и их значение в общей истории эпохи или в истории отдельных стран за это время. Книги и статьи первой категории могут быть интересны и понятны лишь специалистам военного дела, а потому из нашего обзора исключаются, и мы останавливаемся лишь второй³⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 39

²⁾ Cambridge Modern History. Ср. стр. 37.

³⁾ Для русских читателей особый интерес представляют труды по истории русско-французских отношений в эту эпоху, начиная с суворовских походов в Италию. Для последних назовем общие сочинения о Суворове (Дубровина и Петрушевского) и такие специальные труды, как: O. Hartmann Der Anteil der Russen am Feldzug von 1799 in der Schweiz. 1892. — Н. А. Орлов. Разбор военных действий в Италии в 1799 году. 1892. — Gachot. Souvorow en Italie. 1903. Все это относится к чисто военной истории. Первые 15 лет XIX в. во

Хронологически эту эпоху в международной истории Европы разделяют на периоды по образовавшимся против Франции коалициям.

В своем дальнейшем изложении мы предпочитаем, однако, держаться географического порядка, т. е. рассматривать отношения между Францией и другими странами Западной Европы, во первых, потому, что это дает возможность обозреть книги по истории этих стран за всю эпоху, а во-вторых, по той причине, что сама обозреваемая литература имеет именно такой характер.¹⁾

Австрия. Войну с Австрией, начавшуюся еще в 1792 году, Наполеон закончил, в бытность свою главнокомандующим итальянской армией, кампо-формийским миром, по которому Австрия отказывалась от Бельгии и Ломбардии, получив в вознаграждение часть венецианской территории, и обещала не противиться присоединению левого берега Рейна к Франции за обещание расширения австрийской территории на счет соседних германских земель. Об этом см. указанные выше (стр. 86) труды Hüffer'a и Langwert von Simmern'a и касающиеся падения Венеции. Это было в 1797 году; в 1799 г. Австрия примкнула к коалиции против Франции, но после новых побед Наполеона в Италии и в Германии была вынуждена заключить люневильский мир 1801 г., подтверждавший условия первого. Hüffer. Der Krieg des Jahres 1799 und die zweite Koalition. 1905. — Период от люневильского мира до брака Наполеона с дочерью австрийского императора Марией-Луизой²⁾ рассмотрен в труде Беера об австрийской политике за эти десять лет (A. Beer. Zehn Jahre oesterreichischer Politik. 1877).

франко-русских отношениях рассматриваются и с чисто политической точки зрения в ряде трудов о царствовании Александра I (Богдановича, Соловьева, Надлера, Шильдера), в двух книгах, специально посвященных отношениям между Александром и Наполеоном (Vandal. Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire. — Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite) и в трудах об отечественной войне 1812 с ее продолжением в след. годах, о чем см. в соответственном выпуске настоящего издания, относящемся к истории России. Важны и издания дипломатических документов в «Сборнике Русского Исторического Общества» (томы 70, 77, 82 и 83 с введением А. С. Трачевского и 89 с введением Н. К. Шильдера) и в трех томах вел. к. Николая Михайловича (Дипломатические сношения 1905 — 1912 г.).

¹⁾ См. в IV томе «Истории Западной Европы в новое время» главы II (Влияние французской революции на Европу), VIII (Господство Франции в Европе при Наполеоне I), XI (Внешняя оппозиция против империи Наполеона I) и XII (падение империи), где указаны некоторые второстепенные сочинения, не входящие в наш обзор.

²⁾ Для этого брака Наполеон развелся с первой своей женой, Жозефиной Богарне, о чем специальные работы Welschinger'a (1889) и Calmet de Santerre (1894), обе под заглавием: «Le divorce de Napoléon», а о Марии Луизе новейший труд Masson'a (1902).

На этот период приходятся аустерлицкая битва трех императоров (Furse. Ulm, Austerlitz, Trafalgar. 1905), принятие австрийским государем императорского титула, который он носил до того времени (1804) лишь по Германии, пресбургский мир, лишивший монархию Габсбургов многих территорий (1805), выключение Австрии из Германии (1806), новая неудачная война с Наполеоном и унижительный для Австрии мир венский (или шёнбруннский) 1909 года. В числе территориальных потерь были часть Каринтии, Крайна, Триест, Фриуль, из которых вместе с Далмацией, Истрией и Рагузой¹⁾ составлено владение под названием Иллирии²⁾. После этого Австрия была в полном подчинении у Наполеона. Только в одной из отторгнутых от нее областей, в Тироле, в 1909 году было восстание против французов. О вожде этого восстания и о нем самом соч. Normoy'a, Bartholdy (La guerre contre les paysans du Tyrol en 1809), Saint Clair (André Hofer et l'insurrection du Tyrol. 1881). За весь этот период до начала войны за освобождение во внутренней жизни Австрии был полный застой. Krones. Geschichte Oesterreichs im Zeitalter der französischen Kriege.

Англия. Из всех государств самую упорную борьбу с Наполеоном вела Англия. Примкнув к первой коалиции в 1793 году, она только в короткий период амьенского мира 1802 года, не воевала с Францией. Общими трудами по английской политике этой эпохи являются VIII и IX томы «Кэмбриджской новой истории»³⁾ и труд Мэхена (Mahan). Influence of sea-power upon the french revolution and empire. (1892), существующий и в русс. пер. (см. выше, стр. 84). Против Англии были направлены и египетская экспедиция Наполеона и его континентальная блокада, литература о которых указана выше, а кроме того, занятие в Германии Ганновера, принадлежавшего английскому королю (Ompteda. Die Ueberwältigung Hannovers durch die Franzosen. 1862) и многие другие действия, в том числе попытки сделать вторжение в самую Англию, о чем есть несколько работ: Ed. Desbrière. Projets et tentatives de débarquements aux îles Britanniques. 1900. — F. Nikolay Napoléon I au camp de Boulogne, d'après de nombreux documents inédits. 1906. — Wheeler and Broadley. Napoleon and the invasion of England. 1907. — Поражение французского флота при Трафальгаре положило конец всем надеждам Наполеона в этом направлении⁴⁾.

¹⁾ F. Kirchmayer. La caduta della repubblica di Ragusa. 1900.

²⁾ T. Erber. Storia di Dalmazia del 1797 al 1814 (1886 — 1890) и Pisani. La Dalmatie de 1797 à 1815. Episode des conquêtes napoléoniennes. 1893.

³⁾ См. выше (стр. 37).

⁴⁾ См. соч. Furse, указ. на этой стр.

В связи с этим указываю на биографии англ. адмирала Нельсона, написанные рядом авторов: Mahan (2 изд. 1899), Fischette (1902), Holm (1905) и др.

Бельгия. Одновременно с французской революцией происходила революция в австрийских Нидерландах, и очень рано они были завоеваны Францией. О господстве Франции в Бельгии уже указано (стр. 85) сочинение Delahaise ¹⁾. До самого конца империи эта страна находилась в ее составе, и окончательная катастрофа Наполеона при Ватерлоо произошла здесь же. Balau. La Belgique sous l'empire et la défaite de Waterloo. 1894. — De Lanza de Laboie. La domination française en Belgique 1895.

Германия. Французская революция и Наполеон I произвели целый переворот в Германии в результате ряда побед над немецкими правительствами. Литература, относящаяся к этому, особенно обширна. Кроме трудов, указанных выше (стр. 85), и общих трудов по истории Германии за это время, каковы L. Häusser. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrich des Grossen bis zur Gründung des Deutschen Bundes (1861—63); Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert (1879 и сл.), E. Denis. L'Allemagne de 1789 и 1815 (1896) и др. менее важных, равно как некоторых трудов по австрийской и прусской истории за тот же период, более существенное значение имеют работы, касающиеся отдельных моментов этой истории и отдельных частей Германии.

После люневильского мира началось сокращение в Германии составлявших ее владений, благодаря секуляризации духовных княжеств и медиатизации мелких владений и имперских городов. Aegidi. Der Fürstenrath nach der Luneviller Frieden. 1853. — A. Kleinschmidt. Die Saecularisation von 1803 (1887). После пресбургского мира Германская империя разложилась, и Наполеон образовал из центральных частей Германии, т. е. к западу от Австрии и Пруссии так называемый Рейнский союз. Usinger. Napoléon, der Rheinische und der Nordische Bund. 1845. — K. Beck. Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbunds 1890. Позднее Наполеон присоединил к своей империи, кроме левого берега Рейна, уже раньше входившего в ее состав (G. Lote. La rive gauche du Rhin de 1792 à 1814 в „Rev. des études napoléoniennes“ за 1915 г.) всю с.-з. Германию вдоль Немецкого моря (ср. Lavallée. Les frontières de la France). Карта Германии за это время менялась, и в ней возникали новые государства, каковы были Вестфальское королевство Наполеонова брата Иеронима (Goëke und Ilgen. Das Königreich Westfalen. 1888), а также соч. Kleinschmidt'a, Zwiedinek-Südenhorst'a,

¹⁾ Это очень обширный труд, шестой том которого вышел в 1912 году.

Martinet Jérôme Bonaparte roi de Westphalie, 1902), Бергское великое герцогство (Goëke Das Grossherzogtum Berg. 1877. — Ch. Schmidt. Le grand duché de Berg. 1905), франкфуртское герцогство (P. Darmstädter. Das Grossherzogtum Frankfurt 1901), отданное майнцкому архиепископу Дальбергу (Von Beaulieu-Maronnay. Karl Dalberg und seine Zeit. 1879). Из всех государств Рейнского союза наибольшее приращение получила Бавария, которую в духе системы Наполеона управлял королевский министр Монжеля (Eckart. Bayern unter dem Ministerium Montgelas. — Hoffmann. Oeconomische Geschichte Bayern unter Montgelas. 1885). Другие германские государства были уничтожены, как, напр., Ганновер (Havemann. Das Kurfürstentum Hannover unter zehnjähriger Fremdherrschaft. 1867. — Thimme. Die inneren Zustände des Kurfürstenthum Hannover unter der Fremdherrschaft. 1893 — 1894). Конечно, все эти более или менее внешние изменения сопровождались и большими переменами во внутреннем быту немецких земель. (Pertles. Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft. Servières. L'Allemagne française (1904). — A. Lichtenberger. L'Allemagne depuis Leibnitz (есть рус. пер.). — Herbert Fisher. Studies in napoleonic statesmanship. Germany. 1903. — A. Rambaud. L'Allemagne sous Napoléon).

Голландия. В эпоху революции Нидерландские Соединенные Штаты были превращены в единую и нераздельную Батавскую республику (1795), которая потом сделалась Голландским королевством под властью Наполеонова брата Людовика (1806), пока не вошла, по воле Наполеона, в состав самой империи. Литература обо всем этом такая: L. Legrand. La révolution française en Hollande. 1895. — Jorissen. Napoléon et le roi Louis 1868. — Rocquain. Napoléon I et le roi Louis. 1875. — Dubosq. Louis Bonaparte en Hollande. 1911.

Испания. Государства Пиринейского полуострова, т. е. Испания и Португалия (особенно первая), были очень близко втянуты в события, порожденные наполеоновской политикой. E. Guillon. Les guerres d'Espagne sous Napoléon. 1902. — Geoffroy de Grand-Maison. L'Espagne sous Napoléon 1908. — P. Conard. Napoléon et la Catalogne. 1910. В 1808 году, в Байоне, произошла вынужденная Наполеоном у испанского королевского дома сделка, по которой испанская корона перешла к Наполеону, передавшему ее потом своему старшему брату Иосифу, переведенному в Испанию с неаполитанского трона. P. Conard. La constitution de Bayonne. 1910. В Испании, однако, произошло восстание против французов, во время которого в Кадиксе собравшимися там кортесами была выработана знаменитая испанская конституция 1812 года. H. Gmelin. Studien zur spanischen Verfassungsgeschichte im XIX Jahrhun-

dert. 1905. Общие истории Испании имеются в изложениях Baumgarten'a (*Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution*), А. С. Трачевского (История Испании в XIX веке) и др.

Италия ранее других западно-европейских стран испытала на себе влияние революции, когда в ней были основаны республики: Цизальпинская, Лигурийская, Римская и (на очень короткое время) Партенопейская, литература о чем указана выше (стр. 86). В 1799 г. все эти французские создания были разрушены, но в 1800 году было начато Наполеоном новое завоевание Италии, которая и сделалась скоро его достоянием (E. Driault. *Napoléon en Italie*. 1906). После нескольких перемен Италия получила такой вид: Пьемонт, Тоскана, часть Папской Области вошли в состав Франции; из Ломбардии, Венецианской области и части Папской области образовано было королевство Итальянское, государем которого был сам Наполеон (наместником пасынок его Евгений Богарне; в Неаполитанском королевстве (без Сицилии), царствовал сначала брат Наполеона Иосиф, потом зять Иоахим Мюрат. Кроме того, было маленькое княжество Лукка. После присоединения Папской Области, Рим был объявлен второй столицей империи, а когда у Наполеона родился сын, то ему был дан титул римского короля. Pouvilleon. *Le roi de Rome* (1900). Общие работы по этой эпохе: Ruth. *Geschichte des italienischen Volkes unter der napoleonischen Herrschaft*. 1859. — Castro. *Storia d'Italia dal 1799 al 1814*. (1881). — G. Ferrari. *La rivoluzione ed i rivoluzionari in Italia dal 1796*. (1901). — Lemmi. *Le origini del risorgimento italiano. 1789 — 1815*. (1906). Для итальянского королевства очень важна книга Е. В. Тарле «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» (1916), написанная на основании неизданных источников. Биографии Евгения Богарне Pulitzer'a (1894), Melzi d'Eril (1897), H. Weil (1901—1902). — Для истории Папской Области имеют значение: L. Madelin. *La Rome de Napoléon. La domination française à Rome de 1809 à 1814* (1906), а также работы об отношении к папству (см. выше, стр. 99). Особенно большая литература имеется для истории Южной Италии: R. M. Johnston. *The Napoleonic empire in southern Italy and the rise of secret societies* (1904; два тома). — Jacques Rambaud. *Naples sous Joseph Bonaparte*. 1911. — H. Weil. *Le prince Eugène et Murat*. 1900. — Chavanon Saint-Ives. *Joachim Murat*. 1905. — A. Espitalier. *Napoléon et le roi Murat*. 1910.

Библиография о французском влиянии в Италии в эту эпоху дана еще в книге Dejob. «*M-me Staël et l'Italie*».

Польша. Последние два раздела Польши произошли в начале революционных войн, и польские эмигранты массами устремились во французские войска, надеясь, что Франция восстано-

вит их государство. В 1807 году Наполеон из земель, доставшихся Пруссии по 2 и 3 разделам, устроил герцогство Варшавское, которое увеличил в 1809 году территорией, полученной Австрией по третьему разделу. В новом государстве было отменено крепостное право на крестьян и введен Наполеонов кодекс. Handelsmann. *Napoléon et la Pologne*. 1909. — Skarbek. *Historia księstwa Warszawskiego*. 1860, вт. изд. 1876. — Rembowski. *Z życia konstytucyjnego w księstwie Warszawskim*. 1905. — Wł. Kozłowski. *Autonomia Królestwa Polskiego*. 1907 (в книге есть о предыдущем периоде). — Askenazy. *Ks. Józef Poniatowski*. — Żułtowski. *Die Finanzen des Herzogtums Warschau*. 1890—1892.

Пруссия. Литература о Пруссии в эту эпоху особенно велика. Сочинения о борьбе Пруссии с революционной Францией указаны были выше (стр. 86). В 1806 г. Пруссия потерпела страшное поражение при Иене (H. Houssaye. *Jena et la campagne de 1806*. Посмертный труд, дописанный Madelin'ом. 1912), что совершенно обессилило это государство (Clausewitz. *Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe*, 1888). Прусская политика в эту эпоху рассматривается в ряде трудов: Hassel. *Geschichte der preussischen Politik* (1807 — 1815). 1881, равно как тех, которые посвящены войне за освобождение Германии в 1813 г. (о чем ниже). Но особенно многочисленны и важны труды о внутренних реформах, тогда произведенных, и о деятелях этих реформ, общий очерк которых дан в главе X четвертого тома «Истории Западной Европы» с более подробной библиографией. Cavaignac. *La formation de la Prusse contemporaine* (начиная со 2 тома, вышедшего в 1897 г.). — Neubauer. *Preussens Fall und Erhebung* (1806 — 1815). 1909. — J. Vidal de la Blache. *La régénération de la Prusse après Jena*. 1910. — Knapp. *Die Bauernbefreiung in den älteren Theilen Preussens*. 1887 (есть рус. пер.). — F. Meier. *Die Reform der Verwaltungsorganisation unter Stein und Hardenberg*. 1881. — Много было писано и о прусских реформаторах эпохи. Pertz. *Das Leben des Ministers von Stein*. 1849—1855. — Seeley. *Life and times of Stein* (есть нем. пер. 1883—1887). — Lehmann. *Freiherr von Stein*. 1902. — L. von Ranke. *Hardenberg und die Geschichte des preussischen Staates von 1793 bis 1813*. — F. Noack. *Hardenberg und das geheime Cabinet Fr.-Wilh. III*. 1881. — Lehmann. *Scharnhorst*. 1886. — Klippel. *Das Leben von Scharnhorst*. 1869. — Соч. о Тугендбунде Voigt'a (1850), Lehmann'a (1867) и др. В русской литературе этой эпохе особенно пострадалось: Ю. Ф. Самарин. Уничтожение крепостного права в Пруссии. 1859. — Р. Ю. Виппер. Государственные идеи Штейна (в «Рус. Мысли» за 1891 г., VIII). — А. Назимов. Реакция в Пруссии. 1886 (начало книги). — Н. В. Молчановский. Цеховая система в Пруссии XVIII века и реформа цехов при Штейне и Гарденберге.

Швейцария. В эпоху революции Швейцария была превращена в Гельветическую республику, «единую и нераздельную» — но потом федеративный строй был восстановлен, причем Наполеон сыграл роль покровителя Швейцарии, но отнял у нее Женеvu и кантон Валлис, присоединенные к Франции. G. Steiner. *Napoleon's Politik und Diplomatie in der Schweiz*. 1906. — Б. Э. Нольде. Постоянно нейтральное государство. 1905 (в главе I).

Швеция. Это государство было из наиболее упорных членов антифранцузской коалиции, вследствие чего лишилось своей части Померании в Германии и всей Финляндии. Шведы заставили короля Густава IV отречься от престола, который занят его дядею под именем Карла XIII, в свою очередь усыновившим вскоре французского маршала Бернадотта и объявившим его наследником престола. Chr. Schefer. *Bernadotte roi* (1899). — L. Pingaud. *Bernadotte, Napoléon et les Bourbons*. 1901. О молодости Бернадотта в 1914. вышла англ. книга D. Plunkett Barton, где биография будущего шведского короля доведена до 1799 г.

Обозрев литературу об отношении отдельных государств к Франции и отчасти о внутренней их жизни, возвратимся к Наполеону, могущество которого достигло наибольшей своей точки в 1810 — 1812 годах. В предыдущий обзор не вошли еще сочинения о его широких, «империалистических» планах, имеющиеся в литературе: G. Koloff. *Die Kolonialpolitik Napoleons I*. 1899. — E. Driault. *La politique orientale de Napoléon*. 1904. — E. Rodocanachi. *Bonaparte et les îles Ioniennes*. 1899. В самой Европе Франция достигала небывалых размеров, и братья французского императора (Du Casse. *Les rois frères de Napoléon*) и другие государи, находившиеся под его протекторатом, представляли собою как бы вассалов его державы. Но в то же время стали все чаще встречаться признаки оппозиции создавшемуся положению дел как внутри Франции, так и вне ее, когда началось восстание в Испании, другое вспыхнуло в Тироле (см. выше, стр. 105), а в одно время с ним (в 1809 г.) происходило брожение против французского ига в Вестфальском королевстве, и безумно-храбрый майор Шилль попытался овладеть Штральзундом и сделать его опорным пунктом для восстания в Германии. Rudolf Goette. *Das Zeitalter der deutschen Erhebung* (1807 — 1815). 1891 — 1892. — Lyncker. *Geschichte der Insurrectionen wider den westphälischen Gouvernement*. 1860. — Kühlman. *Die öffentliche Meinung in Sachsen während der Jahre 1806 bis 1812* (1906). — Joubert. *Le major Schill*. 1877. — Binder von Krieglstein. *Ferdinand von Schill*. 1902.

Неудача русского похода 1812 года положила начало концу империи Наполеона, когда в самом Париже был сделан

генералом Мале дерзкий шаг к низвержению императора (см. выше, стр. 102). Были и другие признаки недовольства постоянной войной, рекрутскими наборами, увеличением тяжелых налогов, последствиями континентальной блокады и вообще деспотизмом Наполеона. Более всего, однако, недовольство царило в покоренных странах. Французы начали в 1792 году войну, как освободители народов, что так сильно и помогло им в начале войны, но теперь они являлись поработителями, и французские же идеи о свободе стали теперь служить поработенным нациям в их борьбе с поритеснителями, причем кое-где совершались и реформы в освободительном духе (прусские реформы, испанская конституция 1812 года). В числе причин неудач в борьбе с Францией было то, что правительства воевали только армиями, не допуская самостоятельного проявления народных сил. Пример испанского национального сопротивления показал, что значит народная война, а пример России в 1812 г. лишь подтвердил это: правительства стали опираться на народы и давать им заманчивые обещания в то время, как Наполеон уже не решался на народную войну, когда после изгнания французов из Германии, союзники явились на территории самой Франции. Другим благоприятным для французов обстоятельством было то, что среди ее врагов не было раньше полной солидарности, которая теперь, в 1813 и 1814 годах, а потом и в 1815 показала все свое значение, как одно из условий победы. Все это и привело к поражению Наполеона.

Эти 1813 — 1815 годы имеют большую историческую литературу, из которой указываем наиболее важное: Sybel. *Die Erhebung Europas gegen Napoleon*. 1860. — Pflug-Harttung. *Napoleon. Das Erwachen der Völker*. 1901. — Droysen. *Vorlesungen über das Zeitalter der Befreiungskriege*. 1886. — Oncken. *Oesterreich und Preussen in Befreiungskriegen*. 1876. — Charras. *Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne*. 1866 (есть нем. перевод). — Th. Juste. *Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la formation du royaume des Pays-Bas*. 1870. — Reboul. *La campagne de 1813* (1910). — G. Clément. То же заглавие (1904). — Богданович. *История войны 1814 года* (1865). — A. von Janson. *Der Feldzug von 1814* (1902 — 1905). — Lefèvre de Behaine. *La campagne de France. Napoléon et les alliés sur le Rhin*. 1915. — Balau. *La Belgique sous l'empire et la défaite de Napoléon*. 1894. — A. Lumbruso. *L'agonia di un regno. Gioachino Murat al Pizzo*. 1905. — M. H. Weill. *J. Murat. La dernière année du règne*. — Helfert. *J. Murat, seine letzten Kämpfe und sein Ende*. 1878.

Это падение Наполеона (Wolseley. *Le déclin et la chute de Napoléon*. 1894. — O. von Settow-Vorbeck. *Napoleons*

Untergang. 1904) получило превосходное изображение в трудах Henry Houssaye под заглавиями «1814» (в 1894 г. 12-ое издание), «1815» (1893, 1899 и 1905) и «La première restauration, les Cents-jours, la seconde abdication de Napoléon (1905). Эти книги особенно важны для внутренней истории Франции в конце империи. Интересна и книга Darest de la Chavanne. *Physionomie de Paris en 1815* (1878). Между прочим, в 1815 году Наполеон по возвращении своем с острова Эльбы, где он был интернирован ¹⁾, согласился на изменение конституции в либеральном смысле, о чем см. написанную в бонапартистском духе книгу L. Radiguet (*L'acte additionnel aux constitutions de l'empire*. 1911), а также четвертую главу в книге В. А. Бутенко (Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. 1913). Но скоро произошла битва при Ватерлоо и отправка Наполеона на остров св. Елены ²⁾.

Наполеон оставил после себя большой след в истории Франции не только в виде сохранившихся после него учреждений и законов, но и в той бонапартистской традиции, которая в свое время содействовала восстановлению во Франции империи, в 1852 году и живет до сих пор, между прочим, в исторической литературе имеющих в некоторых своих произведениях, бонапартистский характер. Вопрос этот, однако, выходит из хронологических рамок настоящего обзора. Но прямо уже к нашему предмету относится зарождение в Наполеоновской Франции двух идейных течений, которые потом вели между собою борьбу: течений реакционного, представителями которого в эту эпоху были Бональд, Жозеф де-Местр и Шатобриан, и либерального, главными выразителями которого были г-жа Сталь и Бенжамен Констан. Указываем здесь на относящуюся к этому предмету литературу: Brandes. *Die Hauptströmungen der Literatur des XIX Jahrhunderts* (есть рус. перев.). — Шахов. *Французская литература в первые годы XIX века* (1875) и *Очерки литературного движения в первую половину XIX века* (1894). — Sainte-Beuve. *Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire* и другие о нем книги: Lescure, *Gambert de la Garde* (1900), Lady Blennerhasset (1903), Giraud (1904), Alb. Cassagne. (1911), рассматривающие Шатобриана и в следующей эпохе. Bourget et Salomon. Bonald 1905. — Paulhan. Joseph

¹⁾ Эпизод пребывания Наполеона на Эльбе освещен в таких работах, как: M. Pellet. *Napoléon à l'île d'Elbe*. 1889. — P. Gruyer. *Napoleon king of Elbe*. 1906 — U. Mellini. *Isola Elba durante il governo di Napoleone*, 1914.

²⁾ Интерес к личной судьбе Наполеона породил тоже большую литературу, T. Silvestre. *De Waterloo à Sainte-Hélène*. 1904. — Betzy Balcombe. *Napoléon à Sainte Hélène 1890*. — Lord Rosebery. *Napoleon, the last phase*. 1900 (есть франц. пер.). — P. Frébureau. *Les derniers jours de l'empereur*. 1908.

de Maistre et sa philosophie (1893) и новейшие труды Mandoul (1900), E. Grasset (1901), Latreille (1906), Vesins (1907), E. Daudet (1908), О г-же Сталь. — Lady Blennerhasset, *M-me de Staël et son temps*. 1890, — Dejob. *M-me de Staël et l'Italie*. 1890. — A. Sorel (1890). — Matteucci (1910; по итал.). — С. Вайнштейн (рус. кн.). — Об отношении Сталь к Наполеону и его к ней: B. Gautier. *M-me Staël et Napoléon*. 1903. — Bousquet. *Essai sur la politique de m-me Staël* 1903. — E. Chapuisat. *M-me de Staël et la police*. 1910. — М. Ковалевский. *Молодость Бенжамена Констан* (Вестн. Евр. за 1895 г.). — G. Rudler. *La jeunesse de Benjamin Constant* 1909. — Его же. *Bibliographie critique des oeuvres de Benjamin Constant*. 1909. — G. de Lauris. *Benjamin Constant et les droits individuels* (или в другом издании: *et les idées libérales*). 1903. — E. Rod. *Les idées politiques de Benjamin Constant*. 1904. — В 1905 году была издана отдельной брошюрой статья Лабуле о политических идеях Бенжамена Констан, предпосланная сделанному под ред. Лабуле изданию сочинений этого представителя либерализма.

Названные представители литературы начала XIX века принадлежали к числу немногих в эту эпоху, которые писали по политическим вопросам, бывшим так сказать, не ко времени при Наполеоне I. Это была эпоха, когда частные люди могли проявлять себя, лишь в философской и научной мысли, в литературной и художественной деятельности, вследствие чего их биографии могут быть особенно интересны только с точки зрения историй философии, науки, литературы и искусства. Не забудем, что современниками Наполеона были крупные мыслители Германии (Кант, умерший, правда, в 1804 году, Фихте, Шеллинг, Гегель) и французские философы, начавшие реакцию против сенсуализма и материализма XVIII века (Ройе-Коллар, Мэн-де-Бيران и Кузен), ряд выдающихся ученых (Лаланд, Лаплас и др.), поэтов (в Германии Гёте и т. д.), художников (живописец Давид и пр.), но их биографии не имеют отношения к политической истории за редкими исключениями эпизодического характера ¹⁾. Главными деятелями эпохи были не теоретики, а практики, не частные люди, свободные общественные деятели, а слуги государства на гражданском и военном поприщах.

Эпоха войн, продолжавшихся почти четверть века, выдвинула вперед несколько замечательных военных деятелей, из которых некоторые попали в маршалы империи и вообще явля-

¹⁾ Сюда относится, напри., патристическое выступление Фихте в «Речах к немецкой нации», патристическая лирика Кёрнера и т. п.

лись сподвижниками Наполеона даже и не на одном военном поприще, но в громадном большинстве случаев их биографии не представляют интереса для общей истории. Лишь очень немногие из них достигли такого положения, как Мюрат, сделавшийся королем неаполитанским (выше стр. 108, ш), или Бернадотт, ставший наследником шведского короля, а затем и сам королем (выше стр. 110). Мало кто из военных деятелей революции не уверовал в звезду счастливого корсиканца, как это можно сказать о Карно (выше стр. 63), от него отставшем, или о Моро, пострадавшем за свое оппозиционное отношение к Наполеону (J. Dautenville. Le général Moreau. 1899).

Многие из деятелей революции и даже из якобинцев были потом видными сподвижниками Наполеона в деле гражданского управления. Талейран (выше, стр. 65) и Фуше (выше стр. 65; особ. Madelin. Foucher. 1910) сделали министрами, один иностранных дел, другой полиции, тотчас же после переворота 18 брюмера, тоже произведенного при помощи таких деятелей революции, как Сьейес (выше, стр. 65) и Баррас¹⁾. Некоторые из сподвижников Наполеона оставили интересные мемуары об его эпохе, особенно Шапталъ (выше стр. 96) и Пакье, бывшей префектом полиции.

Наиболее видные государственные люди в других странах охотно следовали правительственной практике Наполеона. Нельзя этого сказать о Штейне (выше стр. 109), который в своем консерватизме одинаково не любил ни революции, ни просвещенного абсолютизма, но тем не менее производил реформы в их духе, другой же прусский деятель эпохи, Гарденберг (выше, стр. 109), был большим почитателем правительственной системы Наполеона, как и наш Сперанский или баварский министр Монжела (выше стр. 107).

Только Англия, вообще в эту эпоху стоявшая особняком со своим парламентским правлением и с непримиримым отношением к Наполеону, избежала этого почти общего влияния правительственной системы Наполеона. Как главным врагом революции в ней был Бёрк (выше, стр. 37) о котором есть книги Mac-Knight (1861), Morley (1867), Schädel (1898) и др., так потом был врагом и революции, и Наполеона знаменитый Виллиам Питт Младший, биографии которого писали Lord Stanhope, Walford (1890), Lord Rosbeery (1892), F. Salomon (1901; по нем.), Ruville (1907). Англия же выставила двух победителей Наполеона: Нельсона (выше, стр. 106) при Трафальгаре и Веллингтона при Ватерлоо.

1789 год открыл эпоху бурной борьбы старых и новых общественных сил, старых традиций и новых теорий. Наполеоновская эпоха для Франции была прекращением этой борьбы, но для Европы ее продолжением по отношению к старым и новым формам жизни, но без участия общественных сил, а исключительно при воздействии правительств, дипломатов, генералов. На континенте Европы настала пора возрождения просвещенного абсолютизма, который в лице Наполеона и его сподвижников одинаково был враждебен и возвращению к старому порядку с его феодальным и клерикальными традициями и стремлениями, и дальнейшему движению вперед в смысле осуществления идей индивидуальной свободы и национального участия в государственных делах, составлявших главные лозунги революции. Наполеон играл как бы роль примирителя между старой и новой Францией, охотно принимая к себе на службу и умеренных роялистов, и раскаявшихся якобинцев. Но во время этой передышки в социальной борьбе, начатой революцией, подготавливались для будущего идеологии и реставрации старого порядка, и прогрессивного либерализма, которые беспрепятственно вступили в борьбу, как только исчез со сцены истории Наполеон, думавший строить будущее по-своему. Преприятие это кончилось крахом, но со времени начала революции до этого времени прошло двадцать пять лет, в течение которых столь многое неовозвратно изменилось. Европа 1815 года была уже совсем непохожа на Европу 1789 года. Ни политическая карта Европы не могла быть возвращена в свой прежний вид, ни внутренние отношения отдельных государств восстановлены в прежнем виде. И этот 1815 год был исходным пунктом нового периода европейской истории.

¹⁾ Карно тоже был военным министром, но скоро отошел от Наполеона. Его мемуары были изданы в 1824.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕН АВТОРОВ, НАЗВАННЫХ В НАСТОЯЩЕМ ВЫПУСКЕ.

В виду того, что подавляющее большинство названных ниже авторов иностранные, указатель расположен по латинскому алфавиту, под отдельными литерами которого распределены и имена русских писателей, кроме немногих с фамилиями, начинающимися на букву X, Ч, Ш, Ю, прибавленные в конце алфавита.

A.

Acollas, 70
Acton, 37
Advielle, 62
Aegidi, 106
Афанасьев, 44
Алексеев, А. 55
Almêras, 77
Annales révolutionnaires, 24
Ainault, 64
Ардашев, 35, 42, 43, 49
Artaud, 100
Ashbee, 64
Askenazy, 109
Aubert, 43
Aucoc, 99
Aulard, 62, 63, 33, 35, 36, 59, 67
68, 71, 72, 75, 78, 80, 81, 84
98, 101
Авалов, 99
Avenel, 48, 60, 63
Ахшарумов, 45

B.

Babeau, 43, 48, 74
Bader, 64
Balau, 106
Batch, 58
Ballod, 82
Balzer, 88
Bardoux, 68
Barni, 95
Barrière et Lescure, 25
Barthélemy, 97
Bartholdy, 105
Bartou, 64
Baumgarten, 108
Bayard-Tuckermann, 64
Beaulieu-Maronnay, 107
Beaurepaire, 43
Beauverger, 65
Beck, 106
Beer, 89, 104
Beeslay, 63
Beltranni, 97
Бепкова, 77
Bertin, 101
Berville et Barrière, 25
Betzy Balcombe, 112
Biedemann, 83

Bigeon, 65
Binder von Kriegstein, 110
Biollay, 80
Bizé, 62, 76
Bittard des Portes, 78
Blanc, Louis, 28
Blennerhasset, 65, 112, 113
Bloch, Camille, 50
Bloss, 39
Bobrzynski, 86
Борданович, Т., 32, 41
Борданович, ген., 111
Boguslawski, 63
Богучарский, 60, 63
Body, 100
Boetting, 93
Boissandré, 102
Boissonnade, 26
Boiteau, 43
Bonnal, 63, 84
Bonald, 65
Bonnal de Ganges, 75, 86
Bord, 66
Боровой, 45, 70
Bouchard, 46
Bouchot, 102
Boulaye de la Meurte, 98
Bongard, 68
Bougerat, 64
Bouglé, 55
Bourgain, 47, 79
Balzer, 88
Bourgeois, 63
Bourget et Salomon, 112
Boursin, 25
Bousquet, 113
Boutmy, 70
Bouvier, 86
Bradley, 63
Braesch, 69
Brandes, 112
Brette, 59, 66, 67, 69
Brog de, 43, 76, 102
Bruneau, 67
Brunemann, 64
Brutails, 50
Buche et Roux, 28
Büchinger, 64
Buissac, 100
Bultingaire, 68
Buonarroti, 62
Burke, 37
Bussiêre, 67

Бутенко, 112
Butide, 75

C.

Cabanis, 64
Cadoudal, 98
Calen, 63
Calmet de Santerre, 104
Campagnac, 78, 79
Cappelletti, 94
Carayon, 54
Carlyle, 37
Carnot, 36, 63
Caron, 23, 62, 79, 84
Cartelieri, 77
Cassagne, 112
Cassagnac, 77
Casse, 110
Castro, 108
Cavaignac, 109
Challamelle, 45
Champion, Edme, 55, 59, 71
Chantavoine, 70
Chaptal, 96
Chapuisat, 113
Charavoy, 61, 64
Charras, 111
Chauffour-Kestner, 95
Chassin, 47, 78
Chavanon Saint-Joes, 108
Chérest, 44
Cherfils, 98
Chevalay, 103
Chevreumont, 64
Choppin, 84
Chotard, 100
Chuquet, 23, 55, 84
Clamageran, 46
Clarétie, 63, 81
Clausewitz, 109
Clémenceau, 78
Clément, 111
Cochin, 39
Coffin, 78
Colin, 85, 93
Combet, 86
Compardon, 77
Conard, 67, 107
Cornuel, 64
Corréard, 35

Coston, 93
Créneau-Joly, 100
Crouzil, 100
Cunow, 46

D.

Darest de la Chavanne, 112
Damustädter, 50, 107
Dauban, 64
Daudet, 45, 78, 84, 113
Dayot, 97
Debidour, 71, 81, 100
Décembre-Alonier, 25
Declevises du Désert, 83
Dedien, 57
Defrance, 63
Dejob, 108, 113
De la Gorce, 47
Delahaize, 85
Delarc, 71
Del-Vecchio, 70
Denis, 106
Demarets, 98
Desbrière, 105
Des Lillens, 48, 99, 101—102
Despois, 80
Destem, 99
Deville, 34, 81
Dodu, 69
Dondolo, 86
Doniol, 49, 58, 64
Donarche, 67
Douteville, 114
Dowden, 37
Dreyfous, 62
Driault, 93, 103, 108, 110
Droeyen, 111
Droz, 44
Дубнов, 72
Dubosq, 107
Дубровин, 103
Dugast-Matifeux, 63
Dufourq, 86
Dufrasse, 85
Dunoyer, 65, 77, 80
Dupéron, 80
Duprat, 56
Durand, 99
Derny, 74, 84
Du-Teil, 86

E.

Eckart, 76, 107
Ellery, 63
Erber, 105
Espinas, 62
Espitalier, 108
Estre'e d', 65

F.

Fabre, 51
Faguet, 54
Farge, 63
Ferrari, 108
Feugère, 26
Fichte, 37
Fischer, 97, 107
Fischette, 106
Flammermont, 43, 44, 66
Fleischmann, 62, 77
Fleury, 63, 64
Foncin, 44
Forneron, 84
Foubert, 61
Foncart et Finot, 84

Fournel, 66
Fouvnier, 97
Franchetti, 85
Frank - Allengry, 63
Frémeaux, 112
Freyssinay, 76
Fribourg, 67
Funck - Brentano, 45, 77
Furse, 105

G.

Gachot, 103
Gaffarel, 86
Gallois, 60
Gambert de la Garde, 112
Gasnier - Duparc, 75
Gautherot, 66, 79
Gautier, 113
Gazier, 71
Гейцер см. Häusser
Geoffroy St. Hilaire, 63
Герье, 35, 39—40
Girardot, 64
Глаголева-Данини, 67
Gocke, 107
Gocke und Ilgen, 106
Goetz - Bernstein, 63, 76
Goette, 110
Giglioli, 86
Giraud, 112
Glasson, 43
Gmelin, 107
Gomel, 46
Gollavrest, 86
Goncourt, 82
Gonnard, 94
Graham, 55
Grand-Carteret, 97
Grente, 100
Grandmaison, 100, 107
Grante, 78
Grasset, 113
Гримм, Э., 64
Gros, 75
Gryer, 112
Guglia, 43
Guibal, 78
Guillon, 97, 102, 107
Guillois, 97
Гурвич, 55
Gutteridge, 86
Guyot, R., 85

H.

Hamel, 64, 102
Hamond, 63
Handelsmann, 109
Hartmann G., 103
Hassel, 109
Hatin, 45
Häusser, 39, 106
Haussonville, 100
Hanterive, 84, 99
Havemann, 107
Haymann, 55
Helfert, 111
Hérissay, 63
Hérissou, 99
Hérissou, 99
Helfert, 86
Hélie, 71
Hennet, 85
Héricault, 80, 81
Hecce, 76
Heurtant, 101
Heydrich, 85
Hippeau, 74

Hoffmann, 107
Holm, 106
Honegger, 83
Hormayr, 105
Houssaye, 109, 112
Hüffer, 86, 104
Huguenay, 68

I.

Идельсон, 77
Иловайский, 88
Isambert, 61

J.

Jaeger, G., 79, 98
Janet, 25
Janson, 111
Janssen, 54
Janzé, 47
Jaurès, 34, 55
Jellinek, 70
Jobez, 44
Joc, 100
Jouffroy, 53
Johnston, 108
Jorissen, 107
Joubert, 110
Junq, 93
Juste, 85, 111

K.

Кареев, 26, 35, 41, 48, 49, 53
61, 62, 63, 64, 72, 75, 77, 79
81, 82, 87, 88
Kalinka, 88
Karmin, 73
Kautzky, 46
Kennan, 94
Kirchseisen, 93
Kirchmayer, 105
Kleinschmidt, 106
Klippel, 109
Knapp, 109
Koch, 54
Кокоскии, 69, 70
Korzon, 83
Костомаров, 88, 89
Ковалевский, М. 40, 47, 48, 49
54, 55, 63, 70, 87, 113
Ковалевский, И., 97
Kozlowski, 109
Krones, 105
Кропоткин, 41
Kutrzeba, 88
Kühlmann, 110
Kuscinski, 62

L.

Laboulaye, 113
Labroue, 63
Lacombe, 69
Lacour, 26, 82
Lacroix, 97
Laferrère, 69
Lafon, 71
Lallié, 63
Lamartine, 76
Lambert, 68
Lanfranchi, 60
Lanfrey, 94
Langert von Simmern, 86
Lanzac de Laborie, 64, 102, 106
Larrey
Lasse

Latrelle, 113
 Laurent, 36
 Laurent et Mavidal, 58
 Lauris, 113
 Lavalée, 106
 Lavigne, 63
 Lavergne, 44
 Lavis et Rambaud, 36
 Le Faure, 79
 Lefèvre, 103
 Lefèvre de Betaine, 111
 Legendre, 63
 Legrand, 87, 107
 Lehmann, 109
 Lehtonen, 89
 Lemaire, 43
 Lemml, 86, 108
 Lenotre, 62, 68, 77, 78
 Le Roy, 25, 100, 101
 Lescœur, 71
 Lescure, 112
 Levasseur, 48
 Levy, 93, 96
 Liard, 74, 101
 Lichtenberger, 79, 107
 Liepmann, 55
 Limahowski, 79
 Lintilhac, 63
 Loménil, 64
 Loquet, 78
 Lord, 89
 Lote, G., 86, 106
 Louandre, 47
 Любимов, 66
 Luçay, 44
 Lucien-Brun, 71,
 Лукия, 64
 Lumbroso, 86, 93, 101, 111
 Лучицкий, 44, 50, 73
 Lyncker, 110

M.

Mackintosh, 37
 Mac-Knight, 114
 Madelin, 36, 63, 65, 84, 99, 108
 114
 Mahon, 84, 105, 106
 Maine, 49
 Mainfroy-Malignat, 72
 Mandoul, 113
 Marcaggi, 70, 93
 Marcus, 54
 Marion, 50, 73, 79
 Marison, 65
 Martinet, 107
 Martin-St. Léon, 48
 Martin, Germain, 48
 Masson, 85, 93, 104
 Матафтия, 77, 99
 Mathieu, cardinal, 100
 Mathiez, 63, 64, 65, 66, 67, 68,
 71, 78, 79, 80, 81, 85
 Matouchet, 75, 80
 Mutteuci, 113
 Матвеева, 80
 Mayot de Luppé, 100
 Mège, 67
 Meier, F., 109
 Meilié, 61
 Meilini, 112
 Melzi, d'Eril, 108
 Méric, 62
 Merlet, 101
 Méry, 68
 Mensch, 37
 Meynier, 55, 63
 Mezières, 64

Michelet, 28
 Mignet, 27, 65, 69
 Мижуев, 70
 Mirabeau, 64
 Миронич, 64
 Msermont, 72,
 Михайловский, Н., 35
 Молчановский, 109
 Moniteur Universel, 9
 Monin, 61
 Monod, 35
 Montigny, 64
 Morley, 55, 56, 114
 Morron Tling, 64
 Mortimer-Ternaux, 76
 Moter, 65
 Muel, 71

N.

Nasica, 93
 Назимов, 109
 Nervo, de, 46
 Néton, 65
 Nettelement, 101
 Neubauer, 109
 Nicolas, Ch., 99
 Nikolay, 105
 Николай Михайлович, 104
 Noack, 109
 Новгородцев, 55
 Нольде, 110
 Nourisson, 63, 64

O.

Ompteda, 105
 Oncken, 39, 103, 111
 Опу, 59
 Орлов, 103
 Овсянников, 82

P.

Pallain, 85
 Паиов, 56
 Pasquier, 67
 Paulhan, 112
 Peez und Dehn, 101
 Pellet, 65, 86, 112
 Pelet de Lozère, 99
 Pelletier, 69
 Pérouse, 100
 Perroud, 64, 76
 Perthez, 83, 107
 Pertz, 109
 Петров Д., 72
 Петров Е., 59
 Петрушевский, 103
 Peyre, 97, 98
 Pfug-Hartung, 111
 Piazzol, 64
 Picavet, 53
 Pickford, 67
 Picot, 63
 Pierre, V., 82, 85
 Pingaud, 110
 Pisanl, 105
 Pisard, 43
 Pitra, 66
 Plunkett Barton, 110
 Pol, 64
 Pole, 65
 Poncin, 59
 Попов, 71
 Porée, 80
 Pouchet, 80
 Poitevin, 101
 Pouvillon, 108

Q. R.

Pressensé, 71
 Prunet, 65
 Pulitzer, 103
 Quinet, 30
 Radiguet, 112
 Радиг, 70
 Raif, 85
 Rambaud, A., 36, 86, 107
 Rambaud, Jacques, 108
 Ranke, 84, 109
 Randot, 43
 Reboul, 111
 Remacle, 98
 Rembowski, 109
 Révolution française, 24
 Revue historique de la révolution, 24
 Richard, 58
 Richter, 69
 Robinet, 25
 Robiquet, 62
 Rocquain, 51, 98, 107
 Rod, 113
 Rodet, 55
 Rodocanachi, 100, 110
 Roland, m-me, 64
 Rollet, 97, 110
 Rose, 84, 97
 Rosebery, 112, 114
 Roustan, 53
 Rouff, 68
 Rousse, 63
 Roux, 63
 Розанов, 55
 Rudler, 113
 Rûhs, 83
 Ruth, 108
 Ruville, 114

S.

Saint-Clair, 105
 Sainte-Beuve, 35, 65, 112
 Sagnac, 69, 70
 Sagnac et Caron, 72
 Saleille, 100
 Salomon, 114
 Savine et Bournand, 81
 Savoigne, 82
 Sciout, 71
 Schâdel, 114
 Schefer, 110
 Schlosser, 17, 38
 Schmidt, A., 62, 101
 Schmidt, Ch., 107
 Schoor, van, 60
 Schwarcz, 54
 Seche, 100
 Sée H., 50
 Seeley, 97, 109
 Seligman, 77
 Sepet, 97
 Servières, 107
 Settow-Vorbeck, 11
 Sevestre, 100
 Sévin, 80, 100
 Sicard, 47
 Silvestre, 112
 Simon, Jules, 35
 Simonnet, 43, 71
 Sirey, 77
 Skarbek, 109
 Sloane, 97
 Smitt, 89
 Соловьев, С. М., 88, 103

Solderhijm
 Sorel, 32, 88, 97, 100, 113
 Souriau, 44
 Staël, 27, 64
 Stanhope, 114
 Stavzynski, 88
 Stein, Lorenz, 38
 Steiner, 110
 Stenger, 102
 Stern, A., 64
 Stourm, 46, 99
 Sugenheim, 83
 Sybel, 38, 111

T

Tailandier, 63
 Taine, 31, 96
 Tarle, 45, 62, 77, 101
 Тарановский, 43
 Tatistcheff, 104
 Theimer, 100
 Thiers, 27, 94
 Thimme, 107
 Thureau-Dangin, 62
 Tiersot, 80, 84
 Tocqueville, 29
 Thomas, 62
 Tourneux, 62

Tower, 64
 Трачевский, 83, 97, 104, 108
 Treitschke, 106
 Tridon, 80
 Tvipplier, 71
 Troplong, 100

U.

Устинов, 60
 Usinger, 106
 Uzureau, 72

V.

Вайнштейн, 113
 Vandal, 97, 98, 104
 Vatel, 63
 Vaissière, 77
 Venedey, 85
 Vesins, 113
 Vidal de la Blache, 109
 Виннер, 109
 Voigt, 109
 Воловцов, Н., 78
 Vührer, 46
 Vuitry, 46
 Вульфус, 39

W.

Wahl, 58
 Walford, 114
 Walton, 43, 71, 75, 76
 Walsch, 70
 Warwick, 63
 Weill, 108, 111
 Wheeler and Broadley, 105
 Welschinger, 98, 100, 101, 104
 Wohlwill, 85
 Wolseley, 111
 Wolters, 50

Захер, 61
 Zivy, 82
 Zinkeisen, 67
 Zoila, 80
 Zultowski, 109
 Zwiedinek-Südenhorst, 106
 Холостов, 71
 Хорошун, 59
 Чичерин, 54
 Шахов, 101, 112
 Шильдер, 104
 Шульгин, 47
 Юшкевич, 101

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Понятие о новейшей истории и деление ее на периоды.	3—18
Общий характер новейшей истории (3—8). — Особенности источников новейшей истории (8—13). — Периодизация новейшей истории (13—18).	
Общий взгляд на историографию новейшего времени.	19—22
Историография французской революции	23—89

Главные историки французской революции (26): Тьер и Минье (26), Бюшез, Луи Блан и Мишле (28), Токвиль (29), Кине (30), Тэн (31), Сорель (32), Олар (33), Жорес (34), Лоран (36), Карлейль (37), Лоренц Штейн (38), Зибель (38), Гейсер (39), Герье (39), М. Ковалевский (40), Кропоткин (41). — Литература по изучению французского старого порядка (41): общие труды (41) и работы по государственному праву (42), по администрации (45), по сословному и классовому строю (46), по экономическому быту рабочих (48) и крестьян (49). — Литература об идейной подготовке революции (51): труды об общем характере философии XVIII века (51): отношение писателей этого времени к религии (53); их политические теории (54) и экономические взгляды (56). Сочинения о кануне революции (57), выборы в генеральные штаты и указы 1789 г. (58), пресса 1789 г. (60), Париж перед революцией (61). — Биографии деятелей революции (62). — Труды по отдельным периодам и моментам в истории революции (65): Учредительное и Законодательное собрания (66), взятие Бастилии и др. эпизоды 1789 г. (66), якобинский (67) и кордельерский клубы (68), события 20 июня и 10 августа 1792 г. (68), законодательство 1789 — 1792 годов (69) с декларацией прав (70) во главе, как политическое (70), так и социальное (72) и т. д. Национальный Конвент и его законодательство (74); борьба Жиронды и Горы (76); террор (76), гражданская война (78), «дехристианизация» (80), социальные идеи эпохи (79), 9-ое термидора (80). Термидорианская реакция (81).

Внешняя политика в эпоху французской революции (83): влияние французской цивилизации в Европе (83), роль эмиграции (84), революционные войны (84). Влияние французской революции на Бельгию (85), Германию (85), Италию (86), Польские разделы (87).

Историография Наполеоновской эпохи. 90—115

Двойственное значение наполеоновской эпохи (90). — Историографические труды по этой эпохе (93). — Биографии Наполеона (93) и общие труды о нем (94) Тьера (94), Ланфре (94), Юнга (95) Тэна, (96), Фурнье (97) и др. Канун 18 брюмера (98). — Внутренняя история Франции при консульстве и империи (99): политический строй (99), конкордат (99), гражданский кодекс (100), экономическая политика (101), положение печати и народного просвещения (101).

Внешняя политика Наполеона (102). Обзор литературы по отношениям в эту эпоху между Францией и другими странами: Австрия (104), Англия (105), Бельгия (106), Германия (106), Голландия (107), Испания (107), Италия (108), Польша (108), Пруссия (109), Швейцария (110), Швеция (110).

Канун падения Наполеона (110) и самое крушение его империи (111). — Нарождение оппозиции против него в самой Франции (112).

Биографическая литература о деятелях эпохи (112). — Заключение (115).

Указатель 116—119

42424
401

21
35

„НАУКА и ШКОЛА“

Литейный проспект, 36

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ

ИСТОРИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. А. ЖЕБЕЛЕВА, А. П. КАРСАВИНА и М. Д. ПРИСЕЛКОВА.

А. П. Карсавин: Введение в Историю. Петр., 1921 (распр.).

С. А. Жебелев: Древняя Греция ч. I, Эллинство. Петр., 1921 (распр.).

Его-же: Древняя Греция ч. II, Эллинизм. Петр. 1921.

Его-же: Древний Рим ч. I, Царский и республиканский период (в печати).

О. А. Добиаш - Рождественская: Средние века. Петр. 1921.

А. Г. Вульфиус: Европа в новое время ч. I. Общий очерк (распр.).

Его-же: Европа в новое время ч. II (в печати).

Н. И. Кареев: Французская революция и Наполеоновская эпоха. Петр. 1922 г.

Его-же: Деятнадцатый век ч. I (в печати).

Его-же: Деятнадцатый век ч. II (готовится к печати).

Бартольд: Мусульманский мир.

Готовится к печати ряд выпусков по Русской Истории.